

#1 *New York Times* bestselling author of *Sinner*

MAGGIE STIEFVATER

sinner

Все думают, что знают историю Коула. Слава. Зависимость. Падение. Исчезновение. Но лишь несколько человек знает его самую мрачную тайну — его способность перевоплощаться в волка. И одной из этих людей является Изабел. С одной стороны, возможно, они даже любили друг друга. Но, кажется, что это было целую вечность назад. Теперь Коул вернулся. Он снова в центре внимания. Снова в опасной зоне. Снова в жизни Изабел. Можно ли этого грешника спасти?

Мэгги Стивотер
Грешник

Информация о переводе

Переводчики: **tanya_gran** (82 %), **cingerella** (16 %), **pollyanna** (2 %).
Редактор **tanya_gran**.

Дорогие читатели,
Я — оборотень в Л.А.

Вот первое предложение книги, что ты держишь в руках, и еще, как бывает, это то предложение, что породило в моей голове мысли о романе. Когда оно впервые появилось, я была в Лос-Анджелесе — городе, который люблю и ненавижу в равной мере, как сюжет для динамичного любовного романа.

Моего, как я продолжала думать. Какая прекрасная первая строка. Представьте себе волка в этом городе! Зверь среди всей той красоты (если это день, когда я люблю Л.А.) или красота среди зверства (если ненавижу).

Я искренне считала, что закончила с интригой об оборотнях. Трилогия «Дрожь», действие которой происходит в Мерси-Фоллз, штат Миннесота, была закончена в 2011, и я была вполне довольна судьбой двух главных героев. Тогда я сказала всем, что не вернусь больше в Мерси-Фоллз и имела в виду именно это.

Я — оборотень в Л. А.

Но Лос-Анджелес — это не Мерси-Фоллз. Это был отдельный мир, неустанный и ленивый, сияющий и точный. Я не понимала этого, но хотела понять.

Я просто напишу немного, думала я. Просто посмотрю, есть ли этому месту что сказать.

Коул Сен-Клер, возвращающаяся рок-звезда, и Изабел Калпепер, эмоциональная убийца, стали моими ушами и глазами. Так как я писала о переменчивых отношениях между двумя людьми, которые менялись ролями грешника и греха, я была озадачена: как место вроде Л.А. могло одновременно уничтожить человека и сделать с ним что-то невозможное и новое. Я поняла, как люблю его, даже когда ненавижу.

Я растворилась в написании «Грешника». Это был по-летнему жаркий, неоноворозовый, песочно-взрывно-поцелуйный отпуск от «Воронового круга».

Это также, несмотря на метаморфозу, наиболее честный роман, который я написала. Я надеюсь, что те, кому не нужна правда здесь, увидят только оборотня, а те, кто нуждается в правде, — только человека.

Ваша, как всегда,

Мэгги Стивотер

Это для тех читателей, которые всегда здесь.

Вы знаете, кто вы.

«Вниз, вниз, вниз... Вечно ли будет падение?»

— Льюис Кэрролл «Приключения Алисы в Стране Чудес»

*«Там, где ты бывал, есть дыра, вокруг которой я кругами гуляю
днем, и в которую падаю ночью. Я чертовски по тебе скучаю»*

— Эдна Сент-Винсент Миллей, Письма

Я — оборотень в Лос-Анджелесе.

Ты спросишь, почему я сделал это.

Сделал что?

— *Все, Коул. Абсолютно все.*

Ты, утрирующая ты, на самом деле не имеешь в виду *все*. Ты подразумеваешь последние пять недель. Ты говоришь о том, как я сжег твоё место работы. Был выгнан из единственного суши-баре, что тебе нравился. Растянул твои любимые леггинсы и затем порвал их, убегая от копов.

Ты имеешь в виду то, зачем я вернулся.

Это не все, даже если сейчас так и ощущается.

— *Я знаю, почему ты сделал это.*

Неужели?

— *Ты просто сделал это, чтобы говорить «Я — оборотень в Лос-Анджелесе».*

Ты всегда говоришь мне, что вещи, которые я когда-либо делал, были для хорошей телепередачи в будущем, или что я говорю что-либо, потому что знаю, что это станет стоящим текстом позже, или делаю что-либо из-за того, как я выгляжу при этом. Ты так говоришь, будто у меня есть выбор. Информация поступает через мои глаза и уши, через мои поры, и мои рецепторы начинают подавать беспокойный сигнал, мои нейроны горят, словно порох, и со временем все попадает в мой мозг и выходит с другой стороны, это все превращается в разные пиксели или каналы, глянцевые или матовые. Я не могу изменить себя. Я — исполнитель, певец, оборотень, грешник.

Просто потому, что я пою это для толпы, не делает это неправдой.

Если мы останемся в живых, я скажу тебе истинную причину. И на этот раз тебе лучше поверить мне.

Я вернулся за тобой, Изабел.

КОУЛ•

ƒ live: *Сегодня с нами Коул Сен-Клер, вокалист Наркотики, который дает свое первое интервью после, ну, очень даже прилично перерыва. Два года назад он потерял сознание во время концерта и пропал прямо после этого происшествия. Абсолютно испарился. Копы прочесывали дно каждой реки. Фанатки плакали и создавали алтари. Но шестью месяцами позже была опубликована новость о том, что он находился в центре реабилитации. А после он просто ушел. И, похоже, скоро мы услышим новую музыку от любимого всеми американского рок-гения. Он только что подписал контракт с Бейби Норс.*

— Ты любишь собак или щенков, Ларри? — спросил я, повернув голову, чтобы посмотреть в тонированное окно. Слева — ослепительно-белые машины. Справа — чернильно-черные. Скорее всего, мерседес, но, возможно, ауди. Их покрытие отбивает яркий солнечный свет, ослепляя. Пальмы возникают в пейзаже с неравномерными промежутками. Я был здесь. Наконец-таки здесь.

Как жителю Восточного побережья мне больше нравилось Западное. Оно было простым, чистым и неиспорченным ничем, как сама истина.

Мой водитель взглянул на меня в зеркало заднего вида. Его веки тяжелели над покрасневшими глазами. Он выглядел несчастным в своем костюме, который был ему совершенно не к лицу.

— Леон.

Мой телефон был как раскаленное солнце возле уха.

— *Леон* — не очень подходящий ответ на этот вопрос.

— Это мое имя, — сказал он.

— Конечно, — ответил я тепло. Теперь я уже не думал, что он выглядит как Ларри, приглядевшись. Не тот взгляд. Не тот рот. Думаю, Леон не из Л.А. Леон, скорее, из Висконсина. Или Иллинойса.

— Собаки. Щенки.

Его рот изогнулся, пока он обдумывал это.

— Я полагаю, щенки.

Все и всегда выбирают щенков.

— Почему щенки?

Ларри — нет, Леон! — запнулся, как если бы никогда не задумывался об этом ранее.

— Думаю это потому, что за ними интереснее наблюдать. Всегда в движении.

Я не мог винить его. Я и сам бы выбрал щенков.

— Как ты думаешь, почему они становятся медленнее, Леон? — спросил я. Телефон возле моего уха был очень горячим. — В смысле, собаки. Леон не колебался с ответом:

— Жизнь тянет их вниз.

ƒ live: *Коул? Ты все еще с нами?*

коул сен-клер: *Я вроде как провел психологический эксперимент во время твоего вступления. Только что я спросил своего водителя, кто ему больше нравится: собаки или щенки.*

ƒ live: *Вступление было долгим. И что же он выбрал?*

коул сен-клер: *А ты?*

fr live: *Думаю, щенки.*

коул сен-клер: *Ха! Дважды ха. Ларри — Леон — солидарен с тобой. Почему ты выбрал щенков?*

fr live: *Они же такие симпатяги.*

Я отодвинул телефон подальше ото рта.

— Мартин из «*F Natural Live*» тоже выбрал щенков. Мило.

Похоже, эти рассуждения не особо отличались от слов Леона.

коул сен-клер: *Леон считает, что они забавнее. И энергичнее.*

fr live: *Это утомительно, не так ли? Я имею в виду, если это чей-то щенок. Тогда вы можете просто понаблюдать, а бардак после щенка уже не ваша забота. У тебя есть собака?*

Я был собакой. В Миннесоте я был частью стаи чувствительных к температуре оборотней. Иногда этот факт казался важнее остальных. Это был один из тех секретов, которые предназначены в основном для других людей.

коул сен-клер: *Нет. Нет, нет и нет.*

fr live: *Четыре нет. Ребята, да это самый настоящий эксклюзив нашей программы. У Коула Сен-Клера абсолютно никогда не было собаки. Но совсем скоро у него будет новый альбом. Давайте оставим это на потом. Помните, как это было круто, ребят?*

В конце его фразы прозвучали первые аккорды одного из наших последних синглов, «Жди/Не жди», чисто и резко. Это было сыграно так много раз, что в итоге мелодия потеряла каждую частицу своего первоначального эмоционального резонанса для меня; это была песня про меня, написанная кем-то другим. Думаю, это была превосходная песня кого-то другого. Тот, кто придумал этот басовый риф, определенно знал, что делает.

— Ты можешь говорить, — сказал я Леону. — У меня вроде как перерыв. Они включили одну из моих песен.

— Я ничего не сказал. — ответил Леон.

Конечно же нет. Он просто страдает в тишине, наш старый добрый Леон, за рулем этого чудного лос-анджелесского лимузина.

— Я думал, что ты рассказывал мне, почему водишь этот автомобиль.

Это вылилось в рассказ о его жизни. Все началось в Цинциннати, когда он был слишком молод, чтобы водить. И закончилось здесь в арендованном Кадиллаке, когда он слишком стар, чтобы заниматься чем-либо еще. Вся жизнь в тридцати секундах.

— У тебя есть собака? — спросил я его.

— Она умерла.

Конечно же, она умерла. Позади нас кто-то посигналил. Черная или белая машина, и почти наверняка мерседес или ауди. Я находился в Лос-Анджелесе тридцать восемь минут, и одиннадцать из них провел в пробке. Мне сказали, что есть такие части Л.А., где не существует клише длительных пробок, но, я полагаю, это потому, что никто не хочет туда ехать. Мне по-прежнему плохо удавалось усидеть на одном месте.

Я развернулся, чтобы посмотреть в заднее окно. Здесь, в море монохрома, лениво плелась желтая ламборджини, яркая, как детская игрушка, на фоне редких пальм позади. И с другой стороны стоял фургон фольксваген цвета воды в бассейне, за рулем которого сидела женщина с дредами. Повернувшись обратно, сползая вниз по кожаному сидению, я увидел, как солнечные лучи отбиваются от складовых крыш, от терракотовой плитки, от сорока

миллионов пар огромных солнцезащитных очков. О, это место. *Это место.* Я ощутил прилив радости.

— Ты знаменит? — спросил Леон, пока мы ползли вперед. Моя песня все еще тихо играла в мое ухо.

— Разве бы тебе пришлось спрашивать меня об этом, если бы я был знаменит?

Правда была в том, что слава, как изменчивый друг, никогда не появлялась, когда нужна, и всегда сваливалась на голову, когда лучше, чтобы ее не было. Правда в том, что я был никем для Леона, и, теоретически, всем, по крайней мере, для одного человека в радиусе пяти миль.

В машине рядом с нами парень в очках-вайфарерах^[1] поймал мой взгляд, устремленный на Калифорнию, и поднял большие пальцы вверх. Я ответил ему тем же.

— У тебя интервью на радио прямо сейчас? — спросил Леон.

— Так они мне сказали.

Леон начал переключать станции. Заиграла мелодия «Жди/Не жди». Я слегка дотронулся до него и он откинулся обратно на спинку сидения.

— Эта? — на его лице проявилась неуверенность. Мой голос пел из колонок, уговаривая слушателей снять хотя бы один элемент одежды с себя, обещая им — *обещая* —, что это будет того стоить утром.

— Разве не похоже, что это моя песня?

Леон посмотрел на меня в зеркало заднего вида, как будто мог увидеть на мне ответы на свои вопросы. Его глаза были такими красными. Он, думаю, был очень чувственным человеком. Трудно представить себе такого же грустного человека, как он, в подобном месте, но, подозреваю, однажды я тоже был грустным здесь.

Но это, казалось, было так давно.

— Я предполагаю, что это так.

Песня на радио подходила к концу.

fx live: *И мы снова с вами. Теперь припоминаете? О, летние встряски Наркотики. Хорошо, Коул. Ты там, или вы проводите другое исследование на собаках?*

коул сен-клер: *Мы размышляли о славе. Леон никогда не слышал обо мне.*

леон: *Это не твоя вина. Я просто ничего не слушаю, кроме разговорного радио или джаза, но очень редко.*

fx live: *Это Леон? Что он сказал?*

коул сен-клер: *Он джазовый парень. Ты бы знал это, Мартин, если бы увидел его. Леон очень джазовый.*

Я показал джазовое движение рукой в зеркало заднего вида. Леон несчастно взглянул на меня из-под полуприкрытых глаз. Тогда он убрал руку от переключателя и ответил мне тем же движением.

fx live: *Я верю тебе. Какой альбом ты бы порекомендовал ему для начала?*

коул сен-клер: *Возможно это был бы тот кавер на «Пробел», который мы сделали с Магдаленой. Он джазовый.*

fx live: *Серьезно?*

коул сен-клер: *Там есть партия саксофона.*

fx live: *Я потрясен твоими знаниями музыкальных жанров. Что ж, давай обсудим ту сделку с Бейби Норс. Работал ли ты с ней ранее?*

коул сен-клер: *Я всег...*

live: Мне интересно, все ли знают, кто такая Бейби?

коул сен-клер: Мартин, перебивать — очень грубо.

live: Прости, чел.

леон: Я знаю, кто она.

коул сен-клер: Действительно? Ее, но не меня? Леон знает кто она.

live: Он любитель джаза. Не хотел бы он поделиться этим с нашими слушателями?

Я имею в виду, только если это не приведет к аварии, конечно же.

Я предложил свой телефон Леону.

— Я не могу освободить руки, — сказал Леон.

— Я подержу его для тебя, — предложил я, ожидая, что тот откажется. Но он пожал плечами, соглашаясь.

подавшись вперед, я поднес телефон к его уху. У него была одна из тех стрижек с очень странной формой возле уха.

леон: Она та леди с веб-шоу. Сумасшедшая. Это «Острые-Зубы-Точка-Ком», но она произносит это странно. С числами, наверное? «Острые-Тройки-Точка-Ком». Я не знаю. Это могло быть что-то вместо «тис»^[2].

live: Смотрели ли ты какое-то из ее шоу?

леон: Иногда между поездками я смотрю на своем телефоне. У нее было такое в прошлом году. О той наркоманке с ребенком?

live: Кристин Бэнк. Она та, что представила на рассмотрение sharpt33th.com зрителям. Кто знал, что сериализованное восстановление после беременности может быть настолько популярным? Вам понравилось шоу?

леон: Я не знаю, являются ли это шоу тем, которое вы любите или не любите. Вы просто смотрите его.

live: Я определенно понимаю, что ты имеешь в виду. Окей, давайте вернемся к Коулу снова. Тебе возможно интересно, почему она интересуется размещением альбома на оригинальной веб-телепрограмме. Как думаешь, чем это вызвано, Коул?

Я не был идиотом. Бейби Норс была заинтересована во мне, потому что я шел с настроенной аудиторией. Она была заинтересована во мне, потому что у меня красивое лицо, и я знал, как заставить мои волосы выглядеть лучше, чем у большинства парней. Она была заинтересована во мне, потому что у меня была передозировка на сцене в клубе Жозефина, а потом я исчез.

коул сен-клер: О, это все моя классная музыка, наверное. Ну, и я суперски очарователен. Я уверен, что это так.

Леон мягко улыбнулся. Машины перед нами вяло мешались, как игральные карты. Солнечные лучи отбивались от зеркал и отражателей. Пальмы тянулись вдоль линии шоссе, исчезая за горизонтом. Я не мог поверить, что был здесь, в Калифорнии, глядя прямо на все это, и все еще не имея возможности прикоснуться к нему. Интерьер этой машины по-прежнему ощущался, как и, по крайней мере, два штата назад.

live: Это звучит правдиво. Она известна своим музыкальным вкусом.

коул сен-клер: Я понимаю. Это шутка.

live: Ты быстро соображаешь.

коул сен-клер: Я фактически никогда не слышал этого прежде.

live: О, я понимаю. Это шутка.

И Леон, и я громко рассмеялись.

Я встречал Мартина прежде. Хотя у него вечно юный голос, он был в музыкальной журналистике дольше, чем я жил. Первым интервью с ним была двадцатиминутная безвкусно переданная сексавантюра, и затем я встретил его лично и обнаружил, что он был достаточно стар, чтобы быть моим отцом. Вопросы, вопросы: Как ты смеешь звучать на двадцать и быть шестидесятилетним? Они сделали косметическую операцию для твоих голосовых связок? И как ужасно я оскорбил его? Но оказалось, что Мартин был одним из тех не-грязных пожилых людей, которые развлекают нас, все-еще-грязных молодых людей.

ƒ live: *Сколько времени тебе понадобится, чтобы написать и записать этот альбом? Не долго, верно?*

коул сен-клер: *Думаю, около шести недель.*

ƒ live: *Это звучит амбициозно.*

Если бы вы поискали слово «амбициозный» на Википедии, моя фотография была бы первым из найденных вариантов. У меня действительно был некоторый материал, который я написал, сидя один в Миннесоте, но было странно попытаться закончить что-либо в вакууме. Ни группы. Ни слушателей.

Это все было в студии.

коул сен-клер: *У меня было видение.*

ƒ live: *Что думаешь насчет Калифорнии? Останешься здесь?*

У меня не очень-то получалось оставаться где-либо. Но Лос-Анджелес был местом, где находилась Изабел Калпепер. Мысли о ее имени были опасными и навязчивыми. Я не позволю себе позвонить ей до того момента, пока не доберусь до дома. Я не позвоню ей до того момента, пока не придумаю театральным способом сообщить ей, что я в Калифорнии.

Я не позвоню ей до того момента, пока не буду уверен, что она будет счастлива из-за того, что я здесь.

Если она не будет счастлива из-за того, что я здесь, тогда...

Одним движением я с хлопком закрыл вентили кондиционирования воздуха. Я чувствовал себя слишком близким к волку впервые за долгое время. Мой живот скрутило, что означало близящееся превращения.

коул сен-клер: *В зависимости... От того, хочет ли меня Л.А..*

ƒ live: *Все хотят тебя.*

Леон поднял свой телефон так, чтобы я видел экран. Он только что приобрел «Пробел " Наркотики (feat. Магдалена). Он выглядел счастливее, чем когда я впервые увидел его, когда он был Ларри. Снаружи давила жара. Асфальт содрогался в выхлопных газах. За минуту мы не продвинулись ни на дюйм. Я смотрел на Лос-Анджелес через экран телевизора.

И сейчас я разрешил себе думать об имени Изабел и в моем сознании больше не осталось места для чего-либо еще. Эта машина, это интервью, это все — Изабел была настоящей. Она была песней.

коул сен-клер: *А знаете, Мартин и Леон, я собираюсь выбраться из машины прямо сейчас. Пройти пешком остаток пути.*

Леон поднял бровь.

— Это дорога не для пешеходов. Я думаю, идти пешком здесь незаконно. Видишь ли ты кого-либо еще, кто вышел из машины и пошел пешком?

Нет, не вижу. Но я очень редко видел кого-то, кто делал бы хоть часть того, что делаю я. И если я сделал что-то, это обычно означало, что пора остановиться.

Изабел...

fr live: Подождите, что сказал Леон? Где вы?

Я уже оставил интервью. Понадобилась каждая частичка моей силы воли, чтобы вернуть мое внимание к вопросам Мартина.

коул сен-клер: Он отговаривает меня от плана. Мы находимся на 405. Все окей. Я в хорошей форме. Ты не поверишь, но мышцы восстанавливаются. Леон, ты идешь со мной?

Я уже отстегнул свой ремень безопасности. Я перетащил свой рюкзак — единственная вещь, которую я привез из Миннесоты — на свою сторону автомобиля. Глаза Леона широко раскрылись. Он не мог сказать, был ли я серьезен, что было смешно, потому что я был всегда серьезен.

Изабел. Всего в нескольких милях отсюда.

Мое сердце начало ускоренно биться. Я знал, что должен был послушать его, потому что впереди был достаточно длинный путь, чтобы идти пешком. Но я не мог не сделать этого. Этот день планировался и снился так много недель.

fr live: Ты пытаешься заставить Леона оставить автомобиль на автомагистрали между штатами?

коул сен-клер: Я пытаюсь спасти ему жизнь, пока не стало слишком поздно. Идем со мной, Леон. Мы пойдем прочь от этой машины, ты и я. Мы найдем фро-йо^[3] и сделаем мир лучше.

Леон поднял беспомощную руку. Всего мгновение назад он была джазовой. До того, как он подвел меня.

леон: Я не могу. Тебе не следует это делать. Сейчас движение медленное, но через несколько минут оно возобновится. Просто подожди...

Я похлопал своей рукой по его плечу.

коул сен-клер: Ладно, я выхожу. Спасибо, что пригласил меня на свое шоу, Мартин.

fr live: Леон идет с тобой?

коул сен-клер: Не похоже на то. В следующий раз, возможно. Леон, счастливого пути. Счет согласован, верно? Хорошо.

fr live: Коул Сен-Клер, бывший вокалист Наркотики. Были рады, как всегда.

коул сен-клер: Теперь это то, что я слышал ранее.

fr live: Мир рад, что ты вернулся, Коул.

коул сен-клер: Это сейчас он так говорит. Ладно. Пора идти.

Повесив трубку, я открыл дверь. Машина позади нас издала самый мелодичный из гудков, когда я выбрался наружу. Жара... ох, эта жара. Эта эмоция. Она овладела мной. Воздух пах сорока миллионами автомобилей и сорока миллионами цветов. Я почувствовал прилив чистого адреналина, воспоминание обо всем, что которое я когда-либо делал в Калифорнии и ожидание всего, что могло быть сделано.

Леон печально наблюдал, так что я быстро наклонился к нему.

— Никогда не поздно передумать, — сказал я.

— Я не могу передумать, — ответил он. Это давило на него.

— Заводись и поезжай, Леон. — сказал я.

Я бросил свой рюкзак через плечо, идя перед заглушенным черным мерседесом и направился к самому близкому выходу.

Кто-то закричал, «Наркотики навсегда!»

Я послал ему воздушный поцелуй и затем перепрыгнул через бетонное ограждение. Когда я приземлился, то был уже в Калифорнии.

ИЗАБЕЛ•

В Лос-Анджелесе всегда найдется место для новых монстров.

— Изабел, дорогая. Время работать, — сказала Сьерра.

Я уже работала, поливая нелепые растения Сьерры. «Блаш» — крошечный магазин с бетонным полом, где размещалась линия одежды Сьерры (просто без фамилии), и в котором всегда было больше растений, чем одежды. Сьерре нравились папоротники, пальмы и орхидеи, но она никогда не хотела прикладывать усилия, чтобы о них заботиться. Ее талант заключался больше в попытке мертвых вещей и неодушевленных объектов. Вещи, в которые вы могли всунуть иглу, не рассердив их. Вещи, которые могли висеть на стеллаже без нарушения прав человека.

— Я уже работаю, — сказала я, вкалывая удобрения в почву. — Я поддерживаю жизнь в твоих растениях.

Сьерра вставила две высушенные веточки пальмы в свои волосы, цвет которых был еще несколькими оттенками белее, чем мои блондинистые локоны. Украшение работало на нее; большинство вещей работают на кого-то вроде нее. Она была бывшей супермоделью. «Бывшей» значит до прошлого года. Это семь лет собачьей жизни или время в Л.А.

— Растения живут на солнце, дорогая.

— Сьерра, — сказала я, — родители когда-то объясняли тебе, что такое фотосинтез? Что-то вроде, если растение и солнце очень любят друг друга...

— Кристина уже в пути, — прервала меня Сьерра. — Пожалуйста, Изабел. Бесконечные объятия. Спасибо.

Ах, Кристина. Сама Кристина. Она была очень хорошей расточительницей, когда была в настроении, и ей нравилось, когда ее ждуг. Ну, ей действительно нравилось знать, что ее ждуг, если она хотела этого. Она не хотела, чтобы ее превозносили. Она не хотела покровительства. Она не хотела, чтобы кто-то держал пару леггинсов для нее. Она не хотела, чтобы ее спрашивали, хочет ли она увидеть это в цвете шампанского. Она хотела, чтобы обслуживающий персонал всегда присутствовал, чтобы она могла не спрашивать у них ничего.

Так что Сьерра расставила нас у пяти разных предметов мебели, проверила наши ногти и написала нашим парням. Все мы — блондинистые маленькие монстры. Неровные белоснежные челки, глаза подведены черно-зловещим карандашом, губы цвета жвачки или вишни, притягательны, как авиакатастрофа.

Невзирая на то, что я была здесь всего несколько недель, мне нравилась эта работа. Не то чтобы другие монстры Сьерры не разбирались в изящных туниках или танк-топах^[4] с вешалок. Просто они не знали, что секрет продажи одежды Сьерры был в том, чтобы бездельничать на диванчиках рядом со входом, не проявляя интереса, тем самым демонстрируя потенциальным клиентам, как будет выглядеть на них одежда, если они ее приобретут.

Остальные монстры не были так хороши в этом, потому что они проявляли интерес.

Я была главным образом сосредоточена на открытии моих глаз утром, перемещении моих ног и потреблении достаточного количества еды, чтобы не закрывать глаза и

перемещать ноги. Этого было достаточно. Если я добавила бы что-либо еще к своей эмоциональной нагрузке, я стала бы злой, и если бы это произошло, то я испортила бы реально отличные вещи.

Приехала Кристина. На этот раз ее волосы были гофрированы.

— Это новое растение? — спросила она.

— Да, — ответила Сьерра. — Разве это не самое пышное из пышных?

Кристина дотронулась к листочку наманикюренным ногтем.

— Что это? — Сьерра также коснулась его, но то, как она это сделала, говорило о том, что она думала, как это будет выглядеть в ее волосах. — Прекрасно.

В то время, как Кристина осматривалась в магазине, я растянулась на диванчике на животе, вводя имена известных нейрохирургов в поиске «Google изображения» в своем телефоне. На мне были надеты два низких, прозрачных танк-топа Сьерры с низко сидящим поясом из сизаля и мои любимые леггинсы. Метал и переливы радуги, это красиво до тех пор, пока вы не посмотрите достаточно близко, чтобы увидеть черепа. Это не в стиле Сьерры. Леггинсы были несколько отвратительны, до того, как вы поймете, насколько они прекрасны.

Я прекратила смотреть на хирургов и напечатала определение дружелюбия. Моя мать, у которой не было друзей, продолжала говорить мне, что у меня нет никаких подруг, кроме моей кузины Софии и Грэйс, которая жила в Миннесоте. Она не ошибалась. У моего одиночества был ряд причин. Для начала, я была в здешней школе только на протяжении последних пяти месяцев моего четвертого года обучения. И во-вторых, оказалось, что было намного труднее познакомиться с людьми, как только вы получили высшее образование. В-третьих, большинство девушек в «Блаш» были старше, чем я, и им было больше двадцати, и мне было наплевать на их жизни и проблемы.

И наконец, я не была дружелюбной.

— Все, что на ней, — сказала Кристина.

Ее голос прозвучал очень близко, но я не обернулась. Я подозревала, однако, что *она* говорила обо мне, из-за того, как она сказала это. Это напоминало то, как когда в моем классе было две Изабел. Они называли нас Изабел К. и Изабел Д., но я знала, которук Изабел имели в виду прежде, чем они произносили инициал в конце.

Я подняла взгляд лишь после продолжительной паузы, чтобы увидеть, как Кристина недоверчиво уставилась на меня. Другие пресмыкались и ползали, чтобы получить ее танк-топы и ремни, не подозревая, что для того, чтобы действительно выглядеть, как я, необходимо добавить смерть в семье и общее горе. Басы музыки наверху пульсировали и шептали. Я начала закрывать окна в своем телефоне. Так много нейрохирургов странно выглядели. Причина или результат?

— Изабел, — сказала Сьерра, — Кристина хочет твои леггинсы.

Я не оторвала взгляд от экрана.

— Мне это не интересно.

— Изабел, дорогая. Она хотела бы купить их.

Я стрельнула взглядом туда, где стояла *сама* Кристина. Некоторые звезды на самом деле не выглядят, как знаменитости. Они немного более пыльные или низкие, когда нет камер. Но Кристина не была одной из них. Вы точно знаете, что она была кем-то, даже если не узнаете ее лицо. Поскольку ее взгляд был *целеустремленным*.

Это может быть невероятно пугающе, даже в этом городе.

Ее выражение лица давало понять, что она очень привыкла к подобному.

Но я переводила взгляд со своего ждущего босса на красивую Кристину, и думала, что я *целовала более известные губы, чем ее.*

Я пожалала плечами и вернулась к своему телефону. Я вбила в поисковике «лоботомия». Автоисправление. Получается, вы не можете произнести «лоботомия» без ооо.

— Изабел.

Я не подняла взгляд.

— Леггинсы Артемиды в темно-сером цветк похожи на эти.

Когда никто не сдвинулся с места, я мягко подняла руку и указала ею в направлении коллекции Артемиды.

Пятнадцать минут спустя Кристина купила два танк-топа, пояс из сизаля и две пары леггинсов Артемиды, все вместе это стоило немного меньше тонзиллэктомии^[5].

После того, как она ушла, Сьерра сказала мне:

— Ты такая сучка, — и шлепнула меня по заднице.

Мне действительно не нравилось, кода люди прикасались ко мне.

Я поднялась со своего диванчика и повернулась к ней спиной.

— Я собираюсь недолго побыть рядом с орхидеями.

— Ты заслужила это.

То, что я заслужила, было трофеем за полную незаинтересованность. Как будто потребовалась вся моя энергия, чтобы выразить откровенное безразличие.

Когда я открыла шторку в кладовку, то услышала, как входная дверь снова открылась. Если это была Кристина, вернувшаяся, чтобы во второй раз попробовать заполучить мои леггинсы, я была бы вынуждена повысигать голос, что мне не нравилось.

Но голос, доносившийся из магазина, принадлежал не Кристине.

Вместо этого я услышала, как знакомый мне голос произнес:

— Нет, нет, я ищу кое-что очень особенное. О, подождите, я только что увидел это.

Я обернулась.

Коул Сен-Клер лениво улыбнулся мне.

ИЗАБЕЛ•

Я произнесла «черт» уже столько раз, что это фактически причиняло боль.

Было невозможно принять реальность происходящего. Во-первых потому, что Коул Сен-Клер был схож с Кристиной в том, что в большинстве случаев представлялся известным и нереальным, и не присутствующим здесь и сейчас. Было некое разногласие между ним и его окружением, как будто он плавно и красиво проектировался издалека.

И во-вторых, Коул был волком.

Я не знала, была рада или напугана, увидев его. Я видела его лежащим на полу с иглой в руке; я была свидетелем его превращения в волка прямо передо мной; я помню его просьбу помочь ему умереть.

И в-третьих, он видел меня плачущей. Не уверена, что могу жить с этим.

Почему ты здесь? Ради меня?

— Хей, — сказал он. Он все еще улыбался мне той слабой, беспечной улыбкой. У него была лучшая улыбка в мире, и много людей говорили ему об этом. Осознание того факта, что его улыбка прекрасна, должно было бы уменьшить его мужественность, но привычное высокомерие было частью его славы.

Но я была привита несколько месяцев назад, и с того времени растила сопротивление. У меня выработался иммунитет.

Мы стояли в двух шагах друг от друга. Был буфер истории между нами, и все остальное, притягивающее нас друг к другу.

— Ты мог позвонить, — сболтнула я глупо. Он усмехнулся шире. Он величественно указал на себя, пытаясь не свалить при этом стойки покрытых пленкой рубашек.

— Тогда бы я уничтожил *это*.

Весь магазин выглядел по-другому с ним, стоящим здесь. Как если бы он притащил послеобеденное солнце вместе с собой.

— Что ты подразумеваешь под «*это*»? — Спросила я.

— Та-даам.

Он действительно пытался сохранять свою улыбку Коула Сен-Клера вместо настоящей. Каждый раз, когда она была готова вот-вот прорваться, мое сердце разрывалось.

Я знала, что у нас были зрители. Они не пялились во всю, а пытались быть вежливыми, но любопытство было заметно. Я хотела выйти на задний дворик, или вернуться обратно, или по крайней мере посмотреть на свои руки, чтобы удостовериться, что они не дрожат так, как это чувствовалось, но я не могла разумно соединить все это.

Ясно было одно: я влюблена в Коула.

Или была. Или собиралась быть. Я не видела разницы.

Я не знала, был ли он здесь ради меня, тем не менее, я не могла принять обратное. Фактически, не было ни единого шанса, что он проделал этот путь из Миннесоты ради меня. Возможно он просто пришел сказать привет, после переезда сюда для чего-то еще. Вот почему он не позвонил сначала.

— Идем, — резко сказала я. — На улицу. У тебя есть время?

То, что он пришел ко мне, говорило о том, что есть. Когда он входил в кладовку, то

поднял бровь в сторону Сьерры, показывая, что он привык к моему тону.

Это происходило на самом деле?

Я провела его через кладовку, которая была загромождена новыми леггинсами и порванными туниками всех оттенков хаки.

Тогда мы вышли в окрашенный синим переулок. Там были мусорные баки, но от них не воняло — они были наполнены картоном и мертвыми растениями. Здесь был старый битл Сьерры, который не ездил, и он также был полон картона и мертвых растений.

Пока я вела его к машине, я пыталась докричаться до себя, объясняя всевозможными путями, что его пребывание здесь не меняло ничего, не значило ничего, было ничем. Ничего, ничего.

Я обернулась, и открыла было рот, чтобы сказать что-то уничтожающее о том, что он не позвонил мне до того как появился в моем штате, на моей работе, в моей жизни.

Но тогда он обернул свои руки вокруг меня.

Мое дыхание прервалось, будто он перекрыл мне воздух. Я не обняла его спину сразу же только потому, что у меня не было достаточно информации для того, чтобы знать, как обнять его спину.

Он пах тем странным аэропортным мылом для рук, и я готова была утонуть в его глубине.

Коул сделал шаг назад. Я не могла прочесть по его лицу, что творится у него внутри.

— Почему ты сделал это? — спросила я.

— И тебе привет, — ответил он.

— *Привет* говорят в тех случаях, когда звонят кому-то, — он совершенно не выглядел обиженным. — Ты никому не звонил до «*та-даам*».

— Возможно мне не нравится «*та-даам*».

Честно говоря, я совершенно не знала, что мне нравится. Я только знала, что мое сердце стучало так быстро, что мои пальцы онемели. Рассуждая логически, я знала, что это было просто от неожиданности, но я не знала, было ли это что-то вроде «*сюрприз, держи торт*» или «*сюрприз, получи insult*»?

Передо мной улыбка Коула поблекла. Его взгляд стал пустым, что случилось с Коулом, когда ему было больно. Настоящий Коул пустил ситуацию на самотек и оставил свое тело стоять здесь.

Безжалостно, но я была благодарна за это, как была благодарна за тот проблеск настоящей улыбки ранее. Потому что его реакция была настоящей. Это значило, что он волновался о том, как я восприму его приезд. Я не могла доверять его улыбке, но боль... я знала на что это похоже.

— Послушай, — сказала я. — Ты не можешь просто так заявиться и ожидать, что я буду пищать и хихикать, потому что я не тот человек. Так что перестань выглядеть уязвленным из-за того, что я не делаю этого.

Его эмоции отобразились на лице. Взгляд был голодный и беспокойный.

— Пойдем со мной куда-нибудь. Давай сходим куда-то. Куда здесь можно пойти? Давай пойдем туда.

— Мой рабочий день заканчивается в шесть, — шесть? Семь? Сейчас я даже не могла вспомнить, когда заканчивается мой рабочий день. Где мы? Переулок позади «Блаш». Океанический бриз охлаждает мою кожу, над головой мечтательно поет скворец, сидящий на телефонном проводе, а сухую пальму удерживает от падения бетонная стена. Все это

было реально. Все это происходило.

Он переступил с ноги на ногу — я уже практически забыла, что он замирал на месте, когда дела шли плохо.

— Что там ближайшее? Обед? Ужин? Точно. Поужинай со мной.

— Ужин? — в тот момент мой утренний план включал в себя преодоление пути обратно в Глендейл в Дом Разводов и Отдаления для вечерней порции эстрогена и смеха, которые также могли быть слезами или наоборот. — Что потом?

Он схватил меня за руку.

— Десерт. Секс. Жизнь, — он поцеловал мою ладонь — не сладкий поцелуй. Поцелуй, от которого моя кожа загорелась внезапным, диким желанием. Его *губы*.

Теперь я думала, что у меня *именно* инсульт.

— Коул, стой, подожди.

Остановки и ожидания не были его сильной стороной.

— Коул, — сказала я. Думаю, я могла бы утонуть в этом синем переулке.

— Что?

Я начала было говорить ему остановиться снова, но это не было тем, что я имела ввиду.

— Дай мне минуту. Господи!

Он отпустил мою руку. Я уставилась на него. Это был Коул Сен-Клер: острые скулы, бриллиантово-зеленые глаза, торчащие пряди темно-коричневых волос. Его улыбка могла бы стать известной и без Наркотики. Думаю, ему нравилось, что я рассматриваю его. Кажется, ему нравилось абсолютно все в этом моменте. Все это было спланировано, чтобы заставить меня врасплох, заставить меня реагировать.

Надежда и страх зародились во мне в равной мере.

Я спросила:

— Почему ты здесь?

— Ты.

Это был совершенный ответ, сказанный несовершенным образом. Он сказал это как факт. Просто как «ты». Это было так легко: сказать всего одно слово. Мне хотелось, чтобы он сказал это снова, чтобы у меня была еще одна возможность что-то *почувствовать*.

Ты.

Я.

— Ладно, — сказала я. Мое лицо грозила озарить улыбка. Я поспешно ее спрятала. Ни в коем случае он не получит мою улыбку, не позвонив прежде. — Ужин. Ты заедешь за мной?

Коул рассмеялся, звук слишком недостижимый в своей радости.

— Конечно.

КОУЛ•

Если верить часам в такси, я невероятно опаздывал на мою встречу с Бейби Норс. Опоздание не является одним из моих многочисленных пороков, и обычно это бы обеспокоило меня. Но ничто не могло испортить мне сейчас настроение. Во мне гудело приятное беспокойство, вызванное намеком на улыбку Изабел.

Когда мы встретились, я просто пытался сохранить свою жизнь путем превращения в волка, а ее брат умер, пытаясь перестать быть им. Изабел была единственной более язвительной вещью в Мерси-Фоллз, чем я.

Она была единственной, кто знал меня.

Солнце над моей головой светило в тысячу раз ярче, чем солнце над Миннесотой. Все в этом месте было бетонным, покрытым искусственной травой и высокими пальмами.

— Куда дальше? — спросил водитель. Он носил шляпу, более подходящую для деревни, нежели для Л.А., и выглядел уставшим.

— Пешеходная набережная, — сказал я. — Венис. Если есть вторая. Наверное, нет. Но мало ли.

— По этой улице нельзя ездить, — ответил он. — Это на пляже. Я должен вас высадить. Вам придется идти пешком.

Я не знал, так ли это, потому что не был на Западном Побережье довольно давно, или потому что не был нигде, кроме Миннесоты, долгое время, но я все еще продолжал удивляться Калифорнии. Когда мы подъезжали к дому Бейби Норс, все становилось знакомым и желанным, увиденное ранее в турах, или во снах, или в кино. При виде названий улиц: Малхолланд Драйв и Бульвар Уилшир — и указателей: Голливуд, Шевиот, Беверли-Хиллз — в голове возникали картинки блондинистых волос, красных машин, пальм и бесконечного лета.

Изабел...

Лос-Анджелес. В первый раз, когда я был здесь, Янки-узурпатор^[6], неуклюжий почти-у-цели, я сфотографировал Бульвар Голливуд и отправил фото своей маме с текстом: **представь, что я знаменит.**

Теперь я был по-настоящему знаменит, хоть и не отправлял маме больше ничего.

Я вернулся.

Мне было хорошо. Это похоже на то, как если бы вы были несчастны и не знали этого до того, как перестали таковым быть. Я думал, что был в порядке в Миннесоте. Скучно, одиноко, нормально.

Калифорния, Калифорния, Калифорния.

Я все еще мог ощущать реальность Изабел на своих руках. Это было как солнце на моих веках и привкус океана на моих губах, если вдохнуть через рот. Я был здесь ранее.

В этот раз все должно было быть по-другому.

Я позвонил моему другу Сэму, оставшемуся в Миннесоте. Он удивил меня, ответив сразу же — он ненавидит разговаривать по телефону, потому что не может видеть лицо собеседника во время разговора.

— Я здесь, — сказал я ему, отдирая от окна наклейку с логотипом службы такси. На

переднем сидении мой водитель вел приглушенный и напряженный разговор на другом языке. — Мое лицо расслаблено и выглядит довольным. Мои губы изогнуты вверх.

Сэм не засмеялся, потому что имел иммунитет к моему очарованию.

— Ты уже где-нибудь остановился? Все в порядке?

— Со мной все хорошо, мамочка, — ответил я. — Еще нигде. Я собираюсь увидеться с Бейби сейчас.

— У меня был худший кошмар о тебе ночью, — задумчиво произнес Сэм. — Ты бегал по Лос-Анджелесу и покусал около двадцати человек, чтобы создать стаю волков и там.

Все знают, что если кто-нибудь говорит тебе что-то особенное, что не приходило тебе в голову раньше, то ты заикливаешься на этой мысли. Сэм фактически заставил меня рассмотреть идею о волках в Лос-Анджелесе, которая не посетила меня раньше, хотя должна была бы. Этот вариант не лишен романтичности. Волки, бегущие вниз по бульвару Сансэт в сумерках.

— Двадцать, — усмехнулся я. — Никогда не укусил бы четное количество людей.

— Когда я сказал тебе, что это была ужасная идея, ты ответил, что не хотел быть одиноким.

Это было в моем стиле, но я не стану обходить окрестности, кусая себе новых друзей. В то время, как я превращался в волка всего на несколько минут, большинство людей в конце оставались в своем волчьем облике в течении месяцев. В точности то, что и произошло в Миннесоте. У меня остались только Сэм и Грейс, и они оба из всех мест выбрали пойти в *колледж*. Летняя школа. В Дулуте. Кто этим занимается?

— Худшей частью, — Сэм продолжил, — было то, что будильник был заведен на радио, и, когда я проснулся, играла твоя дурацкая песня «Злодей».

— Какую хорошую станцию ты выбрал, чтобы завести его, — такси начало останавливаться. Я сказал:

— Мне пора. Будущее находится здесь, украшенное цветами и фруктами.

— Подожди... — сказал Сэм. — Ты уже виделся с Изабел?

Мои пальцы все еще могли чувствовать ее.

— Ага. Мы обнимались. Ангелы пели, Сэм. Те самые толстячки. Херубы. Херувимы. Мне нужно идти.

— Не кусай людей.

Я повесил трубку. Водитель такси остановил машину в парке.

— Дальше идите пешком.

Я открыл дверь. Когда я протянул ему деньги, то спросил:

— Хочешь пойти со мной?

Он уставился на меня.

Я вышел. Когда я сбросил рюкзак с плеча на тротуар, ко мне приблизилась группа юных скейтеров. Один из них закричал на меня:

— Мы катаемся!

Остальные за его спиной были полностью увлечены занятием.

Мои губы на вкус все еще были как духи Изабел.

Солнце сияло над головой. Моя тень была крошечной у моих ног. Я не знал, как не сойти с ума до ужина.

Бейби Норс жила в доме на Венис-Бич, который выглядел так, будто его построил оживленный малыш. Это была коллекция ярких цветных блоков разного размера, уложенных

друг на друга и стоящих рядом, соединенных между собой бетонными лестницами и металлическими балконами. Он располагался перед бесконечно наполненным туристами пляжем и осязаемым синим океаном. Это здание было дружелюбнее, чем я ожидал.

Люди боялись Бейби Норс. Я думаю, это потому, что она была домашним вредителем, в том смысле, что она разрушила жизни семерых последних человек, которых она показала на телевидении. Это было частью ее бренда. Возьмите железнодорожную аварию, покажите это по телевизору, дождитесь взрыва, вытрясите бешенные деньги за сюжет о крушении.

Каждый, кто подписал с ней контракт, думал, что сможет выйти из ситуации невредимым, не потеряв достоинства и здравомыслия, и все они ошибались.

Казалось, никто из них не знал, что это всего лишь спектакль.

Я поднялся по бетонной лестнице. Дверь распахнулась, когда я в нее постучал. Не было смысла звать ее. Музыка внутри была настолько громкой, что невозможно было распознать ничего, кроме самого чистого голоса в трио и отвратительного барабанного баса. Это был своего рода трек в исполнении девушки, которую, вполне возможно, заметили на канале Дисней.

Когда я вошел, кондиционированный воздух поразил меня, как удар. Я мог чувствовать все мои напряженные нервы до единого, учитывая их форму и виды.

Здесь это начинало иметь значение.

Прошло очень много времени с тех пор, как я был волком. И требовалось довольно многое, чтобы заставить мое тело изменяться: стремительное снижение температуры, интересный химический коктейль, убедительный толчок для моего гипоталамуса^[7]. Теперешнего перепада температуры было недостаточно для этого, но его хватило на то, чтобы привести мое тело в состояние шока от воспоминаний о превращении.

Оборотень, оборотень.

Это может стать хорошей песней.

Внутри потолок возвышался над бетонным полом, соединенный с ним обнаженными проводами. Было четыре предмета мебели. Посреди них Бейби Норс склонилась над айпадом. Я узнал ее больше из статей желтой прессы, чем из-за нашей славной встречи много лет тому назад. На ее глубоко посаженные глаза свисала темно-каштановая челка как у модели семидесятых. На ней были надеты тянущиеся леггинсы и что-то вроде туники, сшитой из брезента, льняного полотна или чего-то еще. Она была низкого роста и хорошенькой в каком-то неопределенном смысле. Что-то вроде «смотрите, но не трогайте». Я понятия не имел, сколько ей было лет.

Я указал на одну из колонок наверху. Певец щебетал что-то о том, как мы должны все называть ее и сделать что-то, прежде чем будет слишком поздно. Это было безжалостно броско.

— Ты же знаешь, что эта дрянь сделает тебя слепой, верно?

Когда Бейби повернулась ко мне, ее улыбка была огромной, искренней и поедающей-мир. Она прикоснулась к экрану айпада, и музыка мгновенно смолкла.

— Коул Сен-Клер, — сказала она. Хотя я был уверен, что она не сломает меня, я ощутил приступ боли. То, как она произнесла мое имя. Что-то вроде триумфа из-за того, что я стоял здесь.

— Прости, я опоздал.

Она в восхищении прижала руки к груди:

— Господи, твой *голос!*

В обзоре последнего альбома «Наркотики» был подведен итог вроде этого:

Титульный трек «Либо то/либо другое» начинается двадцатью секундами произносимых слов. Парни из «Наркотики» хорошо знают, что даже без настойчивых барабанов Виктора Баранова и вдохновляющих рифов бас-гитары Джереми Шутта голос Коула Сен-Клера соблазнил бы слушателей до восторженной смерти.

Бейби сказала:

— Это лучшая из идей, что у меня когда-либо были.

Мое сердце забилося чаще, как будто двигатель начал набирать обороты. Много времени прошло с тех пор, когда я был в туре. Когда я был на публике как музыкант. Теперь, с ускорением пульса, я не мог поверить, что хотел бросить это навсегда. Эта сила, целеустремленность. Я был в неопределенном состоянии целый год и теперь снова вернулся на твердую землю.

Я не был катастрофой.

Изабел собиралась пойти со мной на ужин.

Я был разобран и собран по кусочкам обратно, и эта версия меня была неуязвима.

Бейби бросила свой айпад на один из этих самых четырех предметов мебели — серебристую оттоманку или уголок домашнего любимчика или что-то вроде того — и обошла вокруг меня, прижав руки к груди. Я видел эту позу прежде. Это был парень, обходящий автомобиль на аукционной площадке. Заполучить меня стоило ей немалых усилий, и теперь она хотела знать, стоило ли оно того.

Я подождал, пока она обошла вокруг меня еще раз.

— Счастлива? — спросил я.

— Я просто не могу поверить что ты настоящий. Ты был мертв.

Я усмехнулся ей в ответ. Не моей настоящей улыбкой. Улыбкой Наркотики. Одна хитрая сторона моего рта приоткрылась шире, чем другая.

Это возвращалось ко мне.

— Эта улыбка, — сказала Бейби.

Она повторила:

— Это лучшая из идей, которые у меня когда-либо были. Ты уже был в доме?

Конечно же, я не был там. Я охотился на Изабел в Санта-Монике.

— Ну, ты увидишь его совсем скоро, — сказала она. — Завтра приедет остальная часть группы. Хочешь чего-то выпить?

Я хотел спросить о группе, которую она собрала для меня, но подумал, что это будет звучать так, как будто я нервничаю. Вместо этого я спросил:

— У тебя есть кола?

Кухня была большой и просторной. Ничто не выглядело особенно жилым или даже человеческим. Шкафчики были из тонких планок бледной древесины, к стене прилегали трубы ПВХ^[8], идущие вверх. Холодильник меня удивил: это была емкость для коммерческих напитков. Мне не нужно было говорить, что Бейби жила одна.

Она вручила мне кока-колу. Одна из тех стеклянных бутылок, приятно охлаждающих руку, прежде чем ты откроешь крышку. Бейби наблюдала за тем, как я слегка наклонил голову назад, чтобы попить, прежде чем поднесла свою к губам. Она все еще оценивала меня. Рассматривала мое горло и руки.

Она думала, что знала меня.

— О, у меня есть... — Она использовала свой мизинец, чтобы потянуть ручку ящика, и

достала из него блокнот. Один из тех крошечных, размером с ладонь, который убеждает тебя быть кратким. — Это то, что ты хотел?

Мне было приятно, что она вспомнила, но в ответ я просто прохладно кивнул. Я засунул его в свой задний карман.

— Послушай, дитя, — сказала она, — это будет трудно.

Мои брови дернулись на слове «дитя».

— Я хочу, чтобы ты знал, что я всегда здесь, когда бы не понадобилась тебе. Если давление станет слишком большим, я буду всего лишь на расстоянии телефонного звонка. Или, если ты захочешь приехать, это тоже прекрасно. Дом всего в миле отсюда.

Ее беспокойство выглядело искренним, что удивило меня. Исходя из ее работ я ожидал увидеть пожирающего младенцев монстра.

— Хорошо, — сказал я. — Я тебя услышал. Посмотри, я уже внес твой номер в справочник.

Я повернул свой телефон так, чтобы она видела свой номер и имя над ним — *Нервный срыв/Смерть*.

Бейби восторженно рассмеялась.

— Но я серьезно. Ты бы удивился, узнав, как камеры могут достать тебя, — добавила она. — Я имею в виду, они не будут следить за тобой всегда, конечно. Главным образом, только для материала. Немного в доме, ты и группа. По большей части ты подсказываешь, где и когда они нужны. Но, тебе ли не знать, зрители могут быть довольно жестоки. И с твоим прошлым...

Я просто снова блеснул своей улыбкой «Наркотики». Я видел ее, эту улыбку. В журналах и в блогах, и в надписях на обложке диска, и при любом взгляде в зеркало. Я слышал, что требуется больше мышц, чтобы нахмуриться, чем для улыбки, и я уверен, что это правда, когда дело доходит до этого особого выражения. Это — просто подергивание губ, серьезно, просто сужение глаз. Без слов это говорит другому человеку не только, что я услышал его, но и, как я понял, что это значит для мира.

В большинстве случаев я использовал ее, когда не мог придумать какой-то умный ответ.

— Это оказалось слишком тяжело для других, — Бейби произнесла это, будто мы оба не знали судьбы ее предыдущих телевизионных объектов. — Особенно, если у них есть история о... что же, реальных проблемах.

Я продолжал улыбаться. Я выпил оставшуюся колу и вручил ей бутылку.

— Давай посмотрим дом, — сказал я ей.

Она выбросила колу в корзину цвета неба.

— Что за спешка? Вы, жители Восточного Побережья, всегда куда-то торопитесь.

Я собирался сказать ей, что у меня есть планы на вечер, а затем понял, что не хочу говорить ей, с кем у меня эти планы.

— Я взволнован будущим, что ты приготовила для меня.

ИЗАБЕЛ•

— Я сделала сэндвичи, — сказала моя кузина София, как только я переступила порог Дома Тревоги и Крушения в тот вечер. Она сказала это настолько быстро, что я поняла, она ждала, когда я подойду к двери, чтобы сказать это. Кроме того, я знала, что даже если она сказала просто «сэндвичи», то имела в виду «пожалуйста, посмотри на результат кулинарного процесса, включающего в себя более четырех часов готовки».

— На кухне? — спросила я.

София моргнула на меня своими огромными карими глазами. Ее отец — один из множества мужчин, которые были выброшены за борт нашей совместной жизни — назвал ее в честь потрясающе красивой актрисы Софи Лорен.

— И немного в столовой.

Отлично. Сэндвич, который занял две комнаты.

Не было никакого способа не съесть ни одного сэндвича, даже не смотря на ужин с Коулом. София была моей кузиной по маминой линии. Она была на год младше меня и жила в постоянном страхе потерпеть неудачу, потратить время впустую и лишиться любви матери. Она также обожала меня без каких-либо на то причин. Существовало много других людей, более достойных ее лестии.

— Не все поместились на кухне? — я сняла свои мешковатые сапоги возле входной двери, где они приземлились на пару мешковатых сапог моей матери. Пустая вешалка закачалась, отразив солнечный свет прежде, чем остановиться. Черт, это место угнетало. Хотя я была здесь уже двадцать один вторник, я все еще не привыкла к нему. МакМэншн был достаточно стерилен, чтобы фактически уничтожать мою личность по кусочкам каждый раз, когда я приходила сюда, коварно заменяя их белым настенным ковром и светлым деревянным полом.

— Я не хотела мешать, если кто-то захочет приготовить что-то другое, — ответила София. — Ты сегодня классно выглядишь.

Я небрежно махнула рукой и пошла в столовую. И вот, оказавшись там, я поняла, что София весь день готовила огромное количество распределенных по цвету начинок для сэндвичей. Она нарезала помидоры в форме цветка, жареную индейку, говяжьи отбивные. Поколдовала над созданием четырех различных приправленных соусов винегрет^[9] и айоли^[10]. Испекла два вида хлеба в двух различных формах.

Это все было на спирали с овощами в самом центре. Ее телефон и огромная камера лежали в конце стола, то есть, она уже выложила это в один из своих четырех блогов.

— Тебе нравится? — с тревогой спросила София. Она смяла салфетку своими белыми руками.

Обычно на этом этапе окружающие предполагали, что София — жертва родительских сверхожиданий. Но я точно знаю, что тетя Лорен ожидала от Софии одного — нервничать так же, как и она сама, и София блестяще оправдывала эти ожидания. Она была словно тонко настроенный инструмент, звучащий в резонанс эмоциональному состоянию любого, кто находился рядом.

— Это даже больше, чем отлично, как и всегда, — сказала я. София вздохнула в

облегчении. Я обошла вокруг стола, исследовав его. — Ты пропылесосила и потолок тоже?

— Я не нашла лестницу, — ответила София.

— Боже, София, я пошутила. Ты серьезно пылесосила?

София уставилась на меня своими огромными горящими глазами. Она была как причудливое животное.

— У меня было время!

Я атаковала кусочек хлеба зазубренным ножом.

Цель: сэндвич.

Побочный эффект: повреждение.

Заметив мою борьбу, София поспешила мне помочь. Как в замедленной съемке сцены убийства, я вырвала нож у нее из рук и отрезала два неровных куска самостоятельно. Для тети Лорен ее проклятая зависимость не была проблемой, а меня чертовски беспокоила.

— А как же книга, что ты читала?

— Я уже закончила ее.

Я выбрала ростбиф и пармезан.

— Я думала у тебя то коллажно-скульптурное что-то там.

Софи внимательно смотрела, как я выковыриваю зеленую штуку из майонеза.

— Первая часть сохнет.

— Что это такое? Руккола? Когда твой урок эрху^[11]? — я не была уверена, что думаю насчет того, что София самая белокожая девушка в мире, играющая на эрхо. Я не могла решить, считалось ли это культурной апроприацией^[12]. Но Софии это нравилось, и у нее был талант, как и ко всему остальному, и, вроде бы, никто из ее эрхо-блога не жаловался, так что я ничего не говорила.

— Шпинат. Не сегодня. Я уже занималась этим утром.

— Как насчет вздремнуть? Нормальные люди так делают.

София тяжело взглянула на меня. Она хотела, чтобы я забрала свои слова обратно и сказала ей, что нет, она была полностью нормальная, все прекрасно, она не должна делать глубокие вдохи, потому что это не чрезвычайная ситуация, это жизнь, и она такая у всех.

Вместо этого я ответила ей таким же долгим, тяжелым и пристальным взглядом, а затем укусила свой сэндвич. Я не могла поверить, что София очередной день провела в компании приправ.

— Тебе нужно взяться за ум, — сказала я, проглотив еду. — Вкус восхитительный, и это задевает меня.

София выглядела напуганной. Это маленькое существо расстроилось по моей вине. И теперь я задумалась о том, как моя мать продолжала говорить то же самое мне. Взяться за ум, я имею в виду. Я всегда отвечала ей, что возьмусь за ум, как только найду человека, с которым стоит тусоваться. Возможно, София просто не нашла еще кого-то подходящего.

— Давай прогуляемся сегодня вечером. Ты можешь надеть что-то красное. — сказала я.

— Прогуляемся? — отозвалась эхом она, и в тот же момент я вспомнила, что, по-идее, встречаюсь с Коулом вечером. Я не могла поверить, что забыла, но, с одной стороны, я могла. Потому что все это было похоже на хороший сон, о котором забываешь, спустившись на завтрак.

Я почувствовала нехорошую тошноту в желудке, будто кто-то открыл зонтик прямо в нем. Будто я боялась Коула, хотя это не так. Я боялась, что не оправдаю его ожиданий. Он был так увлечен идеей меня в Калифорнии, как будто мы с этим штатом были идеальной

парой.

Мне стало интересно, во что я ввязалась.

— Черт, — сказала я. — Не сегодня. У меня планы на вечер. Завтра. Красный. Ты и я.

— Планы? — отозвалась эхом она.

— Если ты продолжишь повторять все, что я говорю, то все отменится, — я сделала еще один укус. Это и правда был уникальный сэндвич. — Где твоя мать?

Я никогда не знала, как называть мою тетю Лорен. Когда я говорила «*Лорен*» Софии, это звучало, будто я сопливая девчонка. Когда я говорила «*твоя мать*», это звучало, будто я была холодной. И я не могла говорить «*твоя мама*», потому что я никогда не говорила слово «*мама*», если в этом не было необходимости. Вероятно, потому что я была сопливая и холодная.

— На закрытии, — ответила София. — Она сказала, что будет дома раньше Терезы.

Тереза была моей матерью. Когда София сказала это, она не казалась сопливой или холодной. Это звучало уважительно и с любовью. Что за жестокая несправедливость?

Раздался дверной звонок. София страдальчески взглянула на меня:

— Я открою.

Она не хотела открывать. Открыть дверь означало говорить с тем, кто был за ней, и, если она заговорит с ними, они начнут оценивать ее одежду, или волосы, или умения и найдут какую-либо из этих вещей привлекательной.

— Ох, подожди, — сказала я. — Серьезно. Я сделаю это.

Как оказалось, у двери была знаменитость. До того, как мой брат умер, он часто говорил, что все приходит по-трое. Три знаменитости за один день. Неплохо даже для большей площади, чем Лос-Анджелес. Эта была миниатюрной женщиной с густой черной челкой, наполовину закрывающей ее сонные зеленые глаза. Она была красива в повседневном, винтажном стиле, который выглядел настолько легким, что, должно быть, потребовалось много времени, чтобы этого достигнуть. Она — не женщина. Она — изображение женщины. Я мгновенно узнала ее, потому что она была одной из тех знаменитостей третьего ряда, которые изображались на страницах таблоидов и в блогах для сплетней в дни без происшествий. Я запомнила ее имя, потому что оно было каким-то странным. Ее звали...

— Привет, я — Бейби Норс, — сказала она. — Ты — Изабел?

Она определенно думала, что я буду в шоке, услышав свое имя, но я гордилась тем, что практически ничего не может повергнуть меня в шок. Особенно после того, как не сдержала эмоций из-за появления Коула Сен-Клера чуть раньше. Я ощутила присутствие Софии позади меня и могла судить о ее упавшей челюсти даже не оборачиваясь.

— София, — сказала я, выйдя на слишком яркую переднюю ступеньку, — не могла бы ты проверить духовку? Думаю, я забыла ее выключить.

Возникла пауза, и затем София исчезла. Она не была глупой.

— Что вам нужно? — спросила я. Я не понимала, что это не очень вежливо, пока слова не вылетели из моего рта.

— Возможность. Если дашь мне время, я представлюсь, скажу кто я и что я делаю...

— Я знаю, кто вы такая, — сказала я. Она была красивым стервятником, который возвратил к жизни мертвецов для веб-ТВ, но я не добавила эту часть, ведь, думаю, она и так знала. Я ощутила дискомфорт из-за причины ее появления здесь, и часть меня знала, что мне это не понравится.

— Хорошо! — сказала она, и широко улыбнулась. Я не доверяла этой улыбке, потому что она была слишком широкой. Широкая, с ямочками на щеках и симметричная, будто кинозвезды из прошлого. — Могу я войти?

Я рассматривала ее. Она рассматривала меня. Ее автомобиль стоял у бордюра позади моего внедорожника.

— Нет, — сказала я.

Ее рот изменился и стал чем-то намного более реальным.

— Что же, ладно.

Чтобы оправдать свои манеры, я добавила настолько холодно, насколько могла:

— Это не мой дом. Я не хотела бы ставить под угрозу их личную жизнь. И, как я уже сказала, я знаю, кто вы.

— Умно, — сказала Бейби, будто она действительно так думала. — Ну, тогда я сделаю это быстро: ты встречаешься с Коулом Сен-Клером?

Я пыталась сохранять лицо безразличным, но неожиданность сыграла свою роль. Я знала, что мое выражение лица выдавало меня всего полсекунды.

— Не думаю, что «встречаюсь» подходящее слово, — сказала я.

— Верно, — ответила она. — Не хотела бы ты участвовать в шоу вместе с ним? Круто, правда? Это не займет у тебя много времени, но откроет много возможностей. Особенно для такой красивой девушки, как ты.

Дискомфорт во мне вырос и укрепился. Я взялась за дверную ручку.

— Что за шоу?

— Мы просто делаем быстрое маленькое шоу о нем и его группе, в то время как они записывают свой следующий альбом.

Быстрое маленькое шоу

Я знала, что он был здесь не ради меня. Я знала это с самого начала.

Но мое глупое сердце не знало. Оно так хотело верить ему. Теперь оно разбивалось от ужасного растущего чувства в груди.

— Меня это не интересует, — сказала я. — Как я уже сказала, мы правда не встречаемся.

— Но хотя бы как друг...

— На самом деле мы даже не друзья, — сказала я. Мне нужно было закрыть эту дверь *прямо сейчас*, чтобы я смогла пойти кричать или плакать, или разбить что-нибудь. — Я просто знала его какое-то время.

Она изучила мое лицо, в попытке распознать истину, но я держала себя в руках и просто пристально смотрела на нее мертвым взглядом своих подведенных карандашом глаз.

— Если ты изменишь свое решение, — сказала она и достала свою визитку из кармана льняной блузки.

Я не изменила свое выражение лица, но я взяла ее. Мне нужно было что-то сжечь.

— Это было бы круто, — сказала Бейби. — Подобное останется в твоей памяти навсегда. Просто подумай над этим.

Она спустилась на тротуар. Я зашла обратно в Дом Тревоги и Крушения. Как только я закрыла дверь, дом взял еще одну часть моей души и превратил ее в практически неиспользуемую мебель. Мой мозг взрывался.

София стояла у двери в гостиную.

— Это действительно была...

— Да, — я взяла свой телефон. Ввела номер.

— Что она... — я сделала движение рукой, указывая на телефон.

Я услышала короткий сигнал, когда кто-то взял трубку.

— Я думала, ты сказал, что приехал сюда ради меня, — прорычала я.

— Привет, — ответил Коул. — Я только что надевал штаны. Если только ты не предпочитаешь, чтобы я оставался без них.

— Сделай вид, что слышал, что я сказала.

— Но я не слышал.

— Ты сказал, что приехал сюда ради меня. Ты соврал.

Повисла пауза. Проблема телефонных звонков в том, что не можешь понять, что происходит во время паузы. Я не могла сказать, была это найти-решение-как-сделать-ситуацию-лучше пауза или я-окончательно-запутался пауза.

— Что? — спросил он наконец.

— Ты записываешь альбом? Ты собираешься сниматься на телевидении. Это все не ради меня.

Еще одна пауза.

— Скажи что-то.

— Что-то.

— Ха-ха. Хорошо, слушай. Проблема в том, что ты заставил меня думать, что ты здесь ради меня, но на самом деле ты приехал, чтобы сняться на телевидении. Ты приехал не ради меня. Ты приехал быть Коулом Сен-Клером.

Он раздраженно ответил:

— Это второстепенное.

— Забавно, что ты не упоминал об этом ранее, — резко оборвала я.

— Забудь про ужин. Забудь обо всем этом.

— Это не...

— Молчи. Вообще-то, — сказала я, — ахеренно.

Я бросила трубку.

КОУЛ•

Когда я был волком, то ничего не помнил о том, каково быть собой. Я был упрощенной версией самого себя. Ничем не отличался от животного.

Это было то, чего я пытался достичь, принимая всевозможные наркотики.

Все, о чем я мог думать после звонка Изабел, было то, как ушло бы это чувство, по крайней мере частично, если бы я стал волком.

Вместо этого я стоял на обтянутом проводом балконе венецианского дома и смотрел на блеск ночного города. Луна была огромной над Голливудскими холмами в конце Аббат Кинни. Пальмы были экзотическими силуэтами на его фоне — по-киношному прекрасном и в духе Л.А... Это место: были ли фильмы по-голливудски идеальными из-за того, что этот город был таковым, или же его сделали таким идеальным сами фильмы?

Я стоял на балконе, будучи силуэтом на фоне пурпурного неба, и моя депрессия становилась просто очередной гламурной вещью.

Что мне следовало сказать ей?

Я знал о крошечной камере, расположенной за моей спиной. Она была прикреплена к краю крыши, одна из сотни таких же, размещенных по всей территории комплекса — «комплекс» было действительно неподходящим словом. Моя квартира-студия, светлая и просторная, в небесном свете, занимала второй этаж бетонного блока дома. Квартира на первом этаже принадлежала другому участнику группы. Широкий помост вел к третьей квартире в тусклом штукатуренном доме с другой стороны блока. Между ними был крошечный двор, полный растений, которые выглядели нереалистичными для моих глаз.

Шесть недель показались мне вечностью. Я не понимал, как вообще мог когда-то решить, что сорок два дня — это короткий срок.

Я оперся на край балкона. Я хотел пива; я хотел, чтобы игла вонзилась мне в кожу.

Нет, это больше не для меня. Я был искренним, чистым и совершенно новым. Бейби наняла меня ради моей неудачи, но я не собирался облажаться.

Изабел даже не дала мне шанса.

Я подумал о том, как быстро я мог превратиться в волка. Как мое сознание полностью очистится. Всего за пару минут. И в отличие от других моих средств, это не оставляло следов и ничего от меня не требовало. Это не было зависимостью.

Но я не пошевелился.

Скрестив руки на балконе, я преклонил на них голову, моя грудь медленно наполнялась тьмой. Мое лицо уткнулось в место, где были отметины, прежде чем волк во мне стер их.

Какой *смысл* быть здесь, если не ради нее? В чем смысл чего-либо, если я не мог решить даже эту проблему.

Это был просто ужин. Это просто...

Изабел...

Я услышал, как в переулке позади моей квартиры затормозил и остановился автомобиль. Его дверь открылась и закрылась. Багажник открылся и закрылся. Ворота во дворе загрохотали.

Я стрельнул пристальным взглядом на особь неясного пола в светлой шляпе, которая

боролась с воротами. Он/она/оно увидел меня. Женский голос, вероятно, позвал меня:

— Поможешь немного, чел?

Я не шевельнулся. Я смотрел, как он/она/оно пытается разобраться с замком еще с минуту до того, как замочная скважина поддалась давлению ключа.

Это все казалось похожим на веселую игру раньше, когда я стоял в доме Бейби. Но сейчас? *Ахеренно.*

Было такое чувство, что я никогда не прекращал спорить с Изабел, как в Миннесоте.

Невероятно, насколько быстро все в моем сердце превращалось в дерьмо.

Внизу фигура вошла во внутренний двор. У нее была сумка. У нее, кажется, не было колес, но она вся равно тянула ее. Проталкиваясь мимо приставучего фигового дерева, она стояла непосредственно подо мной, а ее долговязая тень рассеивалась от уличных фонарей и света от крыльца и луны. Теперь я видел, что принял за шляпу ее крупные светлые дреды. Подняв голову вверх, она сказала:

— Спасибо за помощь, чел.

Когда я так и не ответил, она протащила сумку еще на несколько метров. Затем она бросила ее у дома и взяла сигарету или что-то вроде.

Медленно, я втянулся в режим артиста. Режим Коула Сен-Клера. Это была маска, знакомая рубашка, но мне нужно было немного времени, чтобы вжиться.

Я спустился вниз по лестнице. В темноте, слабый огонек в ее пальцах осветил дым вокруг нее. Ее лицо было очень длинным и очень тонким, очень похоже на Ихавод Крейн, если бы у Ихавод были бы светлые дреды, будь у нее такая возможность. Восемнадцатый век был плохим временем для волос.

— Привет, почему ты здесь? — спросил я.

— Я — твой барабанщик, — ответила она.

Не было никакого фейерверка или парадов, или знаков, льющих дождем из небес, чтобы объявить о ней, первой из музыкантов, собранных вокруг музыкальных ног Коула Сен-Клера, экс-лидера «Наркотики».

Эта девчонка не была моей группой. Моя группа была на одну треть буддистской и на одну треть мертвой.

— Это же не оригинальный способ сказать, что ты проститутка, да? Потому что я и правда не в настроении, — сказал я.

Она выдохнула дым на меня. Медленным, носовым голосом, будто готовилась заранее, она сказала:

— Не обламывай мой кайф, чел.

Она закрыла глаза. Она, казалось, была в совершенном согласии с окружающим миром. Марихуана никогда на меня так не действовала. Мне было очень весело, а потом я становился грустным. Весь процесс имел положительные результаты только для зрителей.

— И не мечтал об этом. Я думал, вы приедете завтра. Если не знала, то это день после сегодня.

Девчонка Ихавод открыла глаза. Ее дреды выглядели массивно. Им точно нужен был почтовый индекс. Я видел классные дреды в свое время, но они выглядели, будто были сделаны в руинах заброшенных деревень третьего мира.

— Кайф. Обломал.

— Прости, я Коул.

— Лейла, — она предложила мне свой косяк.

— Я не употребляю, — сказал я. Хотя когда-то считал «травку» самым мелким своим грехом из возможных. Я впервые в жизни сказал «не употребляю» вслух, и эти слова прозвучали с превосходством.

— А мог бы снять напряжение, — сказала она. — До того, как сюда приедут остальные.

— Остальные?

Как по заказу, свет затопил задний двор. Я прикрыл глаза рукой. Четыре человека зашли в ворота, непринужденно, или как вам больше нравится, сквозь темноту двора. Двое несли камеры. У других были инструменты в чехлах. Вышеупомянутые личности двинулись дальше, но, услышав Лейлу и меня, направились к нам.

Я чувствовал себя так, будто меня бросили на сцене без сет-листа^[13]. «*Это шоу*», — сказал я себе. «*И оно начинается прямо сейчас*».

— Как я и говорила, — безразлично сказала Лейла.

— Хэй, Коул, — сказал парень с камерой. Я мог видеть только половину его лица, и он поразительно напомнил мне Бейби. Такие же тяжелые веки, такая же коричневая челка, такое же чувство, будто он из винтажной фотографии 70-х годов. — Я рассчитывал, что ты будешь спать. Извини за неожиданность. Все приехали рано, и мы думали убить пару минут, прогулявшись, — он поднял одну руку для пожатия, а в другой руке все еще была камера. Он носил приблизительно четыреста браслетов с коноплей. Я немедленно сделал, по крайней мере, три вывода о нем, основываясь лишь на браслетах.

— Я Ти. Просто буква.

— Какая буква?

— *Ти*. Мое имя просто Ти.

Я сделал еще один вывод и после этого пожал его руку.

— У тебя лицо Бейби.

— Хах, я знаю. Я ее брат-близнец.

— Странно.

— Да, я знаю, хорошо? Я буду в съемочной команде.

Я сразу же понял, что он был одним из тех гибких парней, которым просто нравилось быть вокруг знаменитостей всех видов. Не поклонник кого-то конкретного, просто фанат любого, кто когда-либо был кем-то. Однако, он определенно нравится мне больше Бейби. Он был проще.

— Джоан — моя напарница, которую, как и меня, ты будешь всегда видеть поблизости. Вот она, — он указал на нее. — Так что, если ты заметишь нас рядом, не психуй.

Частично я слушал его, но по большей части мой мозг работал над фактом, что, в общем, их родители называли своих детей *Бейби Ти*.

— В любом случае, мы просто отснимем немного материала в доме, а после не будем вам мешать, — сказал Ти. — Мы постараемся быть по возможности незаметными.

— Делайте то, что должны, — сказал я.

Ти и Джоан отошли назад, вертя камерами туда и сюда, в поисках наилучшего освещения. Джоан чуть не наступила на Лейлу, которая полулежала в траве. Я мельком увидел сцену через видоискатель Джоан, и это было похоже на один из тех документальных фильмов о львах после наступления темноты. Не хватало только буфера Ленд Ровера и полусъеденного трупа гну.

Я обратил внимание на двух музыкантов, которых снимала камера Джоан.

— Почему их двое? — спросил я.

Ти, нетерпеливый и любезный, сразу прекратил снимать и обернулся ко мне:

— Двое чего? Камер? Разн...

— Нет, их.

— Это твоя группа, чел, — ответил Ти. У него была такая же широкая улыбка, как у Бейби.

— Гитарист и басист.

— Кто из них гитарист?

Ти посмотрел на двух парней с похожими кейсами для инструментов. Он не имел и малейшего понятия. Один из музыкантов поднял руку.

— Ты можешь идти, — сказал я. В сонных глазах Ти исчезла вся усталость.

— Эй, подожди секунду.

— Дверь вон там, — сказал я гитаристу, который уставился на меня с выражением, которое я давно позабыл — неверие смешанное со злостью, — приятно было познакомиться, *гудбай*, и т. д. и т. п. — Я повернулся к басисту, который нервно сглотнул. — А т...

— Эй, подожди. — прервал меня Ти. Он все еще улыбался, но в глазах была тревога.

— Бейби подобрала этих ребят. Не думаю, что она будет счастлива, если ты просто отправишь их одним махом, когда мы даж...

— Я не просил гитариста. — сказал я. — Зачем мне гитарист? Это не Битлз. — заметил я. — Басист. Барабанщик. Я. Готово.

Ти определенно хотел сохранить спокойствие.

— Почему бы тебе просто не оставить его, посмотреть, что из этого выйдет? Тогда ты счастлив, Бейби счастлива, Чип счастлив.

Я предположил, что Чип — это гитарист, которого я собирался силой выгнать из моей жизни. Самой раздражающей вещью во всем этом было то, что я был уверен, Бейби не забыла, что я не хотел гитариста. Кто-то, кто помнил о блокноте, не забыл бы о дополнительном участнике группы.

— Если он хочет сидеть без дела, мне все равно, — ответил я. — Но факт остается фактом. Я не пишу партии для гитары. Он может отвечать за растения.

Ти пристально смотрел на меня, ожидая моей реакции. Но ее не последовало. Если все в мире шло не так, я собирался, по крайней мере, сохранить это: записывать альбом так, как я того хочу.

В итоге, Ти сказал:

— Чип, почему бы тебе не подождать в машине?

Лейла выдохнула клуб дыма в свете вспышки документального-фильма-о-львах.

Чип направился к выходу со двора.

— Ладно, — сказал Ти.

Я повернулся к басисту. Он был высоким, долговязым пареньком. Его пальцы напоминали лапки насекомых.

— Что ты умеешь? Давай послушаем.

Басист открыл рот, но ничего не сказал.

Ти не был дураком. Он видел игру на несколько ходов вперед.

— Прямо сейчас? Я думал, мы толь...

Я перебил его:

— Сейчас или никогда, Ти. Мы не берем молодых и самоуверенных, и, что-то подсказывает мне, паренек как раз из таких. Поп для лохов, чувак. Давай посмотрим из

какого теста ты слеплен.

Басист, сходу поняв, что главным был я, принялся извлекать свой бас.

— Это, мм, лучше звучит с усилителем.

— Я использую свое воображение.

— Что я должен сыграть? — спросил он.

— Это ты мне скажи.

Джереми, басист Наркотики, не был лучшим в мире музыкантом, но у него была некая неугасаемая энергия внутри. Ему приходилось изучать каждую песню целыми днями, прежде, чем сыграть даже самый простой риф, но когда этот риф звучал, — ох, чувак, держись покрепче или присядь. Не имело значения, сколько времени ему понадобилось, чтобы сделать это. Важно было лишь то, каков был результат.

Сейчас длинноволосый басист играл риф одной из наших песен. Я не мог вспомнить ее название. Черт, я неожиданно почувствовал себя старым. Прыщавый парень с обожанием играл старый риф Джереми из песни, которую я не мог вспомнить.

— Не это, — сказал я. — Что-то, чего я не слышал раньше.

Он сыграл что-то другое. Это было фанково^[14], и довольно профессионально, и не похоже ни на что, что я когда-либо хотел слышать в одной из моих песен вообще. Я никогда на самом деле не хотел оказаться в одной комнате с этим.

— Спасибо, Чарли, но нет, — сказал ему я. Мне не верилось, что этот вечер проходил именно так. Я должен был гулять с Изабел в этот момент.

— Меня зовут не...

— Он тоже может идти в машину, — сказал я. — Всем хорошего вечера. Я уйду, — я оставил их там. Поднимаясь по лестнице, я раздумывал, стоит ли позвонить Изабел. Может, мне стоит послать ей что-то. Не цветы. Это скучно. Цветы бы ни за что не убедили ее. Карлик, выпрыгивающий из открытки или что-то типа того.

— Что за мудак, — сказал басист достаточно громко, чтобы я мог услышать. Он совершенно не знал меня, если думал, что был хотя бы близок к тому, чтобы оскорбить меня.

— Ну же, Коул, — позвал Ти. — Что я скажу Бейби?

— Меня беспокоит, что ты называешь свою сестру *деткой*^[15], — сказал я ему. — Скажи ей, что прослушивание начинается завтра. Я сам это сделаю. Захвати свою камеру и пару чистых шорт.

Другой оператор — Джейн? Джоан? — впервые заговорила. Она раздраженно спросила:

— Ты собираешься забракковать и Лейлу тоже?

Я оглянулся туда, где она сидела, все еще кайфуя от сигареты. Я хотел свою группу. Я не хотел всех этих клоунов.

— Нет, пока.

Я дважды проверил ванную комнату на наличие камер, включил душ для шума и тогда достал вещи, необходимые мне для того, чтобы стать волком на пять, или семь, или девять минут.

Это был относительно не такой уж и большой грех. На пике славы Наркотики я был знаменит своим бесстрашием перед химией — не было ни одного наркотика, который я бы не попробовал хотя бы раз. Некоторые из них имели довольно грубые и сложные побочные эффекты, но я не очень-то и беспокоился о своем теле, в конце концов. Уйти из жизни насовсем — вот чего я на самом деле хотел, но был слишком труслив для этого.

Я поставил свои принадлежности на край раковины и разложил их. Мой безумный отец-ученый, ярый фанат научных процессов, гордился бы тем, как я к этому пришел. Множество месяцев самостоятельных экспериментов позволили мне создать свой собственный коктейль «стать-оборотнем-без-чувств»: эпинефрин, чтобы начать процесс, сосудорасширяющее, чтобы упростить его, бета-блокатор, чтобы уберечь свою голову от фактического взрыва, и аспирин, чтобы уберечь свою голову от чувства, что она фактически взрывается.

Он был гораздо лучше любой субстанции, которую я когда-либо создал. Это было не хуже, чем достать пиво из холодильника. Нет, даже лучше. Потому что после него не было никакого похмелья.

Так что, в этом не было ничего, за что нужно было чувствовать вину.

Но я все равно немного чувствовал. В основном из-за ассоциации. Я стал оборотнем только из-за того, что никакой другой наркотик уже не оказывал сильного действия и мне нужно было что-то, что не позволило бы мне пасть. Потому что я шел к абсолютному дну. Потому что я просто хотел уйти, но боялся, а трус всегда остается трусом.

Но сейчас это не имело значения.

В этот вечер это ничем не отличалось от пива. Просто кое-что, чтобы перезапустить мой мозг, убедить меня уснуть, заставить поверить, что солнце Л.А. может исцелить меня. Пять, или семь, или девять минут.

Я вколол, проглотил, подождал. Я смотрел на маленькие вещички, которые они поместили в эту ванную и которые не имели ничего общего с ванной комнатой: орхидея на подоконнике, поддельная уличная табличка над зеркалом, бетонная статуя жирафа в углу. Прошли недели с последней трансформации. Иногда частые превращения пробуждали во мне жажду к ним, и мне не хотелось никаких сюрпризов в аэропорте Миннеаполиса.

Душ шумел на маленькую кафельную плитку. Я мог услышать запах железа в воде также, как крови в моих венах. В моих ушах стучал пульс. Я не мог поверить, что Бейби наняла для меня гитариста и *этого* басиста. Я не мог поверить, что если бы все не пошло к чертям, мое свидание началось бы час назад.

Изабел...

Мой пульс внезапно пронзил трансформирующееся тело.

Мои мысли исчезли вместе с моей человеческой кожей.

ИЗАБЕЛ•

Той ночью я лежала в моей бездушной спальне с ноутбуком на животе и смотрела ранние видео, на которых Коул выступал с Наркотикой. На них он выглядел так молодо и ярко, как будто в огне, который разжигала толпа. Его улыбка была самой ослепительной вещью на свете.

С каждым новым видео Коул менялся. Его глаза угасали. Это была модель Коула, брошенная на сцене позади клавиатуры, рок-звезда-образный мешок с мясом. Временами можно было фактически увидеть, как его трясет в свирепости от того, что он принял перед выступлением. Уничтожая себя, сродни тому, как он уничтожал толпу в тех ранних видео, он зажег пламя внутри.

Я знала, что это было тем, что Бейби Норс хотела получить от него. Она знала, как их выбирать, уверенно ставила на беспорных неудачников.

Кошка тети Лорен запрыгнула на край моей кровати. Я зашипела на нее. Она спрыгнула вниз, но не выглядела расстроенной. Она пробыла здесь достаточно долго, чтобы все ее чувства была заменены плотным линолеумом. Когда я выпустила ее из комнаты и начала было закрывать дверь, услышала, как хлопнула входная дверь: моя мама вернулась с дежурства. Ей было достаточно времени для Эйч-Би-Оу^[16] и, возможно, для небольшого горевания по ее мертвому сыну и отдалившемуся мужу.

Секрет был в том, что слезы не вернут погибших или пропавших без вести.

Я быстро закрыла дверь в свою спальню.

Я снова улеглась в кровать и нашла видео с последним выступлением Коула в составе Наркотики. То, на котором он упал и больше не поднялся. Тысяча немигающих камер телефонов записали вопль синтезатора, за который он ухватился, падая. Никто не был достаточно близко, чтобы поймать его. В конце концов, единственной вещью, которая остановила его падение, стала земля.

В этом видео на него было страшно смотреть. Падение не было красивым и мягким. Оно было потным, обжигающим, гнилым. Я продолжала проигрывать его снова и снова, каждый раз думая о том, насколько сильно хотела позвонить ему.

Он был здесь не только из-за меня. И в этом был весь он. В этом был тот, кем он мог стать снова. Но я не знала, имело ли это значение. То есть, было ли этого достаточно, чтобы остановить меня.

Я ненавидела плакать.

Я нажала на плей снова. В этот раз я смотрела на других участников группы, бегая глазами по краям экрана. Улыбка Джереми, расплывшаяся в беспокойстве, опустошенный Виктор.

Ладно, хватит.

Через тонкие стены своей спальни, я слышала, как мама ругается с отцом по телефону. мать (подслушано): *Мое разрешение? Тебе нужно мое разрешение, чтобы прийти увидеться со мной? Если бы ты на самом деле хотел увидеть меня, то был бы уже здесь. Не играй со мной в эти игры.*

отец (предположительно): Тереза, игры — для детей. Мы не дети. Мы — образованные

профессионалы. Мы оба прошли сквозь десятилетия школы, чтобы увериться, что больше никогда не будем играть в игры снова.

мать (подслушано): *Это моя работа, Том. Я не могу менять свой график. Ты, по крайней мере, можешь передвинуть клиентов.*

отец (предположительно): Передвигать клиентов звучит очень похоже на игру, и ты, и я, мы оба знаем мои чувства по поводу того, Тереза, чтобы хотя бы сказать им такое.

мать (подслушано): *Хотя бы сделай вид, что услышал, что я только что сказала.*

отец (предположительно): Хотя бы сделай вид, что слышала, что я только что сказал.

мать (подслушано): *Вот что я слышала: «Бла-бла-бла История-жизни-Тома-Калнепера-только-о-нем». Думаешь, только у тебя есть чувства?*

отец (предположительно): Не смей меня. У меня нет чувств. Чувства для слюнтяев и детей.

мать (подслушано): *Ты такой мудака.*

отец (предположительно): Ты снова плачешь? Боже, такое чувство, что слезы можно купить в Крейт-энд-Баррел^[17]. Ты снова заказала их онлайн? Мы не сделаны из денег.

мать (подслушано): *Это было лучшим решением, которое я когда-либо приняла.*

Она повесила трубку.

Это место. Что за дыра. Я могла чувствовать, как оно тянется к краям моей души, пытаюсь задеть их.

Я включила видео с обмороком Коула на сцене клуба Жозефина.

А потом позвонила ему.

Он сразу же ответил:

— Йес?

Мое полное жестокости и ненависти сердце ускорилося. На моем ноутбуке глаза Коула опустели. Музыка дрогнула, но вы на самом деле могли это сказать только после того, как посмотрели его раз сорок.

— Ты все еще живешь по миннесотскому времени? — спросила я.

— Я живу по любому времени, которое могло бы сделать этот звонок как можно дольше, — сказал он.

— Какой прием пищи должен быть следующим?

На видео Коул ухватился за клавиатуру. Его пальцы соскользнули с клавиш.

— Завтрак, я думаю. Ведь так, да? Утренний прием пищи?

На видео его лицо ударилося о землю. Он был совершенно безразличен ко всему.

Я так устала от пропавших без вести и умерших.

Я не хотела идти ко дну. Я не влюблялась в него снова. Я всегда могла уйти снова.

— Давай позавтракаем.

КОУЛ•

После звонка Изабел все наладилось.

Я заказал доставку фалафеля^[18] и сидел в квартире, смотря музыкальные клипы в нижнем белье. Кто-то однажды спросил меня после шоу:

— Думаешь, музыкальные клипы вымерли?

Музыкальные клипы никак не могли вымереть. Пока есть песня и живой человек, кто-то будет петь ее, также и пока есть песня и двое живых людей, один будет петь ее, а другой — снимать.

Музыкальные клипы умрут тогда, когда все ослепнут, но музыка никогда не умрет, потому что, даже если ты не можешь слышать ее, ты ее чувствуешь.

Теперь, когда я был один и вымылся с облегчением, будучи очень далеко от хоть какого-то подобия дома, казалось, музыка — единственное, что могло исцелить меня. Я начал с групп, которые я знал, а потом позволил комментариям, ссылкам и страницам Википедии вести меня в бесконечную звуковую чертовщину. Я послушал шведский фолк-рок, Элвиса, австро-поп, краут-рок^[19], дабстеп и еще что-то, для чего пока не придумали названия.

В прошлом, когда я был никем, в прошлом, когда я был просто парнем с клавиатурой и странной фамилией, это было моим наркотиком.

Я был оборотнем.

Я открыл окно и вернулся в кровать, надев наушники, и пока луна всходила на моих глазах, свет машинных фар создавал причудливый узор на потолке, а мои измененные волчьи ноздри улавливали запахи Калифорнии, я тонул в песне за песней. Аккорды исцеляли и окрыляли меня. Там внизу был дерьмовый мир, полон иллюзорных людей, но здесь, в этих звуках, не было ничего, кроме совершенства.

Позже я проснулся полностью бодрым, наушники в моих ушах были горячими, и я устал ото сна, но было еще очень рано, чтобы вставать.

Музыка, которая уносила меня несколькими часами ранее, сейчас чувствовалась какой-то вялой. Тем не менее, я просидел еще несколько минут там, слушая ее. Часть меня знала, что останься я в таком положении еще немного, и музыка снова магическим образом меня убаюкает.

Но другая часть меня бодрствовала и сопротивлялась этому.

Я поднялся. Теснота квартиры, ее домашность, ее четыре стены давили, как неудобная обувь.

Я вышел наружу.

С прохладным ночным воздухом я вновь ожил, мой пульс ускорился.

В отштукатуренном доме напротив было темно, когда я вышел за ворота. Я вышел на бетонную дорожку в переулке позади дома и скривился: машина Бейби ожидала меня. В тусклом уличном свете я не мог определить, что это за машина, так что обошел вокруг и уставился на значок, но даже тогда марка осталась загадкой для меня. Это был невзрачный автомобиль из начала двухтысячных. Я разблокировал дверь и открыл ее. Сиденья внутри были изготовлены из ткани цвета тряпья сирот.

Я стал снаружи, опираясь на открытую дверь, и набрал номер на своем телефоне.

Спустя долгое время Бейби ответила голосом, который звучал еще более острым, чем живую.

— Сен-Клер? — она исправилась: — Коул?

— Эта машина не сработает, — сказал я. — Никто не хочет смотреть шоу, в котором рок-звезда разъезжает вокруг на... — что это вообще такое? Сатурн. Знаешь, я видел Сатурн, и он гораздо более впечатляющий, чем этот автомобиль. Также, Сатурн — желтый, а эта машина больше похожа на... менструации.

— Коул, сейчас 3:23.

— 24, — тепло исправил я. — Как быстро время летит с возрастом. Я хочу свой Мустанг.

На самом деле, я не хотел его, пока предложение не слетело с моих уст. Но теперь это желание было всепоглощающим, таким, которое не дает спать несколько дней.

— У меня нет Мустанга для тебя, — сказала Бейби. — Мой бюджет не рассчитан на это.

— Не глупи. У меня он уже есть. Это в Фениксе, Нью-Йорк. — В гараже моих родителей, рядом с моим старым велосипедом, покрытым пылью. Купленный за счет моего первого успеха, никем не используемый. — Люди захотят смотреть шоу о рок-звезде на черном Мустанге.

— 3:25, — сказала Бейби.

Изображение этой машины вторглось в мой мозг в виде решения всех проблем, связанных с бесконечными ночами. Я задумался, готов ли я был позвонить своим родителям, чтобы забрать ее.

Нет. Я не был готов.

— Чем дольше я думаю над этим, тем больше не понимаю, как я смогу продолжить без него.

— 3:26.

— 6:26 в Фениксе, — ответил я. — И тот Мустанг выглядит великолепно в утреннем свете. Подумай об этом.

Я отключился. Сатурн все еще был здесь. Я все еще не спал. Было все еще 3:26, хотя это казалось невозможным.

Я стоял там, раздумывая над тем, каков будет мой дальнейший курс действий. Раньше, я бы, наверно, поехал в Креншоу или еще куда-то, чтобы выиграть, не из-за нужды, приберегая все на потом, а просто чтобы занять себя чем-то, чтобы перестать грызть себя изнутри. Но сейчас, я превращался в волка, говорил с Изабел, спал.

Я с облегчением почувствовал, что это всего лишь тупая боль в мышцах. Память. Это было нормально. Со мной было все нормально. *Воспоминание о злоупотреблении психоактивными веществами.* Ключевое слово — *воспоминание.*

И Изабел...

Я подумывал позвонить ей, но я слишком сильно наслаждался тем фактом, что она отвечает на мои звонки, чтобы рискнуть разрушить все это одним ранним утренним звонком.

Было все еще 3:26. Утро никогда не собиралось наступить.

Я набрал другой номер и принялся ждать.

Ответ был настороженным, но вежливым:

— Да?

— *Леон*, — многозначительно сказал я. — Я тебя разбудил? Знаю, что нет.

Леон не спал по ночам. Он не спал днем. Он был слишком грустным, чтобы спать.

— Это Коул Сен-Клер. Я один из рок-звезд, которых ты подвозил вчера. Помнишь? Я был самым очаровательным из них. С джазовой песней.

— Я... я помню. Чем могу быть полезен?

— Думаю, я хотел бы поесть. Ничего тяжелого. Поп-корн. Мороженное. Сардины. Что-то вроде этого. Больше подобие еды, чем что-либо еще.

Леону понадобилось некоторое время, чтобы ответить.

— И Вам нужно такси?

Я поцарапал пятно анемичной красной краски на крыле Сатурна.

— Оу, нет, нет. У меня есть машина. Я думал, ты мог бы захотеть пойти со мной.

Еще более длинная пауза.

— Мистер Сен-Клер, это какой-то специфический вид юмора?

— Леон, — ответил я сурово, — я всегда серьезен. Я иду перекусить чего-нибудь. Я не сплю. Ты не спишь. Похоже на попытку быть дружелюбным. Пойдем и увидишь, насколько тебе понравится тот трек. Никакого давления. И еще, просто Коул. Не может быть никакого мистера Сен-Клера в 3:28 утра. Ночь — великий стабилизатор.

— И это взаправду. Не для твоего шоу.

— Я даже не подумал об этом. Какая идея! Но нет. Даже операторы сейчас спят, Леон.

Я услышал шорох, но он не ответил. Меня огорчало знание того, что, если Леон не согласится пойти, мне придется идти одному. Без ничего, кроме Сатурна, что напомнило бы мне о моей человечности, я бы, конечно, принял неверные решения.

Леон сказал:

— Мне понадобится двадцать минут, чтобы добраться до Вениса.

КОУЛ •

Оказалось, что в свое свободное время Леон не водит черный Кадиллак, а вместо него предпочитает несколько староватый и величественный Форд Файв Хандрид. Он позволил мне понажимать кнопки на радио, пока мы ездили туда-сюда по Эббот-Кинни, в поисках чего-то, что было бы открыто так поздно и не являлось при этом баром. Бар бы подошел, но я был узнаваем, и подвыпившие люди напомнили бы мне, каким славным и дружелюбным я становился под влиянием алкоголя, так что всему пришел бы конец.

Нет, оглядываясь назад, бар не казался хорошей идеей.

Леон отвез нас обоих на добрых две мили к береговой линии.

Вылезая из машины, он сказал:

— Не так уж далеко.

Его голос звучал по-доброму, озадаченно, растерянно. Он был одет в черные слаксы и голубую рубашку, ничто из этого не было помятым. Солидные часы. Он был из тех, кому люди доверяли, не задумываясь. Он был из тех, о ком люди не думали, вообще.

Я осмотрелся. Со своим волчьим обонянием я слышал запах конусов мороженого, асфальта, бурлящего океана, льющегося ручьем пива, первых и последних поцелуев. Уличная парковка была заполнена новенькими, без единой ржавчины машинами, которые, кроме как летом, никогда и не увидишь. У всех девочек были ноги от ушей, все парни ослепляли своими улыбками. И луна была близка, как никогда прежде. Пустые магазины продолжали светиться голубыми, розовыми и желтыми лампочками. Я споткнулся о бордюр, мой взгляд упал на парней, запускающих летающего змея на пляже, его хвост рябил серебром в лунном свете. Мое воображение наполнили картинки.

Волку здесь прятаться было негде.

— Ты не отсюда, — сказал Леон, и я знал, он наблюдал за мной, пока я рассматривал все вокруг. Я знал, ему было известно, что мне все это нравится, и не возражал.

Это великолепное место напевало мое имя снова и снова.

— Нью-Йорк, — ответил я. И добавил, — Штат.

Я не мог вспомнить, когда впервые уточнил, что это *штат*, а не *город*, но тогда это различие точно казалось куда более важным. Откуда я был сейчас? Не отсюда.

— Ты тоже не отсюда, — напомнил я ему. — Цинциннати.

— Поверить не могу, что ты запомнил.

Он привез нас к кафе, которое напомнило мне рестораны в Италии — небольшое, темный интерьер, большая часть обеденной зоны находится под тентом на открытом воздухе. Хотя я и не выразил никакой обеспокоенности, что меня могут узнать, Леон встал впереди меня, закрывая мое лицо от хостесс, и сказал:

— Для двоих, пожалуйста. Может, на заднем дворике?

Я почувствовал, что был прав. Я принял верное решение насчет него. Человек был Человеком.

Хостесс усадила нас за небольшой столик. Вдоль тротуара располагался пляж, а за ним — темный океан. Я почувствовал себя сонным и пьяным.

Присев, мы слегка склонили головы, и я подумал о том, чтобы записать несколько строк

в мой маленький блокнот (*Как любовники или адвокаты/кусаем и улыбаемся*). Вместо этого я наблюдал, как несколько скейтбордистов катаются позади нас.

— Тебе нравится здесь?

Пауза затянулась, и, когда я взглянул на Леона, он с сожалением улыбнулся и опустил свой взгляд на стол. Он осторожно развернул свою салфетку. У него были крепкие руки, грубые и уверенные.

— Я пробыл здесь долго.

— Тебе понравилось здесь в первый раз?

Леон сказал:

— Что ты видишь, когда смотришь на все это?

— Магию, — ответил я.

Он передал мне меню.

— Если ты скажешь мне, что ты хочешь, я сделаю заказ за тебя. Пока ты будешь любоваться океаном.

Он подразумевал, что мне не придется разговаривать с официанткой своим знаменитым голосом или смотреть на нее, открывая свое знаменитое лицо. Сейчас я на самом деле посмотрел на него. Он, должно быть, был красивым ублюдком в моем возрасте. Он оставался бы красивым сейчас, если бы расправил плечи и вел себя так, будто у него есть яйца.

— Ты подвозил множество знаменитостей?

— Парочку.

— Ты даже не знал, кто я такой, когда я сел в твою машину, и теперь защищаешь меня от официантки?

Леон сказал:

— Я загуглил тебя, после того, как ты вышел.

Было приятно слышать, что я все еще имел какую-то популярность в Интернете.

Он продолжил:

— Новости о том, что ты исчез, были... Ты не возражаешь, что я затрагиваю эту тему?

Я пожал плечами. Все было хорошо, пока он не упоминал имя Виктора. Пока он не спрашивал меня о том, где Виктор.

— Что ж, это вызвало большой ажиотаж.

— На самом деле, я не такой знаменитый, — сказал я, хотя все же немного был таким. — Большинство людей не могут узнать меня, увидев. И если они узнают, они либо думают, что я просто кто-то похожий на меня, или у них кишка тонка, чтобы заговорить со мной, или же их попросту не волнует, что это я.

В действительности, быть узнаваемым не утомляло. Утомляло чувствовать одиночество в толпе.

Леон задумчиво рассматривал меня. Я мог сказать, что он, в любом случае, не хотел быть узнаваемым, как Леон-водитель. Он боялся болтовни у кассы супермаркета. Он ждал, пока курьер постучит в дверь, оставит посылку, и сядет в свой автомобиль, чтобы открыть дверь. Смерть его собаки была не лучшей вещью на свете, но, думаю, худшей частью для него была жалость ассистента ветеринара.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — сказал я Леону, и под «ты» я подразумевал «твое лицо». — Ты ненавидишь разговоры ни о чем. Это заставляет все выглядеть несущественным. Согласен. Это отвратительно. Нам стоит говорить только о стоящих вещах,

тебе и мне.

— Я не очень хорош в светских беседах. — Леон понизил ненависть к ним на что-то уровнем добрее, но не стал отрицать. — У тебя есть стоящая тема для разговора?

— Ты рассказал мне историю своей жизни в машине. Это стояще.

— Ты *попросил* меня об этом.

— Разве? Это не похоже на меня.

Официантка вернулась. Я заказал бургер без происшествий. Леон заказал молочный коктейль без происшествий. Когда принесли его коктейль, он вертел его в своих руках, наслаждаясь им. Это казалось великой привилегией, которая позволена только с незнакомцем посреди ночи.

Он выглядел мрачно, что совершенно не входило в план, так что я спросил его:

— Итак, Леон. Я знаю, ты не фанат этого города, но куда бы ты посоветовал мне сходить, как туристу?

— Разве ты не бывал здесь прежде?

Я бывал здесь прежде.

— Я был в туре.

— Не было времени, чтобы осмотреться?

У меня было время, чтобы осмотреться. Я исследовал множество улиц в Кореа-тауне и одну в Эко-парке, и еще одну в Лонг-бич, а потом я поискал Райт Эйд^[20], чтобы купить несколько шприцов, и после я исследовал свой балкон в отеле, и свой пол в отеле, и, наконец, плитку в своей ванной комнате в отеле. Потом пришел Виктор, вытащил меня из моей собственной блевоты и вымыл для шоу.

Я бывал в Лос-Анджелесе прежде, но это не имело значения. На самом деле, я никогда не покидал своей головы.

— Пирс, я думаю, — сказал Леон с сомнением, будто повторял совет кого-то другого. — Там должно быть красиво на закате. Малибу? Это примерно в сорока пяти минутах от побережья.

— Малибу — это не Л.А., Леон, — сказал я сурово. Я взглянул на фиолетовое зарево пляжа. Я представил, как бегу по песку своими лапами, вместо ног. Это было бы также классно, как на своих собственных ногах, подумал я. — Я думаю, тебе стоит посетить свой собственный город.

— Возможно, я так и сделаю, — сказал Леон мягко, что означало, что он не собирается этого делать. Принесли нашу еду. Леон забрал помидор с моего бургера.

— Кажется странным заказать сэндвич с латуком и беконом. Но она убрала бы помидор, если бы ты попросил, — он присолил кусочек. Он выглядел настолько счастливым, насколько вообще мог быть, когда положил его в свой рот.

— Я забыл, что не люблю их, — ответил я. — Они — члены смертельной пасленовой семьи, ты знал? Слегка ядовитые для собак.

И волков. Достаточно, чтобы мой живот разболелся.

— Шоколад тоже, — сказал Леон, глядя на свой молочный коктейль, и я вспомнил, что его собака умерла. — Могу я задать тебе личный вопрос?

— Все вопросы — личные.

— Я...

— Это означает «да», Леон, можешь задать его.

Только пока он не о Викторе.

— Почему ты вернулся обратно?

Это было похоже на вопрос с подвохом. Мое с трудом завоеванное отшельничество — основанное мной, охраняемое Джереми — не мелочь. Это был шанс стать кем-то еще, и сколько таких выпадает? И все же я бросил это.

Я вернулся потому, что должен был. Потому что не было ничего неправильного в мире, за исключением того, что я становился старше. Потому что Сэм и Грейс сказали мне, что я могу идти, если хочу этого.

Тем, что я хотел было:

Я хотел.

Изабел...

Я хотел сделать что-то. В начале этого всего, я был просто ребенком с синтезатором. В этом было мало от игры на них, больше похоже на часы падений от песни к песне.

— Я хочу сделать альбом, — сказал я. — Я соскучился по созданию музыки.

Я понял, что его удовлетворил мой ответ. Официантка принесла чек.

Леон сказал:

— Мне понравилась та песня.

— Какая... о? Правда?

— Ты был прав. Джазовая. — Леон сделал тончайшее джазовое движение и я ответил ему тем же, только нормально. — Ты делал когда-то что-то еще с той леди, что пела?

Леди было неподходящим словом в отношении Магдалены. Я был чертовски сильно влюблен в нее тогда. Я сказал:

— Она очень знаменита благодаря этому сейчас. Ты не слышал о ней? Она снимается в фильмах.

Он пожал плечами. Наверное, не его жанр.

— Еще я купил один из твоих альбомов.

— Какой именно?

Он задумался.

— У него дамское нижнее белье на обложке? — Он выглядел смущенным, поэтому я сказал ему:

— Если тебе станет легче, это был наш басист, Джереми, в нем.

Ностальгия пожирала меня. Нет, не пожирала. Грызла. Просто грызла.

— Ну, — сказал Леон, смотря на наш общий счет в чеке, — я думаю, это так. Я лучше верну тебя обратно.

Я указал на океан.

— Тихий, — сказал Леон без улыбки, но с блеском в глазах.

— Я думаю, нам лучше снять обувь.

Леон нахмурился.

— Я на самом деле не такой человек.

Я знал, что не такой. По крайней мере, я знал, что он не был тем, кто бросит машину посреди лос-анджелесской автострады. И, казалось, естественно, что он был тем, который не завернет штаны и не снимет обувь с незнакомой рок-звездой в пять утра.

— Не смотри на меня так. Я не спрашиваю тебя, хочешь ли ты сделать одинаковые татуировки. Я спрашиваю, не хочешь ли ты мужественно прогуляться вдоль берега. Еще долго до рассвета? — спросил я.

Он посмотрел на свои солидные часы.

— Около получаса.

— Что значат всего тридцать минут против вида восходящего солнца над океаном?

— Мы будем ждать больше этого, если ты надеешься увидеть восход над Тихим океаном.

— Не будь педантичным, Леон.

Мы встретились лицом к лицу. Он выглядел утомленным, усталым, ослабленным жизнью, и я думал, что мое очарования не подействует на него. Но потом он покачал головой и наклонился, чтобы развязать свою обувь.

Я торжественно стянул свои кроссовки. Пока Леон тщательно развязал свои шнурки и закатывал низ своих брюк, я вальсировал на прохладном песке. Здесь, наверху, он был сухой, мягкий и невесомый. Рядом со мной Леон слегка запрокинул голову назад, чтобы посмотреть на вертолет, летящий вдоль берега, с севера на юг. Мальчики с воздушным змеем исчезли, и казалось, что пляж наконец засыпал, правда, когда наступало время просыпаться.

Я привел Леона к утрамбованному песку на краю океана.

— Черт возьми, — зашипел я. Вода была ледяной. Я мог чувствовать, как каждый нерв во мне дергался и дрожал, размышляя о превращении в волка.

— Холодно, — заметил Леон.

Стиснув зубы, я прыгал с ноги на ногу, пока тошнота не прошла, и мое тело не вспомнило, что было человеческим, только человеческим.

— Я где-то читал, что температура воды здесь шестьдесят четыре или шестьдесят пять градусов^[21], — сказал Леон. Он наобум ступил немного глубже в соленую глуть. — Чувствуется холоднее, не так ли?

Теперь, когда я привык к воде, все было не так плохо. Я зарылся пальцами ног в песок и почувствовал, как что-то увернулось от контакта со мной.

— Мы не одни, — сказал я. — Что-то там внизу.

Леон встал на колени, стараясь не намочить брюки, и быстро зарылся рукой в песок. Он издал пару тихих звуков разочарования, пока не выпрямился с горсткой песка в руке.

— Думаю, один там, — заметил он, протянув ее мне.

Я начал перебирать песок, пока не наткнулся на существо: белоспинное насекомое или ракообразное почти на четверть ладони. У него было много ног.

— Это инопланетянин.

— Песчаный краб, — сказал Леон. — Не причинит тебе вреда.

— В любом случае, оно уродливо.

— Уродливость никогда не причиняет боль чему-то.

Я усмехнулся.

— О, уродливость причиняет боль. Просто красота больше.

— Аминь. — Леон осторожно бросил краба в воду.

Мы шли в тишине понемногу, никаких звуков, кроме океана и автомобилей, проезжающих по улице. Небо над нами посерело и затем порозовело. Через несколько часов я мог позвонить Изабел, и затем включить тот пыльный синтезатор и начать делать что-то стоящее. Когда стая пеликанов взлетела над нами в полутьме, я подумал о том, насколько красивым было это место, как мне повезло, и как мне нужно было не облажаться в любом случае.

Я достал свой небольшой блокнот из заднего кармана. Леон наблюдал за моими действиями, поэтому я сказал:

— Что?

— Ты — просто нечто, и все, — сказал Леон. — Большинство людей не такие. Что ты написал там?

Я повернул так, чтобы он мог видеть, что я написал.

Любовники и адвокаты

Губы и зубы

Соответствуют этому воспоминанию

Оцени это

Такова твоя мечта?

Это испытание

Что-то умное в этом

Пеликаны умны

Он был очарован.

— Стихи? Ты просто написал это сейчас? Это действительно станет песней?

— Может быть. Та пеликанская фигня — одна из лучших в работе.

Без какого-либо обсуждения, мы оба остановились и уставились на небо над водой. Солнце поднялось позади нас, но туман или смог отфильтровали большую часть оранжевого, делая океан медленно развивающимся синим-и-пурпурным портретом.

— Ты должен сделать фото, — сказал я Леону. — Не говори мне, что ты не такой человек. Ты можешь всегда удалить его после того, как возвратишься домой. Я не буду знать.

Леон бросил на меня взгляд, но достал свой телефон. Он сказал мне:

— Давай тогда, позируй.

— Что? Это не должно быть мое фото. Это должна быть фотография этого великолепного утра. Или тебя этим великолепным утром. Сувенир.

Он был удивлен.

— Я знаю, как выгляжу. Давай же.

Я поставил ему миленькие рожки чертика, когда он делал фотографию. Я сказал:

— Думаю, этот день захватывающий.

Он посмотрел на часы.

— И это только начало.

ИЗАБЕЛ •

Коул получил мешок несвежих напудренных пончиков на завтрак. Или, возможно, больше, чем один мешок. Когда я подошла к дому следующим утром, то обнаружила записку, приклеенную к воротам. Она гласила:

«24-13-8. Следуй за сахаром, принцесса».

И там был, без шуток, след маленьких, белых пончиков, ведущий в сторону бетонного дома.

Качая головой, я вводила цифры в кодовом замке. Затем я последовала за пончиками. Раздвижные двери дома на другой стороне двора были открытыми, но пончики вели не туда. Девушка со светлыми дредами в грязных эко-брюках карго занималась йогой во дворе. Она приоткрыла глаза только для краткого пристального взгляда на мой прикид, который показал, что она ненавидела все в моем потребительском образе жизни. В любом случае, пончики не направлялись в ее сторону.

Когда я добралась до последнего пончика, Коул появился на площадке надо мной. Он был красив без рубашки, а его кожа приобретала голубой оттенок из-за моих огромных солнцезащитных очков, на нем была та же пара джинсов, в которой я видела его вчера. Его волосы были в беспорядке. Он неясно двигался, тяжело опираясь на одну сторону площадки, затем на другую до того, как заметил меня.

Мое сердце пропустило удар. Я попыталась вызвать вместо этого изображение его падения возле синтезатора. Память о нем под влиянием иглы.

Не его лицо надо мной, когда он сказал, давно, *«Вот как бы я поцеловал тебя, если бы любил»*.

Я не собиралась заходить так далеко. Вот в чем суть.

— Ступеньки, — сказал он. — У меня закончились пончики.

Я могла бы сказать, что он был в режиме «мозги-в-огне».

— А что-то получше пончиков есть?

Глаза йоговой девушки продолжали осуждать меня — и теперь Коул тоже.

Если бы она в скором времени не отвела взгляд, то я бы устроила ей что-то действительно хуже осуждения.

— Я, — сказал Коул. Он указал на угол крыши. — Камера, камера, камера. PSA^[22]. Просто говорю. Камера. Также, камера. — Он вытянул шею, чтобы посмотреть поверх крыши. Его спинные мускулы восхитительно и смущающе напряглись.

— Ты не видела, никто не пришел?

Я поднялась по ступенькам. С площадки кругом были видны плоские крыши Калифорнии-Авеню.

— Нет. Кто-то идет?

— Нет. Наверное, нет. Я не знаю. Заходи, заходи, заходи. Вверх, вверх, вверх.

— Приятно, что ты оделся для такого случая.

Коул бросил взгляд на себя; он ущипнул кожу на своей груди.

— Я не надел... Я надел штаны! Внутрь, внутрь. Заходи в мое логово.

Квартира оказалась неожиданной. Я обнаружила, что это был уникальный фокус Западного Побережья: взять здание, которое выглядело, как маленький гараж, и превратить внутреннюю часть в обширную, просторную жилую площадь.

Я сразу же смогла бы сказать, что эта модернизированная студия была оборудована для Коула, но не Коулом. Вычурная книжная полка, усыпанная Калифорнийскими безделушками, отделяла спальню от жилой площади. Обрамленные винтажные плакаты, изображающие путешествия, и поддельные винтажные неоновые лампы украшали стены. В гостиной на подставке был установлен довольно необычный на вид синтезатор, тонкий слой пыли скопился на динамике рядом с ним.

Синтезатор стал тем, что вернуло меня к реальности. Это действительно происходило.

Здесь было так много камер. Несколько на уровне коленей.

Единственное доказательство участия Коула в создании интерьера было в маленькой кухне: на стойке длиной в руку расположились три полупустых бутылки содовой, открытый пакет чипсов и остатки хот-дога, лежащие на пустой булочке.

— Это противно, — сказала я.

Я была недалеко от мусорного ведра так же, как и он, но осталась на месте, пока Коул раздраженно не фыркнул и не свалил большую часть мусора в корзину.

— Это был завтрак? Мне стоило захватить пончики снаружи? — спросила я.

В ответ, Коул схватил меня за руку. Немного резко он затащил меня в ванную и захлопнул дверь позади нас. Мое отражение появилось одновременно в зеркале и в полностью стеклянном душе.

— Эй...

Коул приложил палец к губам и закрыл дверь позади нас.

— Камеры. Камеры, камеры, камеры.

— Но не здесь? — я огляделась. Как и вся квартира, ванная была светлой и просторной. Много места для рок-звезды и меня. Я вдохнула и почувствовала запах освежителя воздуха и мыла, никакого аромата волка. Я должна была признать, что оставалась спокойнее, чем я ожидала.

— Ну, вон одна, — презрительно сказал Коул, указывая на камеру, лежащую в умывальнике шикарной раковины. Она была отключена и наполовину разобрана, исследованный труп.

— Откуда она взялась?

Он шагнул в душ, не включив его, шлепая босыми ногами по плитке внутри.

— Над кроватью. Мне интересно, как скоро они заметят ее пропажу. Заходи, дитя, и увидишь чудеса, что ждут тебя.

— Ты шутишь или сказал это про душ?

Коул прислонился спиной к стене душа, и я увидела сложенные полотенца на кафельных сидениях внутри. Желтый пластиковый кухонный табурет служил крошечным столом. Он сделал приглашающий жест.

Это был завтрак.

С шумным вздохом я шагнула в душ и села. Коул сел напротив. На столе была чаша с парой пончиков — они были восково-шоколадные, а не те, которыми заманивают девушек в

квартиру. В миске находились два яйца и одно киви. В середине был пустой стакан; Коул потянулся и передвинул его на один дюйм ближе ко мне.

— Это фантастически, — сказала я. — Не хочешь ли ты рассказать о блюдах?

Коул хрустнул пальцами и начал указывать на еду по очереди.

— Здесь у нас глазированные миниатюрные шоколадные ваннокомнатные тортики с парафиновым топпингом. Здесь дуэт яиц от кур свободного выгула, которые, вероятно, сварены вкрутую, или, по крайней мере, долго были в воде. Здесь рядом с ними пушистое, зеленое яйцо. И это...

Он достал двухлитровую диетическую Кока-Колу у стены душа и наполнил мой стакан.

— У тебя нет стакана? — спросила я.

Коул облизал свой палец прежде, чем сделал глоток прямо из бутылки.

— Я переживу.

— Благородно.

Было трудно представить человека на планете, на которого бы не действовало очарование Коула.

Он спросил:

— Могу я очистить яйцо для тебя?

— Я не знаю, ты умеешь?

— *Можно?*

Я махнула рукой. Он с трудом очистил яйцо и вручил его мне. Я грызла белок, в то время, как он трудился над вторым. Я добралась до желтка, который был немного сыроват, когда заметила, что Коул заглотив его, не жуя.

— Залпом — сказал он мне.

Вместо этого я отдала яйцо ему.

— Они действительно снимают все, что ты делаешь?

Коул проглотил остаток моего яйца и вручил мне пончик вместо него.

— Это должен быть просто экспромтный документальный фильм обо мне, записывающем этот альбом. Но я уверен, они надеются, что я облажаюсь.

Я наблюдала за ним поверх пончика. Коул был во власти такого количества разных прецедентов для того, чтобы облажаться, и трудно было понять, какой из всех был худшим для заснятия камерой.

— Это может случиться? — спросила я.

Его голос был небрежен.

— Невозможно.

Это было также, как когда он быстро ответил прежде, когда сказал, что он был здесь для меня. Я не могла поверить в ответ, данный так легко. Но, может быть, это было невозможно. Я больше не знаю правил превращения. Когда-то это, кажется, было основано на температуре. Чем холоднее, тем больше шансов стать волком. Но это, казалось, никогда надежно не срабатывало с Коулом, который старательно сварил свои мозги в химии огромным количеством веществ. Когда я уехала из Миннесоты, он проводил эксперименты с превращением.

Я подозревала, что теперь он мог сделать это намеренно.

Я не знала, что чувствовать по этому поводу. Думаю, это было лучше, чем героин, но не героин убил моего брата.

Он предложил мне другой пончик, и я взяла его. Восковый шоколад не был плох, если

прополоскать его достаточным количеством диетической кока-колы.

Я спросила:

— Сэм знает, что ты здесь?

Сэм был одним из членов волчьей стаи в Миннесоте. Вроде того. Он был вроде как вылечен. Вроде все еще там. Я, наверное, должна была позвонить ему, чтобы узнать, как он там. Наверное, надо было позвонить Грейс, чтобы узнать, счастлива ли она в предвкушении колледжа. Но, как я говорила. Я не была дружелюбной на самом деле.

— Ага.

— Считает ли он это хорошей идеей?

Коул пожал плечами.

— Его понятие хорошей идеи состоит в неясной поэзии. Он хочет быть уверен, что о стае заботятся, и они тоже. Я все там уладил. Они будут в порядке до зимы. И, во всяком случае, он знал, что я хотел вернуть хотя бы часть своих денег назад. Не то, чтобы быть владельцем недвижимости безумно не устраивает.

Это произошло, потому что Коул купил кусок земли, где волки жили на данный момент.

Что насчет меня?

— Это не должна была быть Калифорния, — сказал он. — Это, возможно, мог бы быть Нью-Йорк. Нэшвилл.

Он больше ничего не сказал. А я не хотела спрашивать его о чем-то еще, потому что я чувствовала себя странно эмоциональной и неуравновешенной только после нескольких слов, которые он уже сказал.

Вместо этого я спросила:

— Что насчет твоего зеленого яйца? — Коул взял киви.

— Ты почишь его?

— Не твоими же пальцами, — сказала я. Я на самом деле не знала. Я никогда не видела его таким, как задумал Бог: только очищенным и нарезанным. София, вероятно, знала четыре способа приготовить его. — Кожура толстая?

Он укусил фрукт так, чтобы прорезать пушистую кожуру и начал расчищать с краев с помощью пальцев. Это выглядело, будто он снимал жакет с фрукта. После того, как был очищен драгоценный дюйм, Коул предложил его мне через стол.

— Девушки вперед?

Я наклонилась вперед, чтобы сделать укус. Сок хлынул на мои губы, и, прежде, чем я смогла вытереть его, Коул прижал большой палец к моему рту. Он забрал сок вместе со своим пальцем и затем приблизил его к своему рту. Медленно, словно он мог попробовать мои губы на своих. Я не могла прекратить смотреть на его рот.

Затем мы целовались, голодно, жестко и непрерывно, одно насыщение за другим. Я услышала, как мой стакан опрокинулся, и содовая вытекла в слив. Нижняя часть его ладони прижалась к моей щеке; он все еще сжимал киви в своих пальцах. Все происходило, как в раю. Мои пальцы дотрагивались к его ключице, ребрам, тазовым костям выше пояса. Было чувство, будто я вечность не касалась другого человека. Он был таким настоящим, а его кожа такой теплой, все его ребра, соль и пот. Я чувствовала, насколько долго не видела его. Я чувствовала, что это было единственной вещью, которую я желала так много месяцев.

Он нетерпеливо оттолкнул обломки стола в сторону и притянул меня ближе. Киви присоединился к диетической содовой в сливе. Одна из его ладоней была на моей шее, а другая сжимала мое бедро, наполовину под юбкой. Я не могла отдышаться. Это было плохо.

Я хотела его слишком сильно, чтобы остановиться, и мне нужно чтобы остановиться, или... или...

Телефон начал пронзительно, убедительно и настоятельно звонить.

Коул сказал мне в рот:

— Нет.

Но телефон продолжал звонить. Я не могла понять, почему он звучал так близко, пока я не увидела, что рядом с унитазом висит телефонная трубка.

Коул рвано выдохнул.

Я думала, что вздохну с облегчением. Но это не так.

Мои пальцы, которые были зацеплены за край его джинсов, упали, когда он встал. Перед тем, как выйти из душа, он провел рукой по своему лицу. Своей ногой он пнул вниз крышку унитаза и сел на него прежде, чем взять телефон. Его волосы все еще были в полном беспорядке, но каким-то образом он выглядел собранным.

— Да, — довольно холодно сказал он. Выражение его лица стало заостренным; он выглядел хмурым по сравнению с человеком, который встречал меня, или с человеком, который пригласил меня в душ, или с человеком, который целовал меня. Он послушал мгновение.

— Правильно. Пришли мне имейл позже. О, это мой возбужденный голос. Ты не представляешь.

Я начала подбирать вещи, которые были разбросаны по всей душевой. Я перевернула табурет вверх дном и сложила миски и яичную скорлупу внутрь.

Затем я вышла и прислонилась к раковине, а он стоял в середине ванной комнаты, глядя в телефон. Мое сердце все еще колотилось. Он наклонился ко мне, его плечо напротив моего, все еще глядя в телефон.

Мои мысли были киноэкраном, на который ничего не транслировали.

Через секунду он повернул свой телефон ко мне так, чтобы я могла видеть имейл на нем.

От: Бейби Норс.

Тема: ПРОСЛУШИВАНИЯ.

Ти сказал мне, что ты проводишь прослушивания на пляже. Я запросила базу с людьми, чтобы удостовериться, что мир в курсе, куда идти. Когда закончишь с этим, я накидаю несколько идей в блокноте. Дай мне знать.

Коул выудил небольшой блокнот со своего заднего кармана. Он выглядел новеньким и брендовым, но, когда он открыл его, нервный, раскосый почерк на первой странице гласил:

Раскрой свою индивидуальность поклонникам в музыке на пути к Таргету^[23].

Замути большую вечеринку.

Сорви свадьбу.

Угони тачку.

Ты знаешь. Будь собой.

— Я думала, это шоу о том, как ты записываешь альбом? — спросила я, но, на самом деле, это не было вопросом.

— Кто будет это смотреть? — было ответом. Он нахмурился, глядя на страницу, но не так, как если бы был разочарован. Больше походило на небольшое недоумение от списка покупок, и он как будто обдумывал, как его выполнить.

— Ты на самом деле собираешься сделать все эти вещи?

— Может быть, — сказал Коул. — Я предпочитаю думать о более приятных.

— Она хочет превратить тебя в катастрофу.

Он постучал блокнотом по своим губам.

— Она хочет, чтобы я казался катастрофой.

— Это одно и то же.

Он выражал полную незаинтересованность этой темой.

— Это просто спектакль. Я знаю, чего они хотят.

— Кто такие «они»? Как мы так резко получили множественное число?

— Массы. Люди. Ты смотришь телевизор?

Я смотрела телевизор. Я смотрела шоу Бейби. Я думала об этих камерах-на-уровне-колен. Идеальный угол, чтобы заснять кого-то во время его падения.

Я хотела сказать ему плюнуть на шоу и остаться здесь для меня.

Но это было противоположностью «не заходить так далеко».

Некоторые вещи начали транслироваться на киноэкран в моих мыслях, и все они могли заставить меня плакать, если бы это случилось.

Я оттолкнулась от раковины.

— Мне пора на работу.

— *На работу*, — эхом повторил Коул, как будто не слышал этих слов никогда раньше. — Как ты можешь работать и помогать мне разрушать мечты дюжины полных надежд басистов одновременно?

— Я не могу. И я не собираюсь присутствовать на твоём... твоей штуке. Я не являюсь частью шоу Коула Сен-Клера.

— Как это скучно, — лицо Коула старательно выражало равнодушие, но я знала, что он имел в виду «*расстраивает*» или «*огорчает*» вместо «*скучно*».

— Что же, вот так все и происходит в шоу Изабел. Позвони мне, когда в следующий раз будешь вне камер, — по некоторым причинам я становилась раздраженной. Что-то вроде, как если бы каждый раз мои чувства побуждались к действиям в первую очередь при помощи булавок и иголок.

Я открыла дверь ванной.

— Воу. Вот так? — спросил Коул.

— Вот так, — ответила я. — Холодно.

Я вновь ступила в поле видимости всех камер. Коул оставался вне зоны их доступа в ванной, приложив телефон к уху. Он одними губами сказал, что... *меня*, только не думаю, что глагол был «*звонить*».

Улыбка растянулась на моем лице вопреки моей воле. Его собственная ухмылка расцвела на лице так быстро, что я знала, он будет ждать меня, чтобы сделать что-то незабываемое.

На самом деле, нас таких было двое.

КОУЛ •

После ухода Изабел я почувствовал прилив энергии и готовность быть Коулом Сен-Клером. Чувство было таким сильным, что я вспомнил, как когда-то пытался достичь этого состояния при помощи наркотиков. Мысли об этом заставили меня представить, как однажды я был в поисках того, что я имею сейчас. Не именно в этот момент, позже, что будет в качестве награды за хорошее поведение. Приватный максимум в безобидной обстановке. Хотя я и думал об Изабел, я почувствовал всплеск дерзости и предвкушения, а какая-то часть меня уже планировала поиск сокровищ в Лос-Анджелесе.

Я забил на это, упрекая себя в том, что вообще вспомнил.

Думать не значит делать.

Я думал, как я был волком всего несколько часов назад. *В последний раз было даже и это*, сказал я себе. Это не было преступлением, но я не нуждался в превращении.

Затем я взялся за работу. Я позвонил Джереми по пути на пляж, несмотря на то, что я знал, что он мне скажет, потому что он был частью «Наркотики», и значит, он был частью меня.

Он ответил на четвертом гудке.

Я вглядывался в свое отражение в окнах магазина, пока шел по тротуару.

— Никаких шансов, что ты снова хочешь играть на бас-гитаре для меня, так?

— Эй, чувак, — ответил Джереми, в его неторопливой, легкой манере. У него был самый великолепный южный акцент, который когда-либо можно услышать от парня из северной части штата Нью-Йорк. Я знал его достаточно долго, чтобы помнить до того, как он развил свой акцент. Если он и был шокирован услышать меня после года тишины, то не показывал этого. — Я думал, ты уже под землей.

Слышать его голос было одновременно успокаивающе и удушающе. Джереми был полностью связан с моими воспоминаниями о «Наркотике», а они были связаны с моими воспоминаниями о всем, что было перед моим превращением в волка. Ужасная ностальгия.

— Я возник, как дивная бабочка, — сказал я ему. — И теперь я собираюсь быть на ТВ.

— Ага.

— Мне нужен басист. Я...

— *Ш-ш-ш*, — мягко, как перышко, сказал Джереми. — Я гуглю тебя.

Я ждал. Не было смысла торопить Джереми. Это все равно что пытаться рассеять туман. Я прошел пол квартала, освещенного ярким солнцем, пока он изучал недавние события моей жизни.

— Единственная проблема с тобой на реалити-шоу заключается в том, — наконец сказал Джереми, — что эти шоу никогда не были твоей сильной стороной.

Я остановился, чтобы посмотреть на витрину с солнцезащитными очками. Крошечная тонированная версия меня появилась в каждой линзе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Они наняли мне самого ужасного басиста на свете.

— Сомневаюсь, Коул, — мягко ответил он. — Вроде, умные люди. Они использовали целые числа, чтобы изобразить буквы в названии их сайта.

— В этом парне не было ничего хорошего. И она достала мне гитариста, но это уже другая история.

— Гитары — это такие штуки с шестью струнами, правильно? Я когда-нибудь видел их прежде?

Я взглянул на витрину другого магазина. Там продавались исключительно ремни разных оттенков синего. Это выглядело чересчур специализированно.

— Я говорил ей — никаких гитаристов.

— Думаю, он уже ушел.

— О да, конечно. Так что сейчас я собираюсь послушать людей на пляже, и тебе следует проявить себя и быть лучшим.

— Оу, не знаю, буду ли я там лучшим, — ответил Джереми.

Он не стал бы хвастаться даже в шутку. Он был буддистом или кем-то в этом роде. Джереми стал им в то же время, когда стал южным.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я веду прослушивание для Джереми, а ты и будешь этим Джереми, — я остановился у очередной витрины. Невозможно было точно сказать, что там продавалось.

— Ты же знаешь, что я играю в другой группе, да? — спросил он.

Я знал. Он был не единственным с доступом к поисковой системе. Я не обижался. Теоретически, я пропал на чуть больше года, и, теоретически, был вне музыкального бизнеса все это время и еще несколько месяцев. Я тоже мог бы найти другую группу.

— Они не настолько крутые, как я.

Джереми задумался.

— Нет, не настолько. Но я люблю этих ребят, и не хочу уйти в трудный для них период.

— Всего шесть недель. Потом они получают тебя назад. Целым. Невредимым. Единственное, что в тебе изменится после проведенного со мной времени, — ты будешь под кайфом.

— Даже не сомневаюсь в этом. Притом, это будут не просто шесть недель. Ты собираешься гастролировать в поддержку альбома, так?

Я предполагал это. Мы обычно писали альбом, отыгрывали несколько концертов, продавали пластинки. Это доставляло кайф, если все шло гладко. У меня хорошо получалось, если все шло гладко.

Было просто, когда все шло не гладко, и становилось опасным. В большей степени для меня, однако. Редко для посторонних.

— Ну и?

Он сделал паузу, как будто размышлял об этом. Но, как я уже говорил, я знал Джереми. Когда мы были в группе, мы все знали друг друга лучше, чем самих себя. Поэтому мы и были группой. Итак, я уже знал, что он собирался сказать. Я просто не представлял, в какой форме он выразит свои мысли.

— Не думаю, что ты и тур — хорошая идея, — сказал он. — Это ход назад.

Я точно знал, о чем он говорит, но я сказал:

— В сторону. Назад — слишком негативно сказано.

— Послушай, Коул, я правда рад, что ты...

Он не закончил предложения, дав волю моему воображению представить, что он собирался сказать. *В Лос-Анджелесе. Снова занимаешься музыкой. Все еще жив.*

Все свелось к тому, что он мне не доверяет.

Его сомнения оставили большую вмятину в моем тефлоновом сердце, чем я ожидал.

В конце концов Джереми лишь спросил:

— Как бы то ни было, можно я приду на прослушивание? Посмотреть?

— Только если ты сможешь мне выбрать твоего последователя.

— Я не против.

Никто из нас не сказал что-либо о Викторе. Наверно, я был единственным, кто подумал, что мы не говорили о нем. Наверно, проще, когда ты не являешься тем единственным, кто копал ему могилу. Когда ты не являешься тем единственным, кто клал его туда.

— *Что насчет Виктора, Коул? Помнишь, как мы все делали вместе? Я убедил его стать оборотнем вместе со мной. Сейчас я в лофте в Калифорнии, а он в безымянной могиле в Миннесоте.*

— *Он тоже сделал этот выбор. Не только ты.*

Иногда я притворяюсь, что это правда.

— Коул, ты все еще здесь?

— Я всегда здесь, — сказал я, хотя и не был, правда, на мгновение. — Даже наблюдаю, как ты спишь.

— Знаю. Я чувствую это. Каким способом? Сегодня? Какой твой способ?

Мое отражение в окне магазина наконец улыбнулось. Способ. *Способ*. Раньше, когда мы были в дороге, еще до того, как все пошло к черту, каждый концерт отличался от другого. Не только потому, что мы играли разные песни. Так было потому, что мы выступали в костюмах зомби или играли песню задом наперед, или замачивали тыкву в бензине и поджигали ее. Это было из-за музыки, конечно — это всегда самая важная вещь — но это было и из-за игры. Изюминка. Тогда мы и начали называть все это «способ». *Каким способом, Джереми? Каким способом, Виктор?*

Фактически, всегда было так:

Какой способ, Коул?

— Я искал реквизит здесь, но это бессмысленно, — сказал я.

— Я могу как-то помочь?

Я должен быть ответить ему «нет, мне нужно еще подумать», но внезапно в моем мозгу что-то щелкнуло. Я прищурился.

— Как поживают колонки твоей аудиосистемы?

ИЗАБЕЛ •

Иногда я проходила онлайн-тесты, чтобы выяснить, не социопатка ли я. Общество считает, что среди социопатов больше мужчин, чем женщин, но это грязная, грязная ложь, порождаемая СМИ. В мире гораздо больше бесчувственных девушек, чем они могли бы признать.

Может, я и не была чокнутой. Но если это так, тогда такими были все остальные.

Я не знала, почему я до сих пор дерьмово относилась к Коулу. Под *Коулом* я подразумевала *всех остальных в мире*.

Он находился всего в нескольких милях от меня. В Калифорнии. В Лос-Анджелесе.

На работе минуты казались расплывчатыми и бесконечными. Я оформила по-новому дизайн редкого лилового разреза у платья — «лодочки», затем я вытерла пыль с растений, а потом отправилась в подсобку. Сьерры там не было, но она оставила после себя кучу лоскутов и всякого прочего «вдохновения», которое она называла «странными вещами» и собирала для того, чтобы воздействовать на свою одежду. С тех пор как мы с ней последний раз были в магазине, она добавила бутылку молока, какой-то заморожено-высушенный лист и, звучит абсурдно, ногу чайки.

Я не могла дождаться, чтобы повесить какую-то модную вещицу, вдохновением для создания которой послужила часть расчлененной чайки.

Убрав мусор Сьерры с дороги, я села на прилавок и вытащила свои заметки по курсу СПМ. Самой тяжелой частью курсов, как по мне, было запомнить, что значит СПМ Сертифицированный. Помощник. Медсестры. Мне сказали, что это пригодится, если ты собираешься попасть в медицину, но было трудно вообразить как именно. Одно из окон браузера в моем телефоне было все еще открыто на вопросе практического теста. Он был таким:

Если вы зашли в комнату клиента, а он маструбирует, что вы сделаете?

а) рассмеюсь и закрою дверь;

б) осторожно попрошу его прекратить;

в) закрою дверь и оставлю ему немного личного времени;

г) объясню, чем опасна мастурбация;

д) доложу о нем старшей медсестре.

Я взяла этот курс. Я взяла этот курс.

Я пошла в колледж. Я пошла в колледж.

Я собиралась стать врачом. Я собиралась стать врачом.

Если я буду повторять это, как мантру, это не просто станет правдой, это обретет смысл, ну или, по крайней мере, создастся впечатление, что это правда или имеет смысл.

Часы слились в минуты. Утро с Коулом было ярким, а все остальное — черно-белым.

Я продала танк-топ.

Позвонила моя мать:

— Изабел? Ты надела белые штаны?

Однажды кто-то показал мне коллекцию портретов, сделанных фотографом, интересующимся фамильными сходствами. Каждое лицо было фактически двумя, сшитыми вместе: отец с одной стороны, например, а сын с другой. Если бы так сделали со мной и моей матерью, ничего в измененной фотографии не показалось бы зрителям необычным. У нас был одинаковый рост и вес, и мы обе имели светлые волосы и голубые глаза, и одну бровь, что ненавидела тебя. Мы вполне могли носить одежду друг друга, размер подходил, тем не менее, это случалось редко. Меня не интересовали благоразумные юбки, а мою мать не интересовал оголенный живот.

Но белые штаны мы делили. Они были с завышенной талией и зауженными штанинами, по-голливудски шикарны и совершенны. Я надевала их с обрезанными топами с леопардовым принтом, которые открывали дразнящие полдюйма кожи. Моя мать носила их с облегающей черной блузкой, что, на мой взгляд, было более вызывающе, чем моя версия.

— Кого ты пытаешься впечатлить? — спросила я.

— Не дерзи, — ответила моя мать. — Это было да или нет?

— Я отдала их в химчистку. На них было какое-то пятно. Это было отвратительно. Я не хочу думать об этом.

Моя мать заворчала:

— Это был кофе. Я еду в химчистку сейчас. Я собираюсь забрать их. Когда ты вернешься вечером?

— В восемь, если не будет пробок. Но я сразу же уйду с Софи. Когда ты идешь на работу?

— В восемь, если не будет пробок, — у моей матери была серия ночных дежурств в это время. Часть из них была потому, что она была новым врачом в старой больнице, и ночные дежурства вешали на козлов отпущения, но другая часть — потому, что работать на ночном дежурстве означало, что она могла спать, пока жил реальный мир, на следующий день. Это сэкономило деньги на вино.

— Что же, хорошо, увидимся завтра, — меня не особо это расстраивало, ровно как и мою мать. Мой выпускной и вступление в совершеннолетие лишь гарантировало социальное одобрение наших отношений. Это не означало, что моя мать была пассивным родителем. Это означало, что она была активной так долго, что отпечаток ее ладони сохранился в моей психике, даже когда она убрала свою руку от меня.

День тянулся. Коул не позвонил. Я не позвонила ему. Чего я хотела? Я не знала.

Если вы собираетесь вступить в отношения с рок-звездой, но он снимается в реалити-шоу, которое в результате приведет к смерти или госпитализации одного или обоих из вас, как вы поступите?

а) рассмеюсь и закрою дверь;

б) осторожно попрошу его прекратить;

в) закрою дверь и оставлю ему немного личного времени;

г) объясню, чем опасна мастурбация;

д) доложу о нем старшей медсестре.

В конце дня пришел муж Сьерры, Марк. На самом деле, у него не было определенной цели, но ему нравилось приходить и возиться с квитанциями, типа того. Я не была полностью уверена, чем он занимался, чтобы жить. Что-то вроде мужчины-модели. У него был тот тип лица, которым продают очки.

— Эй, красотка, — поздоровался он со мной. Из его уст «красотка» звучало более весело, чем когда Сьерра говорила это. Сьерра использовала «пышный», «красивый», «желанный» и «любимый» так же, как другие люди использовали неопределенные артикли. Я предполагала, что Марк действительно подразумевал, что я красотка, также я предполагала, что он находил красивыми всех монстров Сьерры. Но почему бы и нет? Мы все были наняты для того, чтобы выглядеть определенным образом, который говорил бы о том, что все мы стремимся выглядеть, как Сьерра, и он, очевидно, считал ее привлекательной.

Я не ответила, но приподняла одну бровь, что было тем же самым для меня.

— Что ты делаешь?

— Учу.

— Что?

Я почти сказала «мастурбацию», потому что это было бы забавно, но после того, как Марк только что назвал меня *красоткой*, это было бы похоже на флирт.

— Как уберечь людей от них самих.

Марк отодвинул какие-то бумаги. Он не делал абсолютно ничего, кроме того, что портил систему, придуманную кем-то из монстров.

— Они задали тебе это по Интернету?

Все в мире знали, что всё в мире было в Интернете. Я вяло пыталась найти в себе какую-то часть, которая бы побеспокоилась над забавным способом донести это до Марка. Я не нашла ничего.

Мой телефон зажужжал. Это была София.

— Что, София? — я все еще подумывала отвечать на телефон при помощи «Каллпер», потому что мне нравилась мужественная идея называть свою фамилию. И потому что это значило меньше, чем «что?».

София говорила смущенно:

— Прости, что отвлекаю тебя. Просто...

Ее извинения за что-то были искренними, только если ее вина не раздражала меня еще больше.

— Боже, София. Все нормально. Я просто была сучкой. Что?

— Я просто звоню потому, что хотела сказать тебе, что он начался. Я имею в виду, первый эпизод шоу Коула.

Уже?

— Ты, наверное, уже знала. Прости. Я...

— София. Прекрати извиняться. Какой адрес? О, точно. С тройками вместо эс. Не забудь о сегодняшнем вечере. Надень что-то красное.

После того, как отключилась, я нашла сайт в телефоне. Экран был маленьким, а динамик дерьмовым, но он работал. Мой желудок немного нервно и несчастно заболел. Эти хитрые черти дали о себе знать, когда я меньше всего их ожидала.

Эпизод уже начался; Коул прослушивал басистов на пляже. Он окружил себя дюжиной

колонок всех размеров. Каждый раз, когда будущий музыкант подходил, Коул протягивал ему общую бас-гитару, делал объявление для зевак и небольшой «та-да» жест рукой. Этот жест, вероятно, это какой-то пережиток «Наркотики», потому что каждый раз, когда он делал его, собравшиеся фанатки-идиотки поднимали мегагромкий шум.

Это раздражало меня. Как будто они знали что-то интимное, чего не знала я. Знали ли они, что невозможно было ничего поделаться с тем, кем он на самом деле был? Они думали, что знают его. Никто не знал его.

Звук каждого прослушивания раздавался над пляжем через колонки. Рядом с Коулом на колонке сидел худой, долговязый парень с блондинистыми волосами до плеч и в очках-авиаторах. Он был так невероятно расстрепан, что должен был быть либо хиппи, либо знаменитостью.

Текст на экране под его лицом гласил: *Джеремии Шатт, бывший басист Наркотики.*

Я не была уверена, что чувствовала по поводу этой частички прошлого Коула в его настоящем. Это ощущалось как шаг навстречу той разбитой рок-звезде, которая рухнула на сцене.

Марк уселся на прилавок рядом со мной, чтобы смотреть; я наклонила мой телефон, чтобы ему было лучше видно.

Толпа собралась вокруг Коула. Он был таким электрическим, язык его тела — таким магнетическим, что даже на таком маленьком экране я могла чувствовать притягательность его чар. Я завидовала тому, как легко это у него получалось, пока не вспомнила, как много он практиковался — он предназначался для того, чтобы было интересно смотреть даже из самых дешевых мест в зале.

Шнуры расстилались как лианы на песке; Коул убедил людей подключить в них свои собственные колонки. Разнообразие небольших динамиков от айподов усеивали землю также, как и большие колонки для меломанов, которые должно быть некоторые люди купили. Это выглядело, как электрическое дерево со странными фруктами.

А басисты все продолжали приходить.

Я не знала, как все они узнали, что нужно прийти. Возможно, Бейби задействовала свои связи. Или Коул. Возможно, было какое-то огромное сообщество фанаток «Наркотики», которые постят каждое его движение. Или, может, это потому, что у него была такая огромная толпа, так много колонок, и сам он как-то превратил Венис-бич в свою площадку.

На экране маленькая девочка подключила небольшую оранжевую колонку и восхищенно хлопала. Коул Сен-Клер только что стал немного громче.

— Я слышал это, когда ехал, — сказал Марк. — Мне было интересно, что происходит. Это, должно быть, так громко. Это, должно быть, нелегально.

Никто из музыкантов не удовлетворил Коула, хотя Джереми одобрительно пожал плечами на некоторых. Там был один парень, фаворит толпы, который все играл, и играл, и играл. Победитель?

Но затем Коул выключил усилитель. Он покачал головой.

Толпа застонала, но Коул просто махнул рукой. Он развернулся, и парень больше для него не существовал. Я всегда хотела узнать, как Коул получил практику, как взлетел так высоко, и сейчас я видела. Люди не были людьми, они просто были частью плана, цели. И части можно было перемещать без мыслей и эмоций.

Это заставило меня подумать обо всех девушках, с которыми Коул, как он сказал, спал в туре. Это казалось таким невозможным для меня, не потому что я не верила ему, а потому

что я не могла представить, как можно позволить многим людям иметь доступ ко мне. Это звучало утомительно, неистово. Теперь я вдруг увидела это. Как он превращал людей в объекты, и как легко он мог расправиться с ними.

Внутри моего сердца было холодно и темно.

— Этот парень невероятен, — сказал Марк, но я не могла понять говорит он о Коуле или о следующем музыканте.

На несколько дюжин больше колонок было воткнуто с тех пор, как камера в последний раз фокусировалась на них. Было трудно сказать, откуда все они получали заряд. Джереми продолжал возиться с чем-то.

— Думаю, я помню что-то из их репертуара. Ты фанатка «Наркотики»? — спросил Марк.

— Я знаю его. Коула, я имею в виду.

— Он действительно такой?

Коул был таким. Он также не был таким. Это просто зависело от того, когда ты видишь его. Не одно и то же, правда?

— Ага.

— В следующую субботу у нас в доме кое-что намечается, — сказал он. — Остальные придут. А ты?

— Остальные?

Пока Коул отшивал очередного басиста на экране, Марк обвел рукой магазин. Оу. Остальные монстры.

— Какого рода кое-что?

Марк взял ногу чайки.

— Просто кое-что. Никакого давления. Подумай об этом. Ладно?

Мое лицо не выражало ничего, но внутри я была немного польщена.

— Я подумаю об этом, — я попыталась представить, как иду на «кое-что» с Коулом.

На шоу Коул отправлял назад всех пришедших, пока еще больше колонок продолжали подключаться. Оператор ходил вдоль ряда колонок, которые тянулись на ярды и ярды: большие черные прямоугольники и размером с ладонь красные, и квадратные серые.

Копы приехали, конечно же. Они выглядели так, как будто ожидали неприятностей, но Коул был не проблемой.

— Мы никому не причиняем зла, — сказал он, жестикулируя. — Посмотрите на эти счастливые лица.

Камеры водили над толпой, которая весело щебетала, веселилась и прыгала, привлекая внимание. Коул был прав: большинство из них *были* счастливы. Как легко ему удалось заменить их собственные мысли и настроение своей шумной радостью.

Полиция сообщила Коулу, что он нарушает предел допустимого шума.

— Рад это слышать, — ответил Коул, и он на самом деле звучал радостно. — Кто-либо из вас играет на басу?

— Прошу прощения?

— Мне нужен басист.

Полицейский рассмеялся.

Коул тоже. Потом он прекратил.

— Нет, серьезно. Сыграй нам риф, и мы прекратим.

Копы, стражи благоразумия, посмотрели на камеры, толпу и друг на друга. Коул

ослепительно им улыбался.

Благоразумие проиграло.

Конечно же, копы сыграли. Разве у них был выбор?

Один офицер играл. Другой танцевал. Толпа взбесилась. Офицер Басисит не был великим музыкантом, но это не имело значения. Это был полицейский, играющий на басу, усиленном тремя тысячами колонок и улыбкой Коула Сен-Клера.

Мир принадлежал Коулу.

— Теперь вы прекратите? — спросил коп. — Таков был уговор.

Коул сказал:

— У меня все еще нет басиста.

Конечно, на этом все не закончилось. Вся эта шумиха не была ради ничего. Толпа притихла.

В тишине Джереми шагнул вперед. Он покачал головой, как будто не веря. Заправил прядь своих блондинистых волос за ухо.

— Ладно, Коул. Ладно. Я сделаю это.

На секунду, короткую, короткую секунду, я увидела настоящую улыбку Коула, а потом она растворилась в его улыбке для шоу. Он проделал сложное мужское объятие с Джереми, а потом схватил его руку и поднял ее вместе со своей.

— У нас есть победитель! — закричал он.

Потом он наклонился к Джереми и заговорил тише, как будто это было только между ними. Но я знала Коула, и знала, что он не забыл о камерах.

Это он сказал уже нам всем:

— Добро пожаловать обратно, чувак.

Пошли титры.

Это был бриллиантовый кусочек телевидения.

Я почувствовала неожиданную гордость за Коула. Он был прав, ранее, по крайней мере, в одном: он знал, чего люди хотят. Это не значило, что он собирался держаться подальше от неприятностей, но он был очень хорош в своем деле. На одно короткое, кристальное мгновение, мне захотелось, чтобы он был здесь, потому что сейчас я могла бы сказать ему это без любого из моих обычных загонов.

Но его не было. Так что все, о чем я могла думать было: *Изабел, не влюбись в него снова.*

КОУЛ •

— Ужин, — сказал я в телефон, когда шел обратно в квартиру. Я держал в руке девяти-долларовый апельсиновый сок, оплаченный бюджетом Бейби. Реклама перед магазином соков зазывала: «Меняй свое будущее с солнцем в бокале». Мое будущее уже казалось довольно величественным, и мне не терпелось увидеть, что случится, добавь я туда еще и апельсиновый сок. — Это следующий прием пищи.

— Что? — сказала Изабел. На самом деле, было что-то приносящее удовольствие в том, чтобы просто набрать ее номер и услышать от нее ответ.

— Ужин. Следующий прием пищи. Ты. Я. Какой заманчивый план мы имеем.

— Я не могу, — ответила Изабел. — Я пообещала моей кузине Софии, что оттянусь с ней. Она превратится в занудную старуху, если я не вытащу ее куда-нибудь.

— Мне нравится твое благородство. Вы могли бы прийти ко мне, — сказал я. Было трудно сказать, менял ли апельсиновый сок мое будущее, потому что я не знал, к чему иду, до того, как начал пить его. — В душе хватит места на троих.

— Я не возьму мою кухню в твой душ, чтобы хорошо провести время. Каков урок это преподает ей? Ты можешь пойти с нами.

Я не знал, каким человеком была София, но мне не хотелось вести светских бесед. Сейчас я наслаждался тем, что хорошо выполнил свою работу, заработав чертов апельсиновый сок.

— Какая музыка будет играть?

— Я не знаю.

— Ты живешь в Л.А. и *не знаешь*? — на самом деле, я не знал, кто будет играть, но это казалось тем, что я должен был знать, живи я здесь.

— Я не люблю концерты. Люди прыгают вокруг и воняют, а музыка звучит, как дерьмо.

— Я не уверен, смогу ли разговаривать с тобой, если ты будешь нести эту чушь все время, — я остановился, чтобы посмотреть на рекламу профессионального френолога^[24]. На рекламе также был профиль лысого мужчины со звездами вокруг головы. Трудно было понять, каков был предлагаемый товар. — Ты никогда не была на концерте, который бы тебе понравился?

— Дай подумать: нет, нет, я не была. Ты когда-нибудь был на том, который бы тебе на самом деле понравился? Или ты просто думаешь, что они должны тебе нравиться?

— Что за нелепый вопрос, — ответил я, хотя, возможно, это было не так. Я не был на многих шоу, пока сам *был* шоу, а музыкальная индустрия не одобряла, если ты пропускал свои собственные концерты, даже если они не казались тебе хорошо проведенным временем. — София существует?

— Что? Я понятия не имею, почему она такая, какая есть. Ничего в ее детстве не содействовало поддержанию уровня ее невротического состояния. Подожди? Ты имеешь в виду, реальный ли она человек? Я бы не выдумала кухню, чтобы избежать ужина, Коул. Я бы просто сказала тебе.

Я спросил:

— Ты ответишь, когда я в следующий раз позвоню?

— В этот раз ответила, ведь так?

— Скажи «да».

— Да. Условно да.

Я закончил с апельсиновым соком. Я пытался быть великодушным в свете того, что сегодня вечером не буду привлекать к себе губы Изабел Калпепер. Этот сок сменил мое будущее не в лучшую сторону. — Какие условия?

— Иногда ты делаешь такие вещи, типа звонишь мне сорок раз в день и оставляешь неприличные сообщения, и поэтому я не беру трубку.

— Нелепо. Это не похоже на меня. Я бы никогда не позвонил четное число раз.

— Также, иногда ты звонишь только потому, что тебе скучно, а не потому, что тебе есть что сказать, а я не хочу быть видом живого Интернета, который ты вызываешь, чтобы развлечь себя.

Это было похоже на меня.

— Так что иди домой и пиши свой альбом, а потом позвони мне утром и скажи, куда мы идем на этих выходных.

— Мне будет одиноко.

— Все мы одиноки, Коул.

— Это мой маленький оптимист, — сказал я.

Повесив трубку, я пошел обратно в дом.

Я думал о поцелуе с Изабел в душе.

Я думал об одиноком вечере в этом странном новомодном рае.

Я думал о работе над песнями для альбома.

Я думал о звонке Сэму.

Я думал о получении кайфа в ванной.

Я пересек двор к бетонному дому, где остановилась Лейла. Раздвижная дверь во двор была открыта.

Внутри был, грубо говоря, только белый диван и много бамбука. Вечерний свет из окон сделал обстановку похожей на салон эко-автомобиля, минус автомобиль. Лейла сидела посреди пола, занимаясь йогой или медитацией. Я не мог вспомнить, было ли это разными вещами. Я думал, медитация — это штука, для которой не требуются специальные брюки.

Я постучал в дверной косяк.

— Лили. Лейла. Мы можем с тобой секунду поговорить о завтрашнем дне? Когда мы сделаем мир лучше?

Лейла одарила меня пассивным взглядом из-под тяжелых век.

— А, ты.

— Да, я. Забавная история: это первая вещь, которую моя мать сказала мне.

Лейла не рассмеялась.

— Я просто подумала, я должна дать тебе знать, — сказала она, — потому что я верю в добро: я не уважаю твою работу или твой персональный смысл жизни.

— Боже. Хорошо. Сейчас не об этом.

Лейла освободила руку и потянулась.

— Хорошо, не правда ли?

Я задумался, был ли какой-то предел оскорблений у хиппи.

— Я, на самом деле, не за добрым словом зашел, ну ладно. Ты хочешь попробовать сыграть разные вариации этой ноты или одного раза было для тебя достаточно?

Она сменила позу рук. Ее скорость колебалась между медленной и очень медленной.

— Люди абсолютно не важны для тебя. Они просто как объекты.

— Ладно, и?

— И ты здесь ради славы, а не музыки.

— В этом ты не права, мой друг, — сказал я ей. — Я здесь ради и того, и другого.

Пятьдесят на пятьдесят, в конце концов. Может даже сорок на шестьдесят.

— Ты уже написал альбом, который мы должны записать за шесть недель?

— Теперь ты портишь мой кайф.

Это не было весело, прикалываться над кем-то, кто даже не знал об этом.

Лейла спросила:

— Как ты можешь знать, что не возненавидишь и мою игру тоже?

Я послал ей улыбку Коула Сен-Клера, чтобы выиграть немного времени.

Дело в том, что я мог устроить прослушивания для басистов, потому что Джереми, мой старый басист, сидел рядом со мной. Я мог взять другого басиста, потому что я на самом деле не заменял старого. Джереми не ушел, а просто двигался вперед. Но барабанщик «Наркотики» не жил в доме где-нибудь в каньонах. Он был мертвым в яме, умерший в волчьем обличье. И, если бы я начал думать о барабанщиках, типа «они лучше, чем Виктор?», то, не думаю, что смог бы справиться с этим. Я закопал свою вину и свое горе в ту могилу. Я извинился перед мертвым человеком, и все было кончено.

Хрупкий конец.

Я сказал:

— У меня есть план. Все под контролем.

Она вновь закрыла глаза.

— Контроль — это иллюзия. У животных нет мании контроля.

Неожиданно мне беспричинно захотелось оказаться рядом с Изабел и только с ней так сильно, что я не мог поверить, что должен провести вечер в одиночестве в этом месте, где посмотреть можно только на Лейлу.

— Ты чудаковатая хиппи, — сказал я, не заботясь, что камеры могут меня слышать.

— Среди животных нет хиппи, — ответила Лейла, — потому что каждое животное, по своей природе, наедине со своим окружением.

Я споткнулся о порог и ступил обратно во двор. Желание все еще горело во мне.

— Я могу уволить тебя завтра.

Она не открыла глаза.

— Я в порядке, что не принес бы завтрашний день.

Какой нелепый настрой. Завтрашний день принесет только то, что ты скажешь ему принести. Если ты скажешь «ничего», то все, что ты получишь, будет «ничего». Я покончил с «ничего», я хотел «что-то». Нет. Я хотел *все*.

ИЗАБЕЛ •

Всего через сорок пять минут Коул снова мне позвонил. Я только начала преодолевать последнее снижение к Дому Разрушения.

— Я подумал о твоих планах на вечер, — сказал Коул, — и, как мне кажется, они, на самом деле, не достаточно хороши для Сильвии. Софии? София.

— Вижу, ты хорошо ее знаешь. Как это они не достаточно хороши для нее?

Я повернула внедорожник на подъездную дорожку. Я не посмотрела в зеркало. Поначалу я ехала правильно, но теперь, если я задавлю бабушек, животных или детей, это будет их вина. Справедливое предупреждение.

— Как это... о, смотри, ты сказала точно по тексту. Потому что они не включают меня.

— И каков, собственно, твой великий план, включающий тебя?

— Все планы, включающие меня, — великие. Но этот будет сюрпризом, и тебе следует взять Сильв... Софию, свитер и, возможно, несколько кубиков сыра на палочках.

— Я не люблю «та-да», — мое сердце уже забилося чаще. Именно то, чего я хотела избежать.

— Это не «та-да». Это великий план. О, еще там будут двое других людей. Но один из них похож на Софию, потому что жизнь — страшная штука, а другой похож на тебя. Примерно. Только вместо сарказма у него религия.

— Коул...

— Не забудь сыр.

Часом позже я стояла с Софией и кучей мертвых людей. Великий план Коула включал встречу с ним на кладбище «Голливуд навсегда» у мемориала Джонни Рамону. Он — Коул, а не Джонни — выглядел свежим и манящим в простой белой футболке и очень дорогих джинсах. Он взял двоих не-мертвых людей: Джереми и мужчину, которого звали Леон. Последний годился мне в отцы и был одет в очень милые брюки и аккуратную куртку с закатанными рукавами. Возможно, менеджер? Джереми, между тем, выглядел более похожим на хиппи и менее узнаваемым в лицо.

София была не очень рада пребыванию на кладбище. Как и Леон. Оба явно были слишком вежливы, чтобы сказать это вслух.

Меня это ничуть не беспокоило, потому что:

— люди здесь были давно мертвы, и им нельзя было помочь;

— я не знала никого из них, включая Джонни Рамона;

— требовалось довольно много усилий, чтобы не думать, когда выдастся следующая возможность поцеловаться с Коулом.

Также, кладбище было не очень жутким. Солнце сияло розовым на закате позади высоких пальм и белых мавзолеев. Смутно веселые надгробья расположились вокруг прекрасных озер. И там были павлины. Трудно было покрыться мурашками от жути в присутствии павлинов.

Плюс там было множество тысяч живых людей, сидящих на покрывалах между могилами.

— Я хотел бы послать открытку фламинго, который умер для твоего пальто, — сказал

мне Коул, — потому что это большой труд — быть одеждой. Я хотел бы взять все, что не покрыто им, в свой рот.

Это было слишком. Это был небольшой розовый пиджак (и это был мех, а не перья). Его глаза сказали все, чего не сказал он. Я не была уверена, что мое лицо не говорило то же самое ему.

Я никогда не собиралась воплотить это в жизнь до сегодняшнего вечера.

— Не при детях, — сказал Джереми.

Коул протянул мне свои солнцезащитные очки. Я надела их и посмотрела на него через них. Не было и следа его улыбки шоумена этим вечером или, возможно, эти очки были запрограммированы редактировать ее. Он просто выглядел... красивым, веселым и как будто занимался сексом со мной прямо там.

Помогите.

Но рядом была лишь я, чтобы помочь мне.

Он переключил свое внимание на Софию.

— В этой штуковине сыр? — спросил он ее, махнув рукой на корзинку для пикника, что она держала. К этому моменту она еще ничего не сказала, ее мозг был перегружен присутствием множества других особей ее вида. Сейчас это было слишком — спрашивать ее о сыре. Она посмотрела на него круглыми глазами.

— Только сэндвичи, — выдавила она. А потом немного громче, — Разные виды сэндвичей.

Это были не просто сэндвичи. Потому что это была София, это была современная корзинка с крышкой, из которой заманчиво выглядывало полосатое одеяло для пикника. Он был готов для журнального распространения: *План вашего идеального пикника! Просто добавьте друзей!*

— Я хочу клавиши на своем надгробии, — заметил Коул, переключив свое внимание на статую Джонни Рамона, играющего на электрогитаре. Он притронулся к лицу Джонни, что казалось кощунственным.

— Джереми, что бы ты хотел на своем?

Джереми глазел на надпись Роба Зомби сбоку мемориала: *Отменный панк и верный друг.*

— Я хочу быть кремированным. Какая будет польза от этого тела, когда я уже буду на пути к следующему?

— Конечно, — сказал Коул. — Я собираюсь превратить тебя в чучело, в любом случае. Изабел? Что насчет тебя? Пулемет, пожалуй, или диадема?

Я не могла улыбнуться, потому что текущая игра принуждала меня не улыбаться. Но мне понравилась его версия. Я ответила:

— Оба.

— Леон? — сказал Коул.

Леон был слишком добр для этого, могу сказать. Он был серьезным и доброжелательным мужчиной, который никогда не даст вам знать, что вы обидели его, что заставляло меня чувствовать себя обязанной не обижать его. Но он хотел угодить Коулу, потому что каждый хотел либо удовлетворить Коула, либо убить его, так что он ответил:

— Однажды я видел могилу с ангелом на ней, и, думаю, ее голова была как-то так, — он опустил подбородок — она улыбалась. Немного. Это было мило. Я хотел бы такую.

— Я могу это устроить, — сказал Коул.

София осознала за секунду до того, как ее спросили, что она была следующей на очереди в этом вопросе. Ее глаза наполнились страданием.

— Это мерзко, — вставила она сладким голосом, слышным только внимательным собакам. К счастью для нее, Коул был внимательной собакой.

— Смерть не мерзкая, — сказал он. — Все остальное — да.

— Не думаю, что это самая приятная тема для разговора, — сказала София более храбро. — Есть так много хороших вещей, о которых можно поговорить.

— Действительно, — Коул согласился, к моему облегчению. Он схватил Леона за руку и указал. — Там. Леон. Вон там. Это фото дня.

Леон послушно вытащил телефон со штанов и направил туда, куда указывал Коул: пальмы, все наклоненные вправо, выделялись на фоне знаменито-розового неба за белым мавзолеем.

— Я сделаю фото своим мозгом, — сказал Джереми.

Карта памяти моего мозга была заполнена. Мне надо было удалить старое фото более простого заката в Сан-Диего, чтобы сделать фото этого.

Когда группа взрослых женщин остановилась возле нас, смеясь и звеня бутылками вина, я спросила:

— Каков твой план здесь, Коул?

— Вообще-то, — ответил Коул, — это план Леона.

На это Леон скромно взглянул:

— Я читал об этом на выходных.

Коул согласился:

— Место, где случаются новости. Видимо, они собираются проецировать фильм на другой стороне того мавзолея, — он жестом указал на фон фотографии, — и мы сядем вот так, — он скрестил пальцы на обеих руках, — и посмотрим его.

Белый мавзолей, на который он указал был массивным и безликим, идеально для проекции фильма.

— Какой фильм?

Коул подался вперед, выглядя осведомленным. Желание охватило меня.

— *«Красавица и Чудовище»*.

Он ухмыльнулся. Это не был *«Красавица и Чудовище»* на самом деле.

Я прищурилась.

— Мне не нравится, когда ты зовешь меня чудовищем.

Усмешка Коула была такой замечательной, что это причиняло боль.

Леон вмешался:

— Ребята, может нам стоит найти место, чтобы сесть?

Как только Коул направился вперед вместе с Джереми, София повисла у меня на локте. Она зашептала:

— Ах, Изабел, он такой *красивый*.

Только из ее уст это прозвучало как *«ужасный»*.

Впереди, парни нашли место без кучи высоких людей, закрывающих обзор. София расстелила одеяло и подала каждому сэндвичи, что меня раздражало, но другие не знали, говорить ей или нет. Я смотрела, как она ест, очень медленно и тщательно, отрывая маленькие кусочки так, что она не сделала бы это неправильно, открыв рот. От этого мне хотелось пнуть что-то. Разве она не видела, что остальных не заботило, как она жевала? Как

все они готовы были ее полюбить до того, как она протянула им сэндвичи?

Я ожидала (боялась?) увидеть там какой-то алкоголь, но, оказалось, что Джереми был до ужаса буддистом, а Леон бросил пить пять лет назад, Коул тоже воздержался, а мы с Софией были нами.

Коул, сидя рядом со мной, положил свою руку мне на спину, под пиджак. Его пальцы хотели меня и больше ничего. Я безусловно умирала.

— Дать тебе мой жакет? — Леон спросил Софию.

— О, нет, нет, я в порядке, — сказала София, несмотря на то, что совершенно замерзла и Леон сказал это строго по-отечески. Наверное, она даже не помнила, что значит «по-отечески».

— София, — сказала я, убирая сэндвич ото рта. Края хлеба были в красных следах от моей помады. — Если ты не возьмешь жакет этого мужчины, я собираюсь поджечь что-то.

Коул сразу же оживился.

Джереми медленно поднял голову:

— Нет, чувак. Не здесь.

Он сказал это с таким ленивым, приглушенным юмором, что вдруг стало очевидно, что они были в одной группе. Что он, в любом случае, знал Коула с той стороны, с которой не знали фанатки.

Я ожидала почувствовать ревность, но это было больше похоже, как если бы я нашла еще одного члена клуба выживших.

София взяла жакет.

Фильм начался. Это оказался *«Выходной день Ферриса Бьюллера»*, который мы все видели.

В один момент я посмотрела на Коула, а он просто... смотрел на меня. Его глаза сузились, как будто он пытался что-то понять по моему лицу. Его оттеняли последние лучи розового неба и высокие, склонившиеся пальмы. Было невозможно думать, что не Калифорния сделала его, потому что он выглядел так, будто появился здесь из-под земли вместе с пальмами и павлинами, и мемориалом Джонни Рамона, играющего на своей гитаре.

Он не отвел взгляд.

Боже, я так сильно хотела его поцеловать.

Мне хотелось остаться с ним наедине.

Но здесь была София, которая нуждалась во мне, и Леон, который казался водителем и парой Коула, и Джереми, который — ладно, я не знала, кем был Джереми. Казалось, он мог справиться и сам.

Посреди фильма София извинилась и ушла в туалет. Ее не было так долго, что я со вздохом заставила себя подняться на ноги:

— Я просто схожу ее проверить.

Я нашла ее в одном из мавзолеев. Широкий проход вел меня под высоким, куполообразным стеклянным потолком. По обе стороны от меня стены размером с небоскреб были разделены на квадраты, похожие на почтовые ящики. Небольшие урны были прикреплены по бокам от них, потому что, на самом деле, это были ящики с мертвыми людьми.

София бесшумно плакала рядом с урной, пиджак Леона все еще был у нее на плечах. Мои каблуки застучали по полу, когда я двинулась к ней.

— Взрослые так не делают, — сказала я ей.

Она повернулась и шмыгнула носом:

— Я не взрослая.

— Что еще произошло?

— Я не знаю, что говорить людям.

— Это фильм. Мы ни о чем не говорим.

— Но мы будем разговаривать. Я не буду знать, что сказать.

Я не знала, как решить гипотетическую проблему, которую я бы с трудом поняла, даже если бы она не была гипотетической.

Что означало, что это заняло некоторое время, в течение которого София росла более грустной, а я росла более злой и думала больше о мертвых людях и о том, как мой брат оказался одним из них, похороненный в яме, вместо белой коробочки в Калифорнии.

— Эй, — сказал голос за моей спиной. Противореча всем фактам и причинам, это оказался Джереми. Он выглядел очень дружелюбным и сгорбившимся, пока заправлял прядь волос за свое ухо. — Это я. Я пришел убедиться, что с вами все хорошо.

— О, она... — *разочаровалась в жизни.*

Его присутствие окончательно добило ее.

— Сейчас я вообще все испортила! — простонала она.

— *Вовсе нет.* — огрызнулась я.

— Ох, эй, нет, — сказал Джереми плавно. — Коул всего лишь на встрече с Леоном, у них старые добрые времена. И...эй, эй, а ты не против, если я попробую кое-что сделать? Я научился этому...

Он прошел мимо меня, чтобы подойти к ней. Что-то в его выражении выглядело приятнее, чем в моем, потому что она сглотнула последние слезы и встретила с ним взглядом.

— Ты всего лишь перегружена, да? — спросил Джереми. Он жестикулировал, пока говорил. У него были очень длинные пальцы. Пальцы басиста. Он начал стучать по своей грудной клетке одной рукой, а другой взял ее запястье, заставляя ее имитировать этот жест на себе. — Постучи здесь и просто скажи что-то вместе со мной. Просто скажи, типа «Все мы здесь классные. Им нравится моя улыбка».

Какого черта.

София послала ему смущенную улыбку.

Какого черта.

— Теперь стучи здесь, — сказал Джереми и начал стучать себе по подбородку. Я ожидала, что София откажется, — я должна была — но она сделала, как он. — И скажи «Все мы здесь классные. Они думают, что я милая».

В третий раз. Какого. Черта.

— О боже, — сказала я. — Это действительно происходит?

— Изабел, — сказал Джереми мягко, — это позитивное пространство.

София подавила испуганный и слезливый смешок. Я округлила глаза.

— И долго это продлится?

— Вечность — это долго? — спросил Джереми.

— О госп...

Он усмехнулся.

— Я прикалываюсь. Это займет пять-десять минут.

Я указала наружу:

— Я буду там. Все нормально, София?

Она была в порядке. Конечно. Воображаемые существа всегда рады другим воображаемым существам.

Я прошла всего несколько ярдов в темноте, когда Коул появился прямо передо мной. Его глаза были голодными.

— Изабел...

У меня было достаточно времени только на то, чтобы почувствовать, как его пальцы схватили мою руку, потянув в сторону, и тогда мы оказались с другой стороны мавзолея и поцеловались. Это произошло так мгновенно, что-то, чего я хотела так сильно, что было невозможно понять, он это начал или я. Все в моей голове превратилось в кашу, кроме его улыбки, его тела, его пальцев, сжимающих мое плечо, другой руки, что задрала мою юбку. Его рука на моем бедре была вопросом; мои руки, притягивающие его ближе, были ответом.

Было недостаточно темно, чтобы скрыть нас, София могла выйти с Джереми и увидеть нас, я не должна была позволить зайти слишком далеко.

Это было не важно.

Я хотела его.

Фонарик осветил наши лица. Предупреждение.

— Эй, ребята, — сказал парень. Обычный охранник. — Снимите комнату.

Коул перестал целовать меня, но не дал уйти.

— Ага, — сказал он, сверкнув напряженной улыбкой уходящему охраннику. Затем прошептал мне на ухо, языком и зубами:

— Возвращайся со мной.

Сердце упало в пятки, колени подкосились. Я знала, что он имел в виду, но сказала:

— Я как раз возвращалась.

— Я не об этом, — сказал Коул, — Не об этом. После. Возвращайся со мной.

Он говорил о объятьях. Он говорил о сексе.

Я сказала:

— Мне нужно доставить Софию домой.

— Я подброшу тебя, — сказал Коул.

Мое тело застучало в ответ вместо меня. Я попыталась мыслить разумно.

— Как я доберусь домой?

— Домой? — эхом повторил Коул, как будто понятия не имел, что оно значило. — Останься. Я отвезу тебя обратно утром. Изабел...

— *Останься!* — зашептала я, неожиданно горячо. Это было не то «останься», которого я боялась. Это то, которое могло мне *понравиться*, и что случится потом, когда одному из нас надоест другой? Я видела достаточно такой борьбы в Доме Страданий, чтобы понять, что не хочу этого. Два дня назад его здесь не было, а теперь он хотел, чтобы я провела с ним ночь. Может он и колоссальная рок-звезда, поимевшая тонну девушек, но я была обычной экс-католичкой, которая добиралась к третьей основе несколько раз.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я сказал тебе, — сказал он. — Ужин. Десерт. Секс. Жизнь.

Слышать это было немного обидно, из-за того, как сильно я *хотела* верить в это, и насколько я *реально* верила. Я сказала ему:

— Ты сказал это потому, что думаешь, что выглядишь хорошо, говоря это.

Коул пренебрежительно фыркнул:

— Да, но я также подразумеваю это.

Я убрала его руку со своей задницы, так что могла соображать лучше.

— Помедленнее, Коул.

Он шумно и драматично вздохнул. Затем он опустил свою голову мне на плечо, дыша мне в ключицу. Впервые, не двигаясь, не нуждаясь, не спрашивая, не делая ничего. Просто удерживая меня, и позволяя мне удерживать его.

Это было самой потрясающей вещью.

Это не был вопрос. Это было утверждение.

И это было то, чего я больше всего боялась: Коул Сен-Клер влюблялся в меня, и я влюблялась в него, мы оба — человеческое оружие, и оба в итоге окажемся с разбитыми сердцами.

КОУЛ •

Изабел не ушла со мной, а это означало, что я остался в квартире один, гигантская луна наблюдала за мной через стеклянную дверь. Я хотел ее так сильно, что не мог думать. Было бесчисленное количество минут между сейчас и утром.

Я посмотрел на клавиши, и они посмотрели в ответ. Никто из нас не был заинтересован в другом.

На кухне, я исследовал камеры, прикрепленные к краю столешницы, направленные в пол. Я присел рядом с одной и сказал: «Привет. Я — Коул Сен-Клер. И это мой инструмент.» Я выпрямился и покрутил бедрами напротив нее минуту-две. Камера не была подходящим зрителем.

Я взобрался на столешницу, чтобы проверить, смогу ли достать до потолка. Я смог. Я пнул тостер на пол, чтобы послушать, какой звук он издаст. Не очень.

Утро все еще не наступило.

Я не мог понять устойчивость Изабел к моей неотразимости.

Единственное, что помогало мне выдержать это яростное желание, — то, что где-то там Изабел хотела меня так же. Мне хотелось позвонить ей и узнать, так ли это, но даже я понимал, что такой звонок — нарушение всех условий, которые она мне поставила.

У кровати было слишком много глаз, так что рухнул на одно из кресел в гостиной и перебирал фенечки на руке, пока не уснул. Мне приснилось, что я бодрствовал в кресле, которое пахло, как старая вода океана, и я проснулся в одиночестве с растяжением мышц в шее и со все еще светящей мне в лицо луной. Мое сердце и легкие все еще съедали меня изнутри, так что я взял свои вещи и пошел на крышу.

Эта поздно-ранняя ночь-утро в Лос-Анджелесе была холодной и фиолетовой. Луна была уходящей, но все еще достаточно близкой, чтобы напоминать открытый глаз. Я слышал смех людей в баре через несколько улиц.

Я бродил по крыше, водя пальцами по перилам, по краю мебели и по лимонным деревьям в горшках. Там не было камер и это было почти самое высокое здание Вениса; все, что я мог видеть — остальные крыши. Соседская крыша пустовала; весь дом, думаю, — тоже. Арендный. И крыша на другой стороне, еле видимая в темноте, тоже была пустой.

Безопасно. Возможно. Она была открытой, так что, технически, не была пуленепробиваемой. Но она была достаточно близко. Данный риск был не очень велик для меня, чтобы хотя бы притвориться, что я волновался. Я хотел уйти на пять, семь или двенадцать минут.

Я сделал укол, сглотнул и стал ждать.

Когда я был волком, пространство чувствовалось меньше. Мои чувства расплылись на фрагменты. Я помнил человека с бешеным пульсом, и я видел мир его глазами, выше. Но вскоре я забыл его. Я шагнул с края прямо в пространство, заключенный высоко над шумным миром внизу. Листья лимонных деревьев что-то тихо шептали мне. Запах еды поблизости был горячим и сладким. Над моей головой шумно пересекла небо падающая звезда.

Я подошел к краю — песок скрипел под лапами — и взглянул вниз. Слишком далеко для прыжка. Но мир притягивал меня к себе. Я разочарованно присвистнул.

Все в этом месте звало меня, но я был в ловушке.

Я вернулся в мое человеческое тело за декоративными горшками с лимонными деревьями. Лежа на спине, я смотрел вверх сквозь листья пленного фруктового дерева. Мои мысли и воспоминания медленно вновь собирались в кучу.

Даже в облике волка я хотел большего.

КОУЛ •

Есть вещи, которые никогда не стареют: первое слово, сказанное в микрофон студии звукозаписи, первый корявый отрывок песни, первый раз на радио.

И есть вещи, которые стареют: я.

Какая бы то ни было часть меня, способная работать всю ночь или типа того раньше, очевидно, осталась позади где-то в моей бурно проведенной юности, или просто в Миннесоте. Я спал, пока солнце не взошло высоко, а после обнаружил, что у меня нет ничего на завтрак, кроме сумки от пончиков, полной скучающих муравьев. Я явно не мог работать в таких условиях, так что пешком отправился на охоту/собирательство (лирическая возможность? Надо записать в блокнот) (*собирательство/охота* более интересны, когда этого не ожидаешь).

(*Я собираю/ты охотишься/ мы оба в ловушке*)

К тому времени, как я вернулся в квартиру, солнце было еще выше, а меня ждала Бейби.

Она сидела в одном из двух белых виниловых кресел в недо-зоне-отдыха, снова работая на своем айпаде. Когда я открыл раздвижную дверь, она подняла глаза.

— Ты должен был работать.

Я задвинул дверь локтем.

— Я работал.

— Что у тебя там?

Я взглянул на свои руки. Я не мог вспомнить все, что там было.

— Ерунда. Для кое-чего. Для. Работы.

Она наблюдала, как я освобождаю руки на столе у ее кресла: небольшая плетенная корзина, которая интригующе потрескивала, и, вероятно, будет потрескивать еще лучше в микрофон, фальшивые канделябры из слоновой кости, грубая гавайская футболка на несколько размеров больше и небольшая фиолетовая статуя Будды в качестве подарка к возвращению Джереми.

— Это не «Холостяк», — сказала она мне. — У меня нет денег, чтобы следить за тобой. Так что ты собираешься сделать что-то интересное, пока мои камеры тут. Или позвони мне, когда вот-вот сделаешь что-то. Кстати, ты ранил мои чувства, выгнав музыкантов, которых я подобрала специально для тебя.

Я направился к клавишам. Это был «Дэйв Смит». Возможно, мой «Дэйв Смит». Я не знал, были ли он изъят или как, после того, как меня объявили мертвым/пропавшим/оборотнем (лирическая возможность?) (тоже «на заметку») (другое слово вместо «оборотень»?) (*зверь*) (*единорог*) (*суицид*) (записать в блокнот?) (ничего стоящего).

Я вытащил свой блокнот и записал «*ничего стоящего*» туда.

— Коул.

— Что? А. Мне не нужен был гитарист, а басист был абсолютно не тем.

Бейби нажала что-то в своем айпаде.

— На секундочку, его выбрали пользователи на форуме шоу еще до того, как ты попал сюда. Они знали его по имени. Они были привлечены таким образом.

Я предпочитал, чтобы мои слушатели были вовлечены следующим образом: купи альбом, приходи на мои концерты, знай все слова.

Я включил клавиши. Свет вспыхнул на всем синтезаторе. На мгновение я задержал палец на одном из регуляторов. Просто чтобы почувствовать на что это похоже снова. Это было так давно. Если подумать, хронологически, я провел больше времени играя на клавишах в туре, чем дома. Это были те ранние дни, которые я вспоминал сейчас. Мой первый синтезатор, моя спальня, утреннее солнце на клавишах, фотографии на телефоне отключены настройками, песни, напеваемые с закрытыми глазами. Как будто «Наркотики» никогда и не было.

— Достань свой телефон, — сказала Бейби, — и перезвони ему. Скажи ему, что совершил ошибку.

Я даже не потрудился повернуться:

— Нет.

— Это не обсуждается.

У меня внутри все кипело, но я сохранял безэмоциональность на лице и равнодушие в голосе:

— Хороший альбом обсуждается?

Ответа не последовало.

— Им не понравилась первая серия? — я знал, что понравилась. — Им не понравился Джереми?

— Это шоу не должно было стать воссоединением «Наркотики». Собирается ли Виктор появиться из ниоткуда?

Я чувствовал, как песня во мне обрывается.

— Я могу полностью гарантировать, что это не произойдет.

После меня повисла очень долгая пауза. Я слышал, как Бейби печатает что-то в своей электронной жизни, в то время, как я щелкнул по динамику и сосредоточился на создании самой большой, жирной, подлой мелодии на синтезаторе, которую эта квартира когда-либо слышала.

Аккорды росли и росли, пока я представлял обложку альбома, число треков сзади и чувство, когда выпускаешь его в мир провалится или взлететь — только они всегда взлетали; лишь я провалился, — и думал, что в мире я мог бы называть собой, если бы не назывался «Наркотикой».

В конце концов, Бейби сказала (громко, чтобы быть услышанной через самую большую, жирную, подлую мелодию на синтезаторе, которую эта квартира когда-либо слышала):

— Дело вот в чем. Ты не собираешься вернуть Чипа?

Я упустил аккорд от неожиданности. Песня понемногу утихла.

— Кто такой, к черту, Чип? А. Нет. Я останусь с Джереми.

— Тогда дело вот в чем, — сказала она снова. — Теперь это твое.

Я повернулся. В ее вытянутой руке был телефон.

— Что это?

Она не ответила, пока я нехотя не взял его.

— Твой новый рабочий телефон. Я просто зарегистрировала тебя во всех социальных сетях в Интернете. И сказала миру, что ты собираешься заняться всем этим лично. Ты хочешь командовать группой? Тогда тебе придется делать в два раза больше работы для этого.

Я уставился на телефон у себя в руке.

— Ты убиваешь меня.

— Ты узнаешь, если я буду тебя убивать.

Я застонал.

— Вот не надо, — сказала Бейби, вставая. — Не делай вид, что я — твой тюремщик. Потому что мы оба хотим одного и того же. Это шоу удалось — я делаю еще одно. Это шоу удалось — тебе не приходится гастролировать остаток своей жизни. Так что берись за работу и не забудь, что ваше время в студии заказано сегодня после обеда.

Я взялся за работу.

Потому что она была права.

ИЗАБЕЛ •

— Какой следующий прием пищи? — спросил меня Коул.

— Ланч, — я ответила. Я глянула на дверь класса, чтобы убедиться, что она закрыта, пока шла в направлении женского туалета. Поход в туалет был единственным поводом уйти из курса для сертифицированных помощников медсестры, факт, который, казалось, волновал только меня. Другие студенты в классе, казалось, добросовестно занимались, их мотив я могла себе объяснить только тем, что они не прочитали учебник достаточно внимательно, так что должны были записывать об увольнении работников во время занятий.

В любом случае, номера Коула на экране моего вибрирующего телефона было более, чем достаточно, чтобы заставить меня использовать вариант с туалетом. В коридоре я попыталась дышать через рот. Определенно, нужна храбрость, чтобы пойти в другую среднюю школу после того, как закончил свою собственную. Запах в коридоре вызывал самые разнообразные чувства, любое из которых было бы хорошей темой для сеанса терапии.

Коул сказал:

— Скажи, что хочешь меня.

Я зашла в туалет.

— У меня очень короткий перерыв на ланч.

— Я забыл, что ты на учебе. Научи меня чему-то, о чем только что узнала.

— Мы работаем над профессиональной вежливостью. Оказывается, неважно, насколько вы дружны с клиентом, ты все равно не должен называть его «милая/милый».

— Ты собираешься стать великим С-М-П. С-П-М. Правильно? Хотя, ты и так хороша С-М-П.

Мое отражение в зеркале улыбнулось. Оно выглядело злобным и счастливым.

— Врачом, — ответила я. — Я хожу в медицинскую школу. Это просто необходимое зло, — хотя, это было не совсем так. Я, наверное, могла попасть в нормальную подготовительную программу и без него. Но я не хотела нормальную. В такой не было много смысла.

— Приезжай за мной, — сказал Коул жалобно. — На своей машине. Моя заставляет меня выглядеть, как лузер.

— Это не твоя машина, — сказала я, и Коул подавил смешок.

— Я заберу тебя. Но в этот раз я сама выбираю место.

Я повесила трубку. Я не хотела возвращаться в класс. Я не хотела проходить свою практику в клинике на этой неделе. Я не хотела катать стариков вокруг и убирать что-либо, оставшееся под ними. Я не хотела слышать от своего инструктора, что должна улыбаться, когда представляюсь клиентам. Я не хотела надевать перчатки и не хотела испытывать это ужасное чувство руки-перчатки, после того, как сниму их. Я не хотела чувствовать, как будто я единственный человек на земле, который ненавидит людей.

Ты изучаешь этот курс.

Ты собираешься стать врачом.

Это жизнь.

В зеркале я выглядела сурово и не к месту у потертой двери в кабинку. Я не была уверена, на самом деле ли я так выглядела, или это просто из-за того, как я стояла с крепко прижатыми локтями, чтобы случайно не прикоснуться к чему-то в этой комнате. Таково было правило: ничего не должно прикоснуться ко мне.

Я не знала, почему продолжала позволять Коулу нарушать его.

Часом позже мы с Коулом направлялись на ланч в одно неприметное лос-анджелесское местечко.

Я не была уверена, почему люди все еще получают похвалу за то, что находят неприметные местечка, чтобы поесть. Друзья или твои родители берут тебя и твою мать в какое-то небольшое местечко, где делают великолепные омлеты или типа того, и они гордятся, как будто сами изобрели эти омлеты, а твоя мать вся такая: «Как ты только нашел это место?!». Я могла ответить: Интернет. Пять минут, индекс, и беглый доступ в Интернет могут гарантированно открыть любому секреты кулинарных глубинок.

Меня бесило, когда люди называли здравый смысл магией. Потому что если это считалось, то я была самым магическим существом, которое знала.

Я взяла Коула в место, которое я нашла при помощи своих магических сил, миниатюрная кондитерская, мимо которой легко было пройти, если ты не знаешь, куда именно направляешься. Снаружи фасад был окрашен в глубокий фиолетовый. Внутри был Л.А. во всей красе. Худышки ели в зале с бетонным полом, бледными белыми стенами и скамейками из термообработанной древесины. В воздухе витал аромат кофе и масла. Место раздачи было крошечным и странным: кулер с интересными напитками, меню на доске, выбор пирогов полон изысков. Я уже перепробовала их все: от бархатистых цитрусовых тарталеток до шоколадных пирогов с соленой карамельной крошкой.

Это было так далеко от грязного кабинета старшей школы, где я начала свой день, что казалось, либо то, либо другое не должно быть реальным.

Мы стояли в очереди. Я продолжала думать о себе, стоящей близко к Коулу, настолько близко, что мои лопатки упирались в его грудь, и тогда я осознала, что мы оба вдыхаем и выдыхаем в одно и то же время.

Я не хотела возвращаться. Я хотела остаться здесь с ним. Или взять его с собой. Иногда я так чертовски уставала от одиночества...

Я неожиданно почувствовала себя странно и неприятно слезливой.

Я сделала осознанный шаг в сторону. Без моего тела в качестве якоря, Коул беспокойно повернулся к кулеру с напитками, а потом к полкам с товарами, потом снова к кулеру, а потом снова к полкам.

— На самом деле, я не сладкоежка.

Он теребил футболку, которую, я уже могла сказать, он хотел купить чисто из-за того, что на ней говорилось, что пирог напал на нее.

Я сказала:

— Не будь ублюдком.

— Тогда скажи мне, что взять. Яблоко? Это пирог.

— Заткнись. Я закажу за тебя. Вообще-то, ты меня жутко нервируешь. Иди и займи столик у входа.

— Йес, — ответил Коул и смылся.

Когда я вышла наружу, то нашла его за небольшим металлическим столом отчасти в тени, уставившегося в два телефона, которые он положил на столешницу. Там были два

других стола, один из которых был занят веселой, но очень уродливой женщиной и ее красивой, но очень похотливой маленькой собачкой. Третий столик занимал парень с камерой, которому я показала палец. Он ответил мне тем же с невинной улыбкой.

Я поставила кофе Коула перед ним и села рядом, повернувшись спиной к камере.

— Что ты заказала для меня? — спросил он, не отрывая глаз от гаджетов.

— Я не собираюсь говорить тебе. Я просто собираюсь удивить тебя, когда его вынесут. Это не яблоко. Для чего другой телефон?

Коул хмуро пояснил указ Бейби.

— Это не так уж плохо, — сказала я. — Так она хочет, чтобы ты общался со своими фанатами?

— Я не хочу говорить с ними, — сказал он. — Все они хотят поговорить о том, лишу ли я их девственности, напишу ли еще одну песню типа «Злодей» или приеду ли играть концерт в невероятно маленький городишко, в котором они живут. Ты положила сюда сахар?

— Нет. Это кофе для взрослых. Я сделала его для тебя по-взрослому. К тому же, тебе не нужно быть с ними один-на-один. Ты можешь просто информировать их об основном.

— Информировать их! Я был блестящим. Теперь я невероятен. Как утомительно это будет для них.

— О, это уже утомительно. Бейби знает, что я вне шоу, да?

Коул взглянул на камеру.

— По закону, она может использовать изображение твоего затылка, но не твое лицо. Все это, — он жестом показал на улицу — тут слишком громко, чтобы подобрать какой-то трек, но... хочешь зайти внутрь?

Я думала над тем, каким в некотором смысле черным удовольствием было анонимно пометить свою территорию, давая фанаткам знать, что у него уже кто-то есть. И мои волосы выглядели великолепно со спины.

— Нет, — ответила я. — Пей свой кофе.

Коул сделал еще глоток. Он поморщился. Я протянула пакетик сахара, который спрятала за своей чашкой, и он выхватил его. Пока он сыпал его в свой уже и без того идеальный латте, я взяла телефон Бейби. Он был довольно хорошим.

— Посмотри, как он лежит в руке, — Коул критично прищурился на телефон в моей ладони. — Он уважает тебя. Знаешь, ты могла бы быть Коулом Сен-Клером.

Я рассмеялась, немного жестче, чем было необходимо.

— Ох, я так не думаю. Эта позиция уже занята кем-то сверхквалифицированным.

— Я имею в виду, ты могла бы быть моим голосом. Попробуй. Скажи что-то.

Я послала ему уничтожающий взгляд. Но правда была в том, что, хоть Коул и был сложным существом, его личность была довольно предсказуема. Я открыла твиттер и напечатала: привет-привет-привет мир.

Я опубликовала пост.

Должна заметить, это было как-то увлекательно.

— Что я сказал? — спросил Коул.

Я показала ему.

— Я не использую пунктуацию, — сказал он. — Я также использую множество этих штук, — он согнул руки по обе стороны своего лица, чтобы продемонстрировать. — Скобки.

— Ты хоть прочитал это?

— Да. Я знаю. Я любовался этим. Позволь мне увидеть это снова. Да. Это великолепно.

идея. Это освободит мне время для всяческих шжук.

— Вроде валяния на полу и увольнения хороших людей?

— Эй, я не говорю презрительно о *твоей* работе. К тому же, я собираюсь идти в студию после обеда.

Я изучала его лицо, чтобы понять, что он чувствовал по этому поводу, но он находился перед камерой, так что его лицо было красивым и регулируемым, и зафиксировано оно было на проработанной, высокомерной релаксации.

— Ты можешь прийти, — сказал Коул. — И быть моим... как это называется? Голым человеком? Нет. Музой. Ты можешь быть моей музой.

Я подняла бровь.

— У меня урок. Возможно, если ты сделаешь все домашнее задание, я приду и дам тебе золотую звездочку.

— Ох, — сказал он. — Я тоже могу дать тебе одну. Я полностью взаимен.

— Ты так великодушен.

Коул раздвинул пальцы на восемь дюймов, потом передумал и изменил на десять.

Девушка из-за прилавка подошла с подносом.

— Вот ваш кл...

— *Ши...* — сказала я. — Это сюрприз. Для него, я имею в виду. Закрой глаза, Коул.

Коул закрыл глаза. Улыбаясь нам обоим, официантка поставила тарелки. Она оставила нас, но я заметила, что она ждала по другую сторону двери все с той же любезной, упреждающей улыбкой на лице. Было странно чувствовать себя причиной такого приятного выражения лица.

— Открой рот, — командовала я Коулу. Я трудилась над созданием того, что, как по мне, было небольшим кусочком клубничного пирога из муки грубого помола на вилке. Это заняло больше времени, чем я ожидала.

— Он открыт, — сказал Коул. — На случай, если ты не заметила.

— Так держать. Я не говорила тебе закрывать его.

Я просидела долгую минуту, наблюдая, как Коул ерзает, ожидая, что он потеряет терпение, и, ухмыляясь его закрытым глазам, смотрела на его шею, исчезающую за воротником футболки. Он подвинулся. Он водил глазами туда-сюда под закрытыми веками. Любому, кто захочет пытать Коула нужно будет только привязать его к стулу и больше ничего не делать. Он бы умолял, чтобы ему вырвали ногти на ногах ради разрешения развлекать себя.

— Калпепер, — наконец сказал Коул, и я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам от того, как он это произнес. — Я собираюсь открыть глаза.

— Нет, ты этого не сделаешь, — я положила кусочек ему в рот.

Он пожевал пирог некоторое время прежде, чем проглотил. Последовал громкий вздох.

— Пока не открывай, это еще не все, — сказала я. — Вердикт?

— *Мммм.*

— Готов к следующему?

— Он шоколадный?

Это был шоколадно-карамельный пирог с хрустящей корочкой и морской солью. Это была самая лучшая еда, если вы были в нужном настроении.

— Практически да.

— Только небольшой кусочек, — предупредил он.

— Хорошо. Я не очень-то и хочу делиться им с тобой, в любом случае.

Он послушно открыл рот, и я дала ему маленький кусочек карамели-политой-шоколадом. Я напредила:

— Глаза все еще закрыты.

Вкусая шоколад, он застонал еще громче.

— Этот, — сказал он, — будет тем, которым я с радостью позволю убить себя. Глаза все еще закрыты?

— Да, — сказала я. — Открой рот.

Я снова заставила его ждать, пока рассматривала линии его скул, его подбородок и брови, все это было настолько целеустремленным, и ослепительным, и уместным в этом сгустке целеустремленности и ослепительности. Затем я наклонилась через стол и поцеловала его открытый рот. На вкус он все еще был как карамель. Я услышала, как он замычал, звук вибрировал на моих губах, а потом он положил свою руку мне на шею и поцеловал в ответ, ревностно и уверенно.

Мое сердце готово было разорваться от переполнявших чувств. Ему не было знакомо, каково это — качать кровь, а не лед.

Я села на место. Коул вытер помаду салфеткой. Я ждала, пока мой пульс вернется в норму.

Я сказала:

— Также, у меня есть это.

Я кинула ему футболку с пирогом-убийцей.

Коул застонал в третий раз, как будто этот вкус был его любимым. Он потерял щекой о футболку. Затем он взял вилку и съел свой пирог в два укуса.

Я ела свой дольше, во-первых, потому, что жевала, а, во-вторых, потому, что исследовала его новый телефон, пока ела. Я открывала всевозможные приложения, все они были на имя Коула.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я стала твоим онлайн?

Коул улыбнулся. Своей настоящей улыбкой.

— Я доверяю тебе.

КОУЛ •

К тому времени, как я добрался до студии со свитой операторов, я уже отправил музыкальные концепции Джереми и Лейле и продумал, какой должна быть серия. Я понял, что, до тех пор, пока я делал их интересными, Бейби не попытается сделать что-то неприятное.

Сайт www.sharpt33th.com работал таким образом: каждый «сезон» длился шесть недель, и, в большинстве, было шесть-девять серий, которые могут появиться в любое время. Это не казалось самым логическим способом выпуска шоу, но так было до того, как я прибыл, и я полагал, что шоу будет работать таким образом и после того, как я уйду. Бейби получила мощную аудиторию при помощи приложения «SharpT33th» для разных девайсов, и эти зрители были вознаграждены за свою преданность тем, что первыми узнавали о новых нерегулярных сериях. Идея была в том, что, когда объект разрушений Бейби делал что-то гениальное, это незамедлительно выкладывали в Интернет, и если ты пользовался своим телефоном, то мог стать первым, кто узнает. После первой взрывной публикации в сети серии добавляли в архив, и их мог посмотреть кто угодно и когда угодно. Идеально было раз в неделю, но в моем контракте указано, что меня могут привлекать два раза в неделю «если материал и спрос будут оправданы».

Эти дополнительные эпизоды обычно появлялись, когда ее объект опускался на дно.

Я не собирался этого делать.

Студия звукозаписи, тесная, серая и бездушная, была непривычной для меня, но хорошо знакома Лейле, которая, когда мы приехали, пожала руку звукооператору и сразу полезла искать чайный гриб в холодильнике. Джоан и Ти притаились со своими камерами.

— Привет, чел, — сказал звукооператор. Я — Данте. Как оно?

Мы с Джереми обменялись взглядами.

— Бывало и лучше, — ответил я. — Сколько у нас времени?

Что Лейла, что Данте выглядели оскорбленными тем, что разговор сразу пошел о делах, но правда была такова: студии делали меня беспокойным. Я не говорил, что мне там не нравилось; просто, когда я занимаюсь музыкой, всегда наступает дедлайн. Не имело значения, сколько времени было у «Наркотики»; в конце всегда получался новый альбом, втиснутый в определенное количество часов, проведенных в студии, до того, как мне было назначено снова возвращаться в тур. Времени никогда не хватало на то, чтобы сделать песни такими, как я хотел. Ничто никогда не выливалось в катастрофу, но было близко. Достаточно близко, чтобы я никогда не забыл, каковы были ставки.

Также, в студии было жутко холодно. Как системный тест для моих натянутых волчьих нервов.

— Вы хотите, это, ну типа, ознакомиться с оборудованием? — спросил Данте. — Я имею в виду...

— Чего я хотел бы, — сказал я, — так это положить свою аппаратуру, и чтобы те двое там начали подключаться к вашему оборудованию, пока ты открываешь свою страницу в Википедии, чтобы я мог понять, с кем ты уже записывался и увидеть, станем мы лучшими друзьями или смертельными врагами в конце сессии.

Данте посмотрел на меня. Лейла посмотрела на меня. Камеры посмотрели на меня. Джереми поставил свой кейс на пол и открыл защелки, чтобы достать свой бас.

Никто не двигался.

Джереми поднял взгляд. Он любезно и очень удивленно произнес:

— Оу. Вы не знали? Коул не говорит по пустякам.

Иногда я мог быть мудаком. Иногда мне было плевать.

Все принялись делать то, что я сказал.

— Также, — добавил я, — можно ли сделать это место более теплым? Я не чувствую свои чертовы пальцы.

Джереми встал и поправил ремень своей бас-гитары. Он сыграл монотонный риф и остановился, чтобы настроить.

— Прямо как в старые времена.

— Почти, — сказал я. Я не говорил о *Викторе*, но думал об этом. Мои глаза были устремлены на Лейлу, пока она возилась с барабанной установкой.

— Какую из тех штук мы делаем? — спросил Джереми. Он имел в виду файлы, которые я отправил. — Я побаловался с некоторыми из них.

— Какие ты прочувствовал?

Джереми взглянул на камеры. Они в ответ взглянули на меня. Он спросил низким, повседневным голосом:

— В зависимости. Каким способом?

Боже, я любил умных людей.

— Особые гости, — сказал я, поворачивая свой телефон, чтобы он мог увидеть.

— Мда, шумно, — подытожил Джереми. — Ладно, этот третий файл. Надо делать так?

Он сыграл небольшой отрывок, чтобы я мог понять, какой именно он имеет в виду.

— Слышишь это? — сказал я Лейле, которая подняла взгляд с отвращением на лице. — Работаем с этим. Надевай свою мыслительную кепку.

Я не знал, надевалась ли мыслительная кепка поверх ее дредов.

— Коул? — Девид... Дерек... Деймон... Данте? спросил сверху, его голос доносился отовсюду. За стеклянной панелью я видел, как он двигался позади массы панелей и компьютерных мониторов. — Ребята, вы там слышите меня?

— Йес.

— Мои ребята надевают наушники. Дайте мне знать о громкости в ваших ушах, и потом я уравнию ее здесь. Мы все подключены. Какое рабочее название этого трека?

— Бензинная Любовь, — ответил я.

Данте напечатал это.

— Мило.

— Предсказуемо, — ответила Лейла из-за установки.

Я ощетинился.

— Нет ничего предсказуемого ни в бензине, ни в любви, дорогуша. Почему бы тебе не вернуться к плевать-что-будет-завтра состоянию?

Лейла пожала плечами и прошла по установке.

Было неплохо. Но...

Я хотел Виктора

Я хотел Виктора

Я хотел Виктора

Я дал себе подумать об этом всего секунду, а потом поежился и развернулся к своим клавишам. Опасения все еще терзали меня. Я думал об открытом рте Изабел на моем, возвращаясь обратно в кондитерскую.

Потом мы взялись за работу.

Запись в студии даже отдаленно не похожа на живую игру. В живой — все и сразу. Никаких поправок, никаких устранений проблем, просто пропуск через себя. В студии, если подумать, все складывалось в пазл. Было легче сначала записать концы, но иногда ты еще даже не мог сказать, каковы они будут. Иногда самой тяжелой частью было решить, какой трек сводить первым — какой трек станет фундаментом. Вокал? Но что если они не попадали в такт или выходили за рамки положенного? Потом барабаны. Но они оставляют тебя ни с чем, все равно будто ты начал все заново с нуля. Потом клавиши создавали аккорды и тон. Их, должно быть, будут перезаписывать, но это было хоть что-то.

Больше всего мне нравилось начинать и заканчивать самому, в любом случае.

Мы работали около часа, в течении которого я ненавидел Лейлу все больше. Не было ничего неправильного в ее игре. Она была нормальной. Но Виктор был лучшим музыкантом среди всех нас. Другие группы всегда пытались украсть его у нас. *Волшебные руки*. Лейла была просто человеком с барабанной установкой.

Насколько глупым я был, решив, что я могу просто прийти в студию с любыми другими музыкантами и выйти с чем-то, хоть отдаленно напоминающим «Наркотику». Не глупым. Самоуверенным. Я был «Наркотикой», но также Джереми и Виктор.

Через час «Бензинная любовь» больше звучала как «Скипидарное безразличие».

Я был в ужасном настроении к тому времени, как стали приходить мои гости.

— Я думал взять кофе, — сказал Леон, шагнув внутрь. Камеры шокировано повернулись к нему — беспомощные, потому что он не подписал соглашение и не собирался. — Но я подумал, что дети в это время, вероятно, пьют эти новомодные напитки вместо него.

Он протянул мне энергетик. Я необоснованно был рад увидеть его.

— Леон, я люблю тебя, — сказал я, принимая банку. — Женись на мне и сделай из меня лучшего человека.

— Оу, ладно, — сказал Леон. Он протянул еще одну Джереми, который покачал головой, но сказал:

— Все равно спасибо, чувак, — он привез свою банку зеленого чая.

Лейла шмыгнула носом и взяла свой чайный гриб.

— Кто это?

— Особые гости, — ответил я.

Она сказала без особого энтузиазма:

— Все гости — особые.

Вошли пассажиры Леона: двое копов из первой серии. В униформе. Один из них, как мне было известно, на самом деле закончил свое дежурство часом ранее, но согласился прийти в униформе, чтобы улучшить эффект от бомбы. Я не был идиотом. Я понимал, что никто не узнал бы их без униформы.

Я надеялся, что Безэйби впечатлила моя хитрость. Конечно, ей пришлось признать насколько невероятно блестяще было вызвать копов обратно. Мне правда хотелось попросить Леона участвовать в этом, но я знал, что он согласится, чтобы меня осчастливить, а потом возненавидит это, когда его узнают в продуктовом. Так что, я так и не попросил его, хотя, у меня в голове Леон видится великолепным периодическим персонажем в шоу.

Папа/брат/дядя/парень каждого.

Но мне хотелось, чтобы Леон был счастлив. Такова была миссия. Ну, одна из них.

Я обменялся любезностями с копами, просто вежливое вступление, типа спросить у них, прыгали ли они когда-то с парашютом или была ли у них лысая собака. Потом мы перешли к делу.

Фишка была в том, чтобы найти что-то для копов, что они смогут осуществить в студии без особых практических навыков. Конечно, один из них плоховато играл на басу, но это было не суждено обрезать для студийного трека. Хотя, они могли бы взять на себя перкуссию^[25]. Это будет мешать барабанам, но, вообще-то, все, что раздражало Лейлу, было бонусом.

Все копы сидели на хлопай-топай штуковинах, и оказалось, что девушка-полицейский (Дарла? Диана?) имела оперную подготовку, так что мы добавили немного дикости ко всему этому. Данте и понятия не имел о том, как использовать микшерный пульт или, может, у него не было ни единой идеи, как совместить нас, но все было в порядке, потому что кое-кто, чье имя звучало, как мое, был волшебником с синтезатором и мог управлять голосом, как будто это никого не касалось.

Все превращалось в нечто довольно хорошее. Это не было синглом, но начинало звучать, как один из тех чуждый-условностям^[26] треков, которым поклонялись некоторые фанаты, культовая классика, которой каким-то образом удалось быть проигрываемой еще долго после треков покруче, взорвавших чьи-то колонки. Несколько часов внутри, и я был довольно хорошего мнения о жизни. Это было не совсем смыслом, — им была Изабел — но это было подпунктом и хорошо работало.

Потом пропало электричество.

В искусственной темноте мы с Джереми переглянулись. Девушка-оперативник выругалась, просто одно короткое, грязное слово, типа крика. Кто-то вздохнул. Я подумал, что это Леон.

Я произнес в темноту:

— Скажи мне, что это автоматически сохранилось, Данте.

Данте не ответил, потому что не слышал меня. Без электричества он был просто парнем за стеклянной стеной.

Лейла сделала глоток своего чайного гриба — я слышал, как она делает это, что взбесило меня. Джереми заправил прядь волос за ухо.

Потом электричество вернулось.

Наушники все еще не работали, так что я стянул их и взял с собой в операторскую. Каждый компьютер пищал и жужжал, возвращаясь к жизни.

— Есть хорошие новости? — спросил я.

Данте посмотрел на меня. Вокруг его значков был только небольшой белый ободок. Он покачал головой.

— Ничего из этого?

Он сказал:

— Барабанный трек?

Потребовалась долгая минута, чтобы осознать правду: все странное и единственное в своем роде, что мы сегодня записали просто пропало. Мы могли перезаписать это, но оно звучало бы, как перезаписанное. Как будто сегодня никогда и не было. Как будто кто-то просто взял мое время и выбросил его. Как будто конечный срок, который всегда наступал,

стал чуть ближе.

— И тебе не пришло в голову сохранить это в процессе? — сказал я. — Ты работал с проектом из шести человек и не подумал, что «в какой-то момент после барабанного трека я нажму на некоторые кнопки на этой чудо-машине и сохраню его»?

— Я сохранил, — настаивал Данте. — Отключение электричества все испортило. Типа как поврежденные файлы. Машина не хочет запускать все обратно снова.

Я даже не был уверен, о какой машине он говорил. Я *был* уверен, что это сделала Бейби. Я также был уверен, что она сделала это, чтобы заснять, как я теряю самообладание, на камеру. Я был не менее уверен еще и в том, что она собиралась получить то, чего хотела.

— Покажи, — сказал я. — Покажи мне поврежденные файлы.

Данте прокручивал кучу пустых экранов.

— Они пропали, чувак. Я не знаю...

— Это наиболее очевидная вещь, которую ты сказал за весь день. Это твоя *работа*? Видел ли ты что-то из этого раньше? Скажи мне, как так получилось, что у нас все еще есть барабанный трек.

Если он был в курсе плана, то сейчас проделывал хорошую работу, выражая ложное удивление. Он просмотрел еще на несколько экранов и пробормотал:

— Это вроде как последнее сохранение, которому уделялось внимание; я не знаю, я не знаю...

Я махнул рукой в сторону Ти, который стоял позади моего плеча.

— Надеюсь, ты счастлив, что твоя полнейшая некомпетентность транслируется на всю планету.

Я выбежал. В комнате звукозаписи Джереми паковал свой бас обратно, потому что он знал меня, а Лейла все еще сидела позади своих барабанов, потому что не знала.

— Мы можем перезаписать это, — предложил коп-басист.

Девушка-оперативник покачала головой. Она знала.

Леон похлопал меня рукой по плечу, а потом достал свои ключи от машины.

— Это было запланировано, — сказала Лейла. Она не выглядела удивленной, но было сложно сказать, это потому, что она была в курсе плана Бейби, или потому, что уже обжигалась, или потому, что она на самом деле верила, что это подстроено.

— Я знаю, что ты пытаешься вынудить меня пнуть твою установку, — предупредил я, — но я слежу за тобой.

Джереми сказал полицейским, как рад он был тому, что они пришли и что, по крайней мере, камеры записали их вклад. Он убедился, что записал их номера телефонов. Пожал Леону руку. Закрыл за всеми ними дверь. В этом он был хорош.

Я позвонил Бейби.

— Это не тот способ, которым ты можешь заполучить меня на свою сторону.

Бейби сказала:

— Что?

— Ой, да ладно.

— Я не телепат.

— Я знаю, ты хочешь драмы. Но ты снова вмешалась в альбом, — сказал я, — и... — я остановился, потому что не мог придумать, как закончить предложение. У меня не было и пол-унции влияния. Я был ровно там, где начинал. Я думал, что был настолько умен, чтобы обойти систему и записать альбом без лейбла, в качестве покровителя, и теперь я снова был

просто товаром.

Я думал о том, как она была заботлива в начале.

Я опрокинул одну из стоек для микрофонов. Она едва ли произвела звук в этой бессмысленной, универсальной студии. Это не было местом, где делают музыку. Это было местом, где записывают рекламу для музыки.

Я понятия не имел, какого черта я себе думал.

— И что, Коул? Я не люблю когда мне угрожают, еще и без причины. Я работаю. У меня звонок по второй линии. Я не знаю, что случилось, но буду рада помочь.

Мне хотелось огрызнуться «*Это война!*», но запал уходил из меня. Мне не верилось, что трек пропал. Я просто не мог в это поверить. Какая пустая трата всего.

— Я хочу свой Мустанг, — сказал я ей. — Вот как ты можешь помочь. Дай мне мой Мустанг.

Я отключился. Я чувствовал себя собакой без зубов.

Если бы Виктор был здесь, я бы повернулся к нему и сказал: «Давай словим кайф».

Но его не было. И я был под прицелом камеры. И это больше было не для меня. Это больше было не для меня.

Я взглянул на Джереми.

Он сказал:

— Что думаешь?

Я сказал:

— Я желаю, чтобы Виктор вошел в эту дверь.

Камера была направлена прямо на меня. Бейби выигрывала эту игру безальтернативно. Мой мозг заработал, в поисках какой-то тяги, какого-то способа обратить это в свою пользу, но ничего не вышло.

Джереми сказал:

— Этого не случится. Мы должны работать с тем, что имеем, — он помолчал. — Какой способ, Коул?

Смехотворный вопрос, потому что это судно с треском уплыло прочь.

Мой телефон завибрировал из-за сообщения. Оно было от Изабел. В нем говорилось только: «**Тебе лучше записывать что-то, под что я смогу танцевать**».

Я так и *делал*, но оно пропало. Я представил, как звучал бы трек, пока она танцевала под него. Потому что это была и выдумка, и воспоминание, я четко знал, как будут чувствоваться ее бедра, прижатые к моим. Изабел Калпепер, идеальная десятка.

Я хотел эту золотую звезду.

И тогда как будто туман в моей голове рассеялся. Я повернулся к камере Ти.

— Ты записывал все это время, верно?

— Ох, эй, — встревоженно сказал Ти. — Ты знаешь, это моя работа. Я...

Я махнул рукой, прерывая его.

— Я просто хотел убедиться, что у тебя есть то, что мне было нужно. Давайте сделаем это.

Джереми усмехнулся.

ИЗАБЕЛ •

В свой первый день на посту Виртуального Коула Сент-Клера я провела много времени в Интернете. Не только потому, что публиковала обновления, но и из-за того, что исследовала то, каким образом Коул смотрел на мир. Я вдруг осознала, что знаю всего несколько его песен, так что я слушала музыку в одном наушнике, пока инструктор курса СПМ показывал фильм в темной комнате. Оставшиеся песни я слушала по дороге к «Блаш». Я никогда не читала его интервью, поэтому открывала сайты и пролистывала их, пока Сьерра прикалывала к моей одежде разные куски ткани в подсобке. Пока она их откалывала, я прослушала часть материалов «Наркотика: за группой». После того, как она отпустила меня закрыть магазин, я посмотрела видео групп, которые Коул хвалил в своих записях или упоминал в интервью.

Я узнала, что маленький жест рукой, который я заметила в первом эпизоде, значил, что Коул собирался представить что-то новенькое или вычудить какой-то виртуозный музыкальный отрывок или танец. Я записала это. Или, вернее, сделала мысленную заметку, что он никогда случайно не показывал этот жест, когда был со мной. Он не принадлежал реальному Коулу, а был частью его шоу. Он, должно быть, был придуман для этого.

Я узнала, что у него была вечная шутка с журналистами, которая заключалась в том, что они каждый раз спрашивали, чего он боится, а он всегда отвечал «ничего».

Из интервью двухлетней давности я узнала, что большинство песен он написал в машине или в душе, или во время сеанса в кинотеатре, или обжимаясь с девушками на одну ночь.

После этого я больше не хотела узнавать что-то еще. Так что вместо этого я посмотрела Бейби Норс.

Ближе к концу своей смены я позвонила Коулу. Когда он ответил, я услышала легкую музыку на заднем фоне, включающую в себя записанный голос Коула. Этот звук пустил странные слабые мурашки по моей коже.

— Ты закончил со своей домашней работой?

— Почти. Она усложнилась. Тем не менее, я и правда хочу свою золотую звездочку.

— Почти не считается, — ответила я. Я нажала на гиперссылку статьи о Бейби. Ее лицо улыбалось мне, открытое и доброе, рядом с заголовком о смерти ребенка.

— Я практикуюсь в том, чтобы быть тобой. Что бы ты никогда не сказал в своем интервью?

Он ответил немедленно:

— «Извините».

Мне не нужно было видеть его лицо, чтобы знать, что он доволен своим ответом.

— Господи, ты невероятен. Эти фразы просто приходят тебе в голову или ты и вправду *представляешь*, как бы твои слова смотрелись напечатанными, прежде, чем сказать их?

— Какой суперспособностью это могло бы быть. Типа как облако мыслей?

Я не отступала:

— Ты вообще говоришь *что-либо*, не думая о том, насколько хорошо это звучит?

— Даже не представляю, зачем бы я в ином случае открывал рот.

— Ага. Знаешь, вся эта чушь, когда журналисты спрашивают, чего ты боишься и ты отвечаешь «ничего», — сказала я. — Это такое вранье.

Коул молчал. Было невозможно сказать, это потому что он рисовал умный ответ в облаке мыслей над своей головой, или потому что делал что-то еще, пока разговаривал со мной, или потому что ему было нечего ответить.

Наконец, он ответил совершенно другим голосом, чем было до этого:

— Это не вранье. Это очень умно. Вот почему я все еще на этой планете. Я удивлен, что ты до сих пор не сопоставила это, с твоими-то мозгами. Это загадка. Типа того, как доставить мой Мустанг из Феникса сюда, не разговаривая с моими родителями. Это паззлы, Изабел, и я думаю, тебе стоит сложить их для меня.

Его голос снова стал нормальным. Чересчур нормальным.

— Я не люблю паззлы, — сказала я ему.

— Это потому что ты сама — паззл, — ответил Коул, — а ты не любишь таких, как ты. Это нормально. Я тоже не люблю других «меня».

Я не поверила ему. Коул отлично ладил с зеркалом.

— Разве у тебя нет домашней работы?

— Эй, это ты *мне* позвонила.

— Скажи мне, что рассказать миру.

— Скажи им, — начал Коул, но остановился. — Скажи, что я готовлю им подарок. И скажи *мне*, что станцуешь под него.

КОУЛ •

Той ночью я вернулся в квартиру слишком уставшим, чтобы беспокоиться. Это был тот тип усталости после того, как закончил что-то, от опустошения самого себя. Это чувство настигало меня и прежде: после модных или дешевых напитков, таблеток, которые замедляют тебя. Но также, как кайф от наркотиков никогда не сможет вполне заменить кайф от создания музыки, вынужденные минимумы никогда не смогут заменить тот настоящий покой, который приходит *после* творчества.

Если бы я всегда писал альбом, то никогда не был бы несчастлив.

Я завалился на свою кровать, надел наушники и слушал трек на повторе. Было невозможно устать слушать новую песню в первый день после того, как я воплотил ее в жизнь. Я написал Изабел. **Я выполнил свое домашнее задание.**

Она ответила: **проверяю твою работу.**

В конце концов, я извлек неидеальную аудиозапись из видеоматериала Ти и использовал ее как скрипучее вступление. Тогда мы сделали более сложную версию с местами жестким оперным пением. Это звучало, как будто мы собирались обернуть все таким образом изначально.

Я был рад, что Изабел проверяла мою работу. Но мне не нужен был кто-то еще, чтобы сказать, что я получил проходной балл.

Я задремал под играющую в моих наушниках песню. Мне снилось, что я дремал под песню в моих наушниках.

Я проснулся от звука открывающейся двери.

Изабел...

Я услышал хриплое хихиканье.

Не Изабел.

Я думал, что закрыл дверь. Я был уставшим, но помнил, как закрывал замок.

Мои наушники зашипели, батарейка в плеере сдохла. Я вытащил их из ушей и услышал еще одно короткое фырканье. Смешки путешествовали в пакетах. Возникло ощущение, что я в воспоминании.

Мои волчьи уши слышали, как кто-то моет руки за стеной. Пахло духами и потом. Свет приблизился.

Трое девушек топless стояли на территории моей гостиной, плясь на меня через прозрачную книжную полку из Икеи в моей спальне. На груди одной из них было искусно написано мое имя. «Коул» — на одной. «Клер» — на другой. «Сен-» — маленькими буквами на ее грудной клетке.

— Думаю, вы не туда попали, — любезно сказал им я, не садясь. Это вызвало очередной приступ хихиканья. Они остались в моей квартире. Они остались топless. Я остался в постели.

В прежние времена это не стало бы проблемой. Скучающий, возбужденный и под кайфом, я бы развлек их всех, если не себя, а потом бы вырубился на крыше.

Но сейчас я был не только под наблюдением камер, я очень сильно хотел, чтобы Изабел Калпепер продолжала отвечать на мои звонки. Я тяжело и целеустремленно трудился для

своей золотой звезды, и ничего в этой ситуации не поможет мне ее достать.

— Я уверен, что закрыл дверь, — сказал я садясь.

Одна из девушек подняла ключ. Она послала мне улыбку на миллион долларов.

Ох, Бейби.

Девушка с моим написанным именем проинформировала меня, что была девственницей.

— Горжусь тобой, — сказал я. Я поднял палец и позвонил Изабел, одним глазом наблюдая за своими полуголыми посетительницами. — Тыковка, Виртуальный Коул при тебе?

— Тыковка, — повторила Изабел.

— Ага. Да. Тыковка, — я встал, радуясь, что уснул полностью одетым.

— Да, но я за рулем. Я совершенно уверена, что меня преследует папарацци. Разве не забавно?

Девушки приблизились шаткой походкой. Они были пьяные в хлам. Каждая камера в квартире запечатлела грудь. Я был так равнодушен, что определено чувствовал себя святым. Я не понимал, как меня могла так убивать одетая Изабел и насколько не интересуют эти девушки.

— Сегодня все забавно, — ответил я. — Не могла бы ты сообщить миру, что есть лучшие способы выказать свою поддержку моим стараниям при создании альбома, чем показаться на моем пороге? И почему ты за рулем? Определенно, в мире тебе некуда так далеко ехать, кроме как ко мне.

Я услышал раздражительный гудок за окном. Три девушки и я выглянули в окно. Внедорожник Изабел заезжал в переулок за квартирой. За ним подъехал фургон с Джоан внутри.

Это совпадение было издевательством.

— Думаю, вам следует уйти, — сказал я девушкам, которые полностью вторгались в мое личное пространство бессознательным образом. Я начал направлять их обратно туда, откуда они пришли. Я остановился, чтобы оторвать одну от своей руки. — Это становится неприятным.

Как по сигналу, дверь распахнулась, звук идеально совпал со взрывом в моем сердце.

Изабел Калпепер шагнула внутрь, щеголяя в обрезанном леопардовом топе, черных кожаных штанах и паре ботинок на каблуках, чтобы проткнуть узурпаторов. На ней также были вязанные перчатки, доходившие ей по локоть. Ничего в ней не было не к месту. Не было слов в этом мире, чтобы передать насколько она была сексуальнее этих полуголых девок.

Мне не верилось, что у Бейби было столько желчи, чтобы разрушить этот момент тремя фанатками топless. Я сразу почувствовал себя старше и более уставшим. Сколько жизней я прожил, чтобы попасть в место, где эти смешки причиняли неудобство?

Изабел поджала свои красные губы. Девушки смотрели на нее с бесстрашием пьяного. Джоан со своей камерой подсматривали через дверь.

— Ты опубликовала мой специальный запрос? — спросил я Изабел.

Я чувствовал странную нервозность по поводу того, что Изабел не поверит в мою невиновность.

— Да, — сказала она, — Тыковка. — Она глазами нашла мое имя, покачивающееся на злоумышленниках. Я не был ханжой, и история подтвердит это, но в тот момент мне было

очень некомфортно с таким количеством голых грудей в одной комнате. Как будто весь мой тяжело заработанный цинизм был убит, оставив сиротой более наивного шестнадцатилетнего Коула, переживавшего, что его увлечение не согласится с ним погулять.

Это место казалось очень опасным для возвращения того Коула.

Пожалуйста, не злись. Ты должна знать, что это не по-настоящему. Пожалуйста, Изабел...

Я не был уверен, что сказать, только не с камерой Джоан, тщательно наблюдающей за нами снаружи квартиры. Камеры внутри тщательно наблюдали отовсюду.

— Думаю, вам стоит вернуть мне этот ключ, — сказал я девушкам. — И вам не следует принимать ключи у незнакомцев. Никогда не знаешь, что тебя ждет по другую сторону двери.

— Давай-давай, — предложила Изабел, ее голос был таким холодным, что стоящее рядом полутропическое растение упало замертво.

— Ты — его *девушка*? — спросила девушка с ключом. Ее голос был отвратительным. — Потому что, вообще-то...

Изабел прервала:

— Не говори ничего, о чем мы обе потом пожалеем. На самом деле, ты можешь отдать ключ мне.

Она протянула властную руку в перчатке. Девушка оставила ключ с каким-то шипением. Девственница протолкнулась мимо Изабел. Третья, выходя, плюнула Изабел на ботинок.

Повисла пауза. Плевака остановилась прямо за Джоан с вызовом на лице.

Изабел рассмеялась, угрожающе и пренебрежительно. Внезапно у меня появилось полное представление о том, какой она была в старшей школе.

— Ох, пожалуйста, — сказала она.

Она захлопнула дверь прямо перед лицом Джоан.

Тишина.

Мое сердце грохотало в груди. Я практически не верил, каким нервным я был, не сделав ничего плохого, не волнуясь о том, что кто-то думал, проведя так много времени в онемении.

— Давай немного поговорим в твоём офисе, — сказала она, указав рукой в направлении ванной комнаты. Я не мог сказать, о чем она думала.

Я закрыл за нами дверь и, как только она открыла рот, приложил палец к своим губам. Джоан со своей камерой вошла в квартиру. Мой волчий слух мог уловить ее дыхание по ту сторону двери, а потом и шарканье, пока она работала над тем, чтобы засунуть микрофон так близко к нашим голосам, как только возможно.

Изабел пошла к раковине и повернула кран на полную мощность резким и злым движением запястья. Я направился в душ и покрутил ручки.

Потом, с белым шумом текущей воды между нами, мы подошли к туалету, наклонив головы поближе к друг другу.

— Боже, ты классно пахнешь, — сказал я низким и приглушенным голосом, потому что кто-то должен был сказать это, и чтобы позволить некоторым своим тревогам сбежать.

— Ты пахнешь как... — Изабел остановила себя. Она сказала, — Собственно, что здесь происходит?

В конце концов, это была не та реакция, которую я ожидал. Не многое останавливало

Изабел в ее высказывании. Я поднес свою ладонь к руке и вдохнул.

Волк.

Земля и мускус, ночь и инстинкт.

Я не знал, почему это появилось, только факт, что оно было. Как будто волк во мне просачивался через поры, выпущенный беспокойством. Часть меня подумала о волчьем теле и как всего минута в нем могла мгновенно облегчить все мои бушующие чувства.

— Изабел...

— Это не нормально, — перебила она. — Я не в порядке по поводу всего этого.

— Это был не я. Бейби...

— Я знаю, что это была Бейби!

— Тогда я не понимаю.

Мы посмотрели друг на друга. Мои пальцы чувствовались, как будто руки спали, а теперь просыпались. Каким-то образом, я был определенно невиновен и определенно в проблемах. Я все еще не мог сказать по ее лицу, о чем она думала. На ней было достаточно черного карандаша для глаз, чтобы скрыть большинство эмоций.

— Я никогда не буду чувствовать себя хорошо, входя в комнату к тебе и трем полуголым девицам, Коул. Я не хочу увидеть это *когда-либо* снова.

Проблема была в том, что это было частью того, как быть *мной*, быть Коулом Сен-Клером, иметь группу, петь, чтобы участвовать в телешоу для сплетников.

— Я могу контролировать только себя.

— Можешь?

— Я только что сказал это.

— Ты можешь контролировать *себя*?

Разве я не сделал это *только что*?

— Ты не доверяешь мне... вот в чем дело?

Изабел открыла рот, а потом закрыла его. Она отвернулась, скрестив руки на груди, хмурясь на душ. — Я не была с сотней других людей, Коул. Я не видела сотню других людей голыми. Я не знаю, что...

Она покачала головой, как безумная. Но я знал Изабел, и я знал, что каждая из ее эмоций выглядела как гнев снаружи. Это было несправедливо, потому что я не приглашал девушек, и не знал Изабел, когда спал со всеми остальными. Но я с самого начала знал, что мы были разными в этом важном вопросе: Изабел провела свою юность, заботясь о том, кто дотрагивается к ней, а я — нет.

— Я здесь не ради кого-нибудь другого, — сказал я. Это казалось слишком серьезным для восприятия, так что я добавил, — Калпепер. Я здесь из-за тебя.

Она все еще не смотрела на меня. Свет пробивался через ее морозно-белые волосы, освещая ее щеку, подбородок и шею. Я все еще хотел свою золотую звезду, даже зная, что не было никакого способа получить ее этим вечером. Она ответила:

— Меня и этого небольшого шоу, которым ты занимаешься.

— Это моя работа.

— Прячется в ванной?

— Создавать музыку.

— Я могла бы справиться с тем, чтобы быть девушкой кого-то, кто создает музыку, — сказала Изабел. — Но не думаю, что твоя работа заключается в этом.

Думаю, я мог припомнить такой разговор с Лейлой, и тогда он мне понравился не

больше.

— Никто не *просто* создает музыку. Невозможно жить, просто создавая музыку. Я думал, это будет лучше, чем лейбл. Я думал, что у меня будет больше контроля. Знаешь что? Я уже говорил все эти вещи. Я могу вспомнить свое лицо, когда я говорил это.

Изабел рассмеялась, так же скупно и слабо, как когда девушка плюнула, но я вздохнул с облегчением, потому что это хоть как-то смягчило ее. Она вытащила Виртуального Коула и принялась листать по экрану.

— Ты думал, петь с *Бейби Норс* было бы лучше, чем в лейбле? Даже зная, что все ее люди закончили, дергаясь в луже слюней на полу. Ни у кого это не срабатывает.

— Я не похож на всех остальных.

Изабел перестала листать. Ее голос был противоречивым и сексуальным, когда она сказала:

— Спасибо, Господи.

Мы посмотрели друг на друга. Ее подведенные глаза были голубыми и немигающими. Я ненавидел то, что все еще мог чувствовать остатки тревоги, витающие во мне. Я не хотел отпускать ее, но мог сказать, как все произошло бы, как она стояла бы, и как Джоан снаружи пыталась бы подслушать, что она и делала.

Я больше не хотел быть в одиночестве.

Я хотел сказать ей: «*Изабел, останься*». И я хотел сказать ей: «*Изабел, я люблю тебя*».

Я ничего не сказал вслух, но Изабел покачала головой, мол, *не надо*.

Так что я просто сказал:

— Что насчет моей золотой звезды?

— Ха! — ее смех был горьким и раздраженным. — Бейби забрала твою золотую звезду. Сиськи забрали твою золотую звезду.

— Ты хочешь, по крайней мере, услышать мою гениальность? Если бы ее можно было услышать?

Она не сказала «*да*», но не двигалась. Так что я выключил душ, протер полотенцем кафельные сиденья внутри, а еще одно полотенце сложил в качестве подстилки. Я кинул в раковину свои бесполезные наушники со сдохшей батареей. Потом я сел на сиденье в душе, вытянул свой МРЗ-плеер из заднего кармана и похлопал по месту рядом со мной.

— Это должно прекратиться, — сказала она, но присоединилась ко мне, скрестив свои невероятно длинные ноги, когда села. Боже, она была так красива, что я не мог принять это.

— Конечно, — согласился я. — Наушники? — она протянула мне свою сумочку и я поискал их (они были леопардовыми). Вставив их в свой плеер, я всунул один наушник в свое правое ухо и другой — в ее левое. Я поспешно придвинулся ближе, так что наши плечи соприкасались. Когда она поправила наушник, я проверил экран и нажал на «плей».

Первую минуту она слушала. Затем ее голова задвигалась, совсем немного, как воспоминание о танце. Она смогла сделать сексуальным даже это. Я наблюдал за ней: ее глаза были закрыты, она просто слушала, рот немного приоткрыт. Я не мог получить это. Было чувство, что я мог только унять сексуальное напряжение, когда думал об этом, но я был так же увлечен ею, когда она *пыталась* привлечь меня, как и тогда, когда нет.

Песня повторилась; я забыл, что поставил ее на повтор.

Изабел открыла глаза.

— Ну? — спросил я.

Она поцеловала меня.

Не было никакого обоснования для этого поцелуя.

Никакое постепенное признание желания не передавалось через язык тела. Это было ничего, а потом — все. Она своей рукой тянула мою к ее оголенному животу и прижимала мою ладонь к своим ребрам, заставляя ощущать ее тазовую кость на поясе. Ее пальцы просили мои раздеть ее. Я едва мог дышать вообще, а ее рот не давал мне даже этого.

Я поднялся, увлекая ее за собой таким образом, что она постоянно была не дальше провода от наушников. Я не хотел отрывать ее тело от своего. Пока песня звенела и топала в моем правом ухе и ее левом, мы целовались и целовались, ее теплый язык на моем, ее гладкая кожа под моими пальцами, ее ноги обвиты вокруг меня.

Изабел потянула меня в сторону двери.

— Кровать.

Я не стал спорить. Песня повторилась. Я нащупал дверную ручку.

По ту сторону на нас смотрела камера Джоан.

Я уже и забыл. Изабел даже не дрогнула, но ее глаза затрепетали и закрылись всего на мгновение, оттеняя ресницы на щеке, а потом, когда она снова их открыла, то была готова для камеры, вся истина была стерта с ее лица.

— Привет, Джоан, — сказал я. — Давно стоишь? Могу я предложить тебе кофе?

Изабел слезла с меня. Джоан, которая, к слову, была лишеным чувства юмора бродящим эльфом, только сделала несколько шагов назад, позволяя нам выйти из ванной.

— Я собираюсь уйти, — сказала Изабел.

— Ох, — запротестовал я, — это бред.

Но забытый сюрприз в виде Джоан и вправду произвел несколько пагубное влияние на мой любимый инструмент.

Изабел вынула наушник из моего уха и выдернула шнур из MP3-плеера. Она пошла за своей сумочкой, а я сердито посмотрел на Джоан.

— Не благодарю, — сказал я.

Джоан выключила свою камеру.

— В расчете.

Изабел вернулась. Она снова нанесла помаду. Я схватил ее на пути, но упустил. Тем не менее, она остановилась у двери, улыбка притаилась возле ее рта.

— Думаю, тебе стоит найти новую работу.

— И что мне делать?

— Музыку.

ИЗАБЕЛ •

По пути домой, после того, как возбуждение от Коула утихло, я снова и снова мыслями возвращалась к груди. Я посмотрела на свою в переднее зеркало. Она совсем не была похожа на те три пары, которые я видела в квартире Коула, и это не только потому, что на ней никогда не было написано его имя. Дело не в размере, правда. Это были форма, расположение и то, как она свисала и раскачивалась по сравнению с мисс заносчивость и мисс мечь. Размер, форма и цвет сосков.

Другая. Но лучше? Хуже? Было сложно судить.

В конечном счете, это только разозлило меня. *В любом случае*, разве это кого-то волнует? Коул постоянно находился рядом с полуголыми. На самом деле, тем девушкам даже ничего не стоило прийти без верха. Это было капризное решение культуры — сделать наши соски непристойными.

Но в этом и дело. И это имело значение. И я не могла перестать смотреть на них. Это злило меня больше, чем что-либо, так, что я не могла заставить себя забыть тот момент.

— Изабел, не думаешь, что тебе следует предупреждать людей, если собираешься опоздать?

Голос моей матери донесся из гостиной, как только я ступила в фойе Дома Тревоги и Разрушения. Я знала, что увижу еще до того, как добралась до конца коридора и повернулась к двери: моя мать элегантно полулежала на диване, волосы каскадом спускались по ее плечам, стакан вина в руке.

Я не ошиблась, хоть и не предугадала, что моя тетя Лорен будет там, также со стаканом вина в своей руке. Она неопределенно махнула в мою сторону, медленно поворачивая голову, выглядя уставшей за повязкой меж ее глаз. Она просто получила в нос и всегда говорила, что резкие движения вызывают у нее головную боль.

— Нет, — сказала я, становясь у края ее дивана. По телевизору ожесточенный солдат в каске всмотрелся в даль. Моя мать смотрела фильмы про войну, когда чувствовала себя подавленной. Наверное, потому, что чрезмерное кровопролитие и горькие победы напоминали ей о моем отце. — Потому что мне уже есть восемнадцать.

Моя мать вздохнула. Не особо разочарованно. Она заранее знала, что это был аргумент, в котором я хороша. Вообще-то, я знала об этом все.

мама: *Но ты живешь под моей крышей.*

я: *С радостью съеду.*

мама: *Тебе придется найти работу, чтобы...*

я: *В точку! Еще ты говорила мне завести парочку друзей.*

мама:

Моя мать также знала об этом все. Так что она просто покачала бокалом в мою сторону.

— Хочешь попробовать?

— Оно хорошее?

— Нет.

Я покачала головой.

— Что за запах?

Моя мать посмотрела на Лорен. Лорен ответила:

— София делает булочки с корицей.

Было десять вечера. Я предполагала, не было ничего плохого в занятии выпечкой в десять вечера, но, на самом деле, ничего хорошего в этом тоже не было.

— Он милый? — спросила меня Лорен. — Ты гуляла с парнем, не так ли?

Я моргнула. Я уже думала о том, что будет, когда моя мать и Лорен узнают, что я встречаюсь с Коулом, но я правда не ожидала, как неприятно будет слышать, как Лорен говорит о нем. В некотором роде, было чувство, будто это опозорит его, как никогда прежде. Перемывать ему косточки стерильным порошком Дома Разрушения, повзрослевшая версия любви.

— Ага, — сказала я. — Он как чертова панда.

По телевизору танк содрогнулся, выпуская очередь своей пушкой. Камера быстро переместилась к его цели — небольшому взорванному бункеру среди шлакоблока и разрушенных надежд. Моя мать тихонько заплакала. Я прошла на кухню.

— София, почему ты делаешь булочки с корицей в десять вечера? — спросила я.

Моя кухня отвернулась от столешницы. Она была одета в фланелевые пижамные штаны с уточками, ее волосы были распущены. Она выглядела лет на двенадцать. Ее футболка была покрыта мукой. Я пыталась не думать о груди.

— Я делала их для тебя. Так что ты можешь взять одну с собой на занятия утром.

Я открыла было рот, чтобы съязвить что-то об углеводах, но осознала, что это стервозно, так что замолчала. Возможно, Коул хорошо влиял на меня.

— Действительно, — сказала я. Это была не *благодарность*, но гораздо ближе к ней, чем то, что я обычно говорю. — В конце недели нам надо пойти купить тебе какие-то туфли. Я возьму тебя с собой к Эрику.

София моргнула. Ее глаза засветились.

— Туфли — это те штуки, которые обувают на ноги.

— Только мы? Или Коул тоже? — только сказав это, она сразу же добавила. — Потому что я не возражаю. Я имею в виду, если он придет. Все нормально. Нам не обязательно быть только вдвоем. Я, в любом случае, ценю твое приглашение. Потому что...

— София, — огрызнулась я. — Остановись.

— Ты собираешься выйти за него замуж? — спросила София.

— *София*, — немного жестче огрызнулась я. — Не накаляй обстановку. Какого черта? Это не диснеевский фильм. Разве ты ничего не усвоила на примере наших предков?

Она повернулась обратно к столешнице и принялась управляться со стоящим там миксером, ее плечи опустились. Сахарная пудра окружила ее облаком. Не глядя на меня, она произнесла:

— Папа звонил.

Ах. Это немного объясняло слезливо-платочную атмосферу в Доме Разрушения. Я попыталась подумать над тем, что обычный человек сказал бы в этой ситуации. Я спросила:

— Ты в порядке?

София начала плакать, собственно из-за чего я и старалась избегать быть человеком. Я пожалела, что не осталась у Коула.

— Да, — сказала София, пока слезы капали с ее носа. — Спасибо, что спросила. — Она высыпала большую ложку глазури из миксерной чаши на булочку с корицей и протянула мне тарелку.

— Ради бога, — сказала я, принимая ее. — Возьми одну из этих штук и пойдём.

— Пойдём куда?

— В мою комнату. Давай позвоним Коулу.

Так мы и сделали. В своей комнате я включила его на громкую связь и заставила петь нам его последнюю песню. Когда он понял, что София тоже слушала, то начал переделывать свои реальные тексты в веселые, и вскоре она смеялась и плакала одновременно. В конечном счете, я поставила свой телефон заряжаться, потому что батарея садилась от всего этого пения, а София пошла спать, счастливая и грустная, что все-таки было лучше, чем просто грустная.

Я выключила громкую связь и забралась в кровать. Потом легла на подушку и положила телефон себе на ухо.

— Мы одни. Можешь снова сквернословить.

— Я хочу, чтобы ты была здесь, — сказал Коул.

Я не сразу ответила. Потому что это был телефон, и он не мог видеть мое лицо, так что я могла быть настолько честной, насколько мне того хотелось. Я призналась:

— Я тоже.

— Изабел... — сказал Коул. Он остановился. Потом он произнес: — Не клади трубку.

— Я не кладу.

— Продолжай.

— Я все еще не положила трубку, — я услышала птичий щебет на его конце телефона. — Ты снаружи?

— Я в переулке. Жду Леона. Он освобождается в полночь и мы собираемся взять себе еду на палочке, а я собираюсь выиграть ему плюшевую обезьянку на пирсе. Вот чем я занимаюсь, когда ты оставляешь меня в одиночестве, Изабел.

Я сказала:

— Не разбей Леону сердце.

Коул рассмеялся. Его реальный смех был забавным звуком — не забавным вроде «ха-ха», но странно забавным. Он был скорее ударным, чем тональным.

— Скажи, что мы увидимся завтра.

— Мы увидимся завтра.

— Скажи, что увидишь меня на следующий день. И в день после него. И после.

Мое сердце судорожно заколотилось. Это произошло. Против моей воли, несмотря на голых девушек, запах волка и все те вещи, которые намекали на будущие страдания, я снова влюбилась в Коула.

Я сказала:

— Спокойной ночи, Коул.

— Спокойной ночи, Калпепер.

Я отключилась и закрыла глаза. Позже, позже я наверняка пожалею об этом. Но прямо сейчас я не боялась. Я продолжала слышать его глупые песни и настоящий смех. Я продолжала вспоминать ощущение его рук на мне. Я попыталась сказать себе, что каждый в Доме Разрушения и Страданий плакал, пока не проваливался в сон, но прямо тогда, в тот момент, я позволила себе представить, что я не как все остальные.

КОУЛ •

Утром я проснулся и обнаружил, что этот мир не так уж плох, если не считать запах барбекю изо рта. Я сварил яйца и выпил пакет молока, а потом около часа стоял на крыше и пытался сложить вместе кусочки песни, в которой говорилось *именно* обо всем этом, и, в то же время, не говорилось обо всем этом. Бейби позвонила мне и сказала:

— Почему ты не отвечаешь на телефон?

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что она говорит о Виртуальном Мне, который, ясное дело, был не у меня. Я потянулся и закрыл глаза. Солнце было прямо над головой и светило только на меня. Я ответил:

— Потому что я использую его только для выхода в Интернет. Не лезь в это, Бейби. Почему мой Мустанг все еще не у меня?

— Ха-ха. Это я смеюсь, Коул. Я хочу ту девушку в шоу.

Сразу стало пасмурно.

— Надеюсь, под *«той девушкой»* ты подразумеваешь мою машину.

— Сеть возлюбила идею того, что ты встречаешься с кем-то. Они хотят знать, кто она, Коул. Она очень милая девушка. Подумай о том, что это принесет для телеаудитории.

Мне не нужно было думать. Я совершенно точно знал действия мира, потому что они сделали это со всеми остальными девушками, с которыми когда-либо видели меня. Идею встречаться с кем-то публично переваривала та же часть моего мозга, что и возможность поговорить с моими родителями или старыми друзьями из дома. И она обращалась напрямик к той части, которая всегда подбивала меня прикончить себя, или прыгнуть с моста, или выпить каких-то таблеток.

Это была не та часть моего мозга, которую я любил задействовать. До недавнего времени, я думал сделать лоботомию в этой части черепа, но, по всей видимости, она все еще была там.

Бейби сказала:

— Убеди ее стать частью шоу и получишь свой Мустанг.

Я рассмеялся прежде, чем хотя бы подумал об этом, потому что это было такой очевидной сделкой с дьяволом, что я ни за что бы в нее не ввязался.

— Нам нужно поужинать, Коул, — сказала Бейби. — Думаю, оно того стоит. Возьми ее с собой. Сегодня вечером. Освободи свой график.

— У меня нет настроения для ужина, — ответил я. — В виду того, что мой трек чуть не поимели вчера и куча девок топлес были в моей квартире прошлой ночью.

— Звучит волнующе. Люблю такое.

— Все было через чур волнующе и без этого.

— Где ты? — с любопытством спросила Бейби. — Ты сейчас взволнован?

— Да, — соврал я.

— Великолепно. С нетерпением жду увидеть это. Ужин сегодня вечером, не забудь. И бери трубку, когда я звоню.

Она отключилась. Я позвонил Изабел.

— Калпепер, — ответила она.

Я никогда не привыкну к тому, что она отвечает на мои звонки.

— Меня возбуждает, когда ты отвечаешь на телефон вот так, — сказал я ей. Я подошел к краю крыши. Видно было пальмы и еще больше крыш. Остальные были пустыми, так что там были только я и солнце. — Пожалуйста, скажи мне, что ты голая.

— Я на работе, Коул.

— Голая? Ладно, это Санта Моника. Виртуальный Я при тебе?

— Конечно. Ты только что отправил твитт.

— Забавный? Коулботам понравилось? — я наблюдал за маленьким мальчиком, появившемся на крыше через один дом, на другой стороне пустой аренды. В его руке был маленький самолетик, и он запускал его вверх, вверх и вверх, так высоко, как только мог.

— Ох, пожалуйста, — ответила Изабел. — Еще, думаю, Бейби пыталась дозвониться Виртуальному Коулу.

— Знаю. Я все знаю. Есть вероятность, что ты сможешь задействовать свои навыки и найти мне Коулбота, который сегодня организывает вечеринку на территории Л.А.? Или играет свадьбу? Или разводится? Какой-то праздник, на котором будет музыка?

Я наблюдал, как малыш на крыше вертит свой самолетик вокруг стола. Он был таким довольным, каким я себя и вспомнить не мог. Если бы на его месте был я, то запустил бы самолетик к краю крыши и спрыгнул бы.

— Я думала, ты знаешь все, — Изабел шумно выдохнула. — Что мне за это будет?

— Мое вечное восхищение твоим выдающимся интеллектом.

— Посмотрим, что я смогу сделать.

— А еще Бейби хочет с нами поужинать.

Она издала шум, который я не смог распознать. Потом повторила:

— Посмотрим, что я смогу сделать.

После того, как она повесила трубку, я заметил, что мальчик подошел к краю крыши и уставился на меня.

— Хей, — сказал я ему. — Мы — близнецы.

Это было не так жутко, как прозвучало. Мы оба были одеты в шорты цвета хаки и без футболок, и оба были загорелыми и с выгоревшими на солнце коричневыми волосами. Я не мог решить, было ему четыре, девять или двенадцать лет. У меня не было познания в возрастных особенностях детей. Он был слишком молод, чтобы водить машину, но достаточно взрослый, чтобы суметь повернуть дверную ручку.

— Ты — путешественник во времени? — осторожно произнес он.

— Да, — ответил я. Мне было приятно, что он заметил сходство. Я уже формировал это в песню. — Но только вперед.

— Ты — это я?

— Конечно, — произнес я.

Он почесал живот самолетиком.

— Какое мое будущее?

Я произнес:

— Ты знаменит, и у тебя есть мустанг.

Мы оба посмотрели на Сатурн, припаркованный у здания. Нахмурившись, мальчик запустил в меня самолетик. Он парил в воздухе прежде, чем исчезнуть где-то в щели на крыше арендного дома, пальмы скрыли его.

— Что же, ты это сделал, — сказал я. — Ты наверняка сломал его.

Мальчик выглядел пренебрежительным.

— Суть не в посадке. Суть в полете.

Я прищурился на него. Я почувствовал приятные мурашки по телу, как будто я нарочно выводил себя. — Может быть, ты — это *и есть* я. Ты настоящий?

Рядом в кресле зазвонил мой телефон. Это мне перезванивала Изабел. Я указал пальцем на мальчика и повернулся, чтобы ответить.

— Я нашла для тебя свадьбу, — сказала она.

— Мне кажется, я только что разговаривал с маленьким собой из прошлого, — ответил я. Я повернулся обратно, но крыша напротив теперь была пустой. — Он запускал самолетик.

— Круто. Надеюсь, ты сказал ему не принимать наркотики. Тебе нужен адрес, или имя, или что?

Я попытался увидеть, куда приземлился самолетик. Я, в некоторой степени, хотел его. Я взял на заметку, по возможности, вломится в арендный дом.

— Давай все. О, твиттни это. Я мог бы сказать что-то вроде этого.

— Я отключаюсь, — так она и сделала.

Я позвонил Ти.

— Коул! — радостно сказал он.

— Жизнь вот-вот начнется, — сказал я, бросая последний взгляд туда, где видел маленького себя. — Я только надену футболку.

Они с Джоан приехали так быстро, что мне показалось, что он просто лежал и ждал моего звонка. Вместе мы проделали отвратительное путешествие к Лейлиной части двора. Джоан и Ти следовали за мной с камерами на плечах.

— Эй, — сказал я Лейле.

Она сидела на кухонном островке и ела порезанные сырые овощи с тарелки, ее дреды свисали вокруг ее вытянутого лица. Она моргнула, а потом уставилась на камеры. Я не постучал, но она ничего не сказала по этому поводу. Я пытался не ненавидеть ее, потому что это была бы победа Бейби.

— Сегодня мы творим магию, — сказал я.

Лейла съела кусочек чего-то зеленого. Она прожевала. Мы все уже состарились, когда она, наконец, проглотила.

— Что у тебя на уме?

— Великие вещи. Где твоё оборудование?

Она просто посмотрела на меня. Я не мог сказать, была ли она высокомерной, глупой, или просто ненавидела меня в ответ. Ничто из этого не исключало другое.

— Твои барабаны? Эти «штуки»? — я отбарабанил по воздуху. — Возьми их. Забрось в Сатурн. Отправляйся со мной в будущее.

Она положила ещё один овощ в рот. Затем прожевала.

— С того момента, как мы начали этот разговор, — сказал я, — две сотни младенцев родились на этой планете. И чего же мы достигли?

Ты съела эту штуку.

Лейла проглотила.

— Ты не спешил попасть сюда до этого момента. Время непрерывно, Коул. Оно не ускоряется и не становится медленнее. Не позволяй себе быть обманутым капризами. Удовлетворение в постоянстве.

Она нарисовала медленную, ровную линию в воздухе чем-то, что, как мне показалось,

было цукини.

Я сказал:

— Конечно. Окей. Но сейчас у нас есть расписание. Барабаны. Сатурн. Ты и я, детка. Тащи сюда свой сад. Можешь съестть это по пути. У тебя есть тележка или что-то в этом роде? Я притолкаю её сюда для тебя, пока ты будешь складывать своё оборудование.

Она не сдвинулась с места.

— Что я играю?

— Музыку.

— Какую именно музыку?

— Мою.

— Я ее знаю?

— Есть такая штука, которую называют *живой игрой*, и это означает, что ты играешь отрывок вместе с другими людьми, даже если никогда не слышал его прежде, и, если ты скажешь мне, что понятия не имеешь, как это сделать, положи эту морковку, потому что я увольняю тебя.

Лейла съела морковку.

— Музыка — это нечто врожденное, чувак, — сказала она. — И тебе не обязательно все время быть такой задницей. Я возьму барабаны.

Джереми был на репетиции группы с людьми, которые не были мной, когда я заехал за ним.

Не то, чтобы я не понимал Джереми и того, что он присоединился к новой группе, пока я был пропавшим/мёртвым/другой вариант. Я был уверен, что сделал бы то же самое на его месте. Хотя, я бы сам *собрал* группу, а не *присоединился* к другой, потому что я не очень-то люблю командные виды спорта, если не я сам создал и команду, и спорт. Но я не осуждал его за то, что он нашёл других, новых людей, чтобы играть вместе с ними. Это и есть то, что мы делаем, в конце концов. Это у нас в крови. Музыка.

Но это не заставляло меня чувствовать себя хоть немного лучше по поводу необходимости делить его. Тем более, что я хотел для него лучшего, чем это: ужасно скучная группа, играющая в ужасно скучном гараже, предлагающемся к ужасно скучному дому в ужасно скучной части Л.А. Я мог слышать их старания, пока парковал Сатурн у разбитой обочины. Они были, без сомнений, всего лишь высококлассной кавер-группой с неизобретательным гитаристом, барабанщиком, который научился всему, что он знал, в бильярдных клубах и вокалистом по имени Чейз или Чад.

А вот басист у них был первоклассным, между прочим.

Я вылез из машины и переступил через шланг, змеящийся через всю парковку. Он был прикреплен к вялым разбрызгивателям, поливающим маленький коричневый двор.

Этот разбрызгиватель, как я подумал, был во многом похож на Джереми. Эта вода не сможет улучшить тот двор более эффективно, чем Джереми сможет улучшить эту группу. Какая пустая растрата.

Музыка умерла, когда я подошел. Единственным звуком было лишь *ча-ча-ча* разбрызгивателя. Тусклый интерьер гаража напомнил мне, как сильно я хотел Мустанг. Его запах напомнил мне, как сильно я скучал по Виктору. Наши гаражные репетиции были произведениями искусства.

— Я пришёл за Джереми, — объявил я. — Джереми Шаттом. На случай, если у вас здесь есть два Джереми.

Люди в гараже тупо уставились на меня, так что я подметил несколько очевидных фактов. (1) репетиции группы подвижные, а свадьбы — нет, и (2) никакие тренировки не смогут сделать эту группу настолько хорошей, чтобы получить признание, так что (3) я просто помогал им всем сохранить кучу времени.

Певец, который вблизи выглядел еще более похожим на Чада или Чейза, казалось, не оценил мою проницательность. Барабанщик и гитарист вроде как кивнули. Оказалось, я знал их обоих, хоть и не мог вспомнить даже их имен. Барабанщик когда-то играл в группе под названием КрейздЧиз, которая была более успешной, чем вы подумали, а гитарист был с Персуг Тен до того, как у их ударника случилась передозировка в ванной в Оклахоме, что является грустной историей, не зависимо от того, как вы на это смотрите.

Вокалисту я сказал:

— В конечном счете, это никак не повлияет на относительную схему вещей, если сейчас Джереми уйдет со мной.

Певец явно пытался держаться перед камерами, но его голос был слегка напряженным.

— Ты не можешь просто исчезнуть, а затем вернуться, ожидая, что все игрушки останутся там, где ты их оставил.

Я сказал:

— Не будь таким. Я не буду ломать Джереми. Он слишком ценен для этого. Ты получишь его обратно, и вы сможете продолжить играть песни со школьного выпускного в том же духе. Мы все должны делиться.

— Не строй теперь из себя великого и могучего, — сказал вокалист. — Ты не можешь притворяться милосердным, оскорбляя мою музыку.

— Оскорбляю! — ответил я. — Если ты хочешь услышать настоящие оскорбления, я могу приготовить несколько слов для тебя. Но нет, мой друг. Я просто обрисовал все в перспективе для тебя. Ты, занимающийся *этим, здесь*. И я, занимающийся *этим, с ними*, — я жестом указал на Ти и Джоан. Даже с затемняющим обществом Сатурна мне казалось очевидным, что Коул > Чейза.

Барабанщик КрейздЧиз и экс-гитарист Пресуг Тен взглянули на вокалиста Чейда/Чейза чтобы увидеть его следующий шаг.

— Ага, я знаю, что ты делаешь. Я знаю о шоу, — сказал он мне. — Ты думаешь, что все это из-за того, кем ты был. Но никого не волнует, что ты был крутым, чувак. Твои песни такие старые, что их напевают бабульки. Сейчас ты знаменит только потому, что ты полный лузер.

Очень размеренно я произнес:

— И из-за тех трех мультиплатиновых альбомов. Давай учитывать все.

— Ох, да ладно! Не притворяйся, что не знаешь, почему люди смотрят шоу. Ты знаешь, что я прав, — издевательски ответил вокалист. — Или ты был бы в лейбле вместо Бейби Норс. Ну же, мужик. Даже не притворяйся, что это из-за музыки.

Его слова нашли путь к моему сердцу. Когда-то я написал саундтрек к лету каждого. Когда-то, мое лицо было на обложках журналов. Когда-то, все эти парни в этом гараже обделались бы, лишь бы услышать меня вживую. Что же я делал теперь?

Просто участвовал в шоу. Делал альбом. Исчезал в лос-анджелесском закате с Изабел. Но это не чувствовалось полностью правильным или правдой. Я спросил:

— У вас нет костюма Орлов, чтобы репетировать, или типа того?

Барабанщик Крейзд Чиз взволнованно прошелся по тарелкам. Гитарист Пресуг Тен

резко на него посмотрел, как будто предупреждая не быть уродом. Я в некотором роде надеялся, что он будет уродом. Я хотел ударить что-то или получить удар.

Вокалист сказал:

— Я не собираюсь выслушивать это дерьмо от тебя.

— Ты уже это сделал. А сейчас, если не возражаешь, мне пора заняться реальной работой. Джереми, ну что?

Я повернулся к нему. Это не было вызовом. Это был просто вопрос. Нет никакого смысла делать из Джереми игру. Ты играешь в Ганди? Нет.

— Джереми, если пойдешь с этим гадом, — сказал вокалист, — то больше не возвращайся.

— Чед, — мягко произнес Джереми.

Я знал это.

— Я серьезно, — сказал парень. Чед. Я *знал* это.

Я сказал:

— Не заставляй Лэсси^[27] выбирать, Чед.

— Ты, заткнись. Выбери, Джереми.

Много лет назад я встречался с сестрой Виктора, Энджи. Довольно серьезно. Наш расставание после моего первого тура было гадким и противным только потому, что я спал со всеми, кто снимал свой верх в моем присутствии. Это было впервые, когда я осознал, что потерял свою душу, и прелесть не иметь душу, заключалась в том, что тебя больше не волновало одиночество. Хотя группа только вернулась, у нас уже было заказано время в студии для следующего альбома. Энджи хотела, чтобы Виктор ушел. Я хотел, чтобы Виктор и его магические руки пошли вместе со мной и больше никогда не возвращались в Феникс в Нью-Йорке.

Я заставил его выбирать между нами.

Я не думал, что это убьет его.

Я вообще не думал.

Грязь продолжала падать на волчью морду. Где-то там, могила Виктора была всегда заполнена.

Мой день рушился.

— Джереми, — повторил Чед. — Ну так что?

Джереми заправил прядь своих волос за ухо. Он вздохнул. Его глаза смотрели в направлении его баса и моей машины.

Я прервал его:

— Оставайся здесь, — я даже не понимал, что хочу сказать, пока не произнес это. И после того, как сказал это, я не мог поверить, что сделал это. Это не звучало как что-то, что я сказал бы.

Все лица в гараже повернулись ко мне.

Я стремительно заговорил:

— Я не собираюсь подставлять тебя, Джереми. Если этот придурок не хочет принять тебя обратно только потому, что ты нужен мне сейчас, я придумаю что-то без тебя сегодня. Я поймаю тебя завтра. Ничего страшного.

Я чувствовал себя таким добродетельным и так ужасно. Если это был правильный путь, то он мне не нравился. Нужно было записать больше никогда так не делать.

Джереми кивнул. Он помолчал несколько секунд. Как и Чед. Он, похоже, не понял, что

только что произошло.

Коул Сен-Клер не был мудаком — вот что только что произошло.

Это по-прежнему чувствовалось ужасно. Ощущения были, как в ту первую ночь, когда Изабел сказала мне, чтоб я сдох, и когда я осознал, что отчаянно хотел стать волком и не мог больше ничего. Нет, не *хотел* больше ничего.

Я сказал себе, что почувствую себя прекрасно позже. Благородно.

Тогда Джереми сказал, медленно, безмятежно и по-южному:

— Прости, Чед, но, думаю, я собираюсь уйти с Коулом. Я вернусь, если ты попросишь, но мне нужно много подумать над тем эмоциональным манипулированием, что ты использовал в разговоре сегодня. Ты знаешь, что это не то, как я люблю работать. Дай мне секунду, Коул. Мне нужно забрать свои сандалии.

Он выбрал меня. Я не просил, а он все равно выбрал меня.

Это чувство было чуть хуже, чем дерьмовое. На самом деле, разница между двумя эмоциями была такой, что стало трудно двигаться. Внезапный переход из дерьма в радость.

— Ты ублюдок, — сказал Чед. Было неясно, он имел в виду меня или Джереми. Он уточнил: — Ты парень баз таланта из группы-подражателя.

Я отсалютовал ему двумя пальцами.

Джереми присоединился ко мне со своим чехлом для баса. Мы провели длительный процесс рукопожатий, который помог мне облегчить мою огромную болезненную радость. Я небрежно задел ногой шланг в саду и скрюченный разбрызгиватель. Искусственный дождь полился в гараж. Теперь зашумели гитарист с барабанщиком.

Чед знал много ругательств.

Мы с Джереми повернулись и направились к Сатурну, где ждала Лейла. Ти заснял все. Я представил себе великолепный кадр на фоне насквозь промокших музыкантов, как взрыв машины в боевике.

— Ты был почти справедливым, — сказал Джереми. И с уверенностью добавил, — Они мне перезвонят.

Барабанная палочка пролетела мимо моей головы. Она ударилась о бетон, приземлившись.

Джереми наклонился поднять ее.

— Но ты — точно нет.

КОУЛ •

После того, как мы закончили с эпизодом и до того, как Изабел освободилась с работы, мы с Джереми тусили в его старом потрепанном грузовике, припаркованном посреди огромного пляжа. Только мы двое. Я отправил Лейлу обратно вместе с Сатурном, потому что не хотел видеть никого из них когда-либо снова.

Было слышно шум дороги, чей-то бумбокс, прибой и звуки удара рук о мяч в волейболе. Я лежал в кузове грузовика на сухом, скомканном брезенте, а Джереми сидел на колесе, наблюдая за мной и океаном. Солнце над головой прожигало новые трещины на полосах трассы. Я все еще был взвинчен после выступления, так что пиво бы не помешало. Джереми предложил мне холодный чай без сахара.

— Я не хочу твое ведьмино варево, — сказал я ему, но все равно взял это и поставил банку возле своей головы. В течение нескольких долгих общительных минут мы ничего не сделали вместе. Джереми запрокинул голову назад и рассматривал небо, напоминая сморщенного австралийского паренька в полдень. Я закрыл глаза и позволил жаре опалить мои веки. Тут, с Джереми, было бы легко притвориться, будто последних трех лет моей жизни не было, и я мог начать сначала безо всех своих грехов. Только тогда я бы не встретил Изабел и не оказался в Калифорнии. Я задумался, был ли какой-то более прямой путь к этому. Может, я следовал ему, но все разрушил. Может, если бы я оставался на прямой и узкой дорожке, то встретил бы Изабел на концерте.

Нет, потому что она не любит концерты, и я тоже.

Я подумал о тех полуголых девушках в своей квартире и о том, что они никогда не будут Изабел, а она — ими.

Я не мог удержать свои глаза закрытыми, потому что мой мозг соображал все быстрее и быстрее, вместо того, чтобы замедляться. Я открыл их и сказал:

— Все девушки сейчас выглядят старыми. Когда это началось? Все, что я вижу, когда смотрю на них, это то, как они будут выглядеть в сорок. Это худшая суперспособность всех времен.

Джереми ответил задумчиво:

— Правда? Мне люди всегда кажутся детьми. С тех пор, как я, наверное, был в средней школе. Не важно, что они делают или сколько им лет, я не могу перестать видеть в них детей.

— Как ужасно. Как ты можешь предположительно вырубить кого-то, если видишь в нем ребенка?

— Вот именно, — сказал Джереми.

— Скажи мне. Почему Лейла такая неподходящая?

— Ты же знаешь, что я не люблю судить людей.

— Все мы делаем то, что нам не нравится.

Он оторвал кусочек резины от шины и кинул его к моей груди.

— Она и вправду не наш человек. Замудренная.

— В плане музыки или поведения?

Джереми сказал:

— Я не хочу лжесвидетельствовать.

— Ты хоть знаешь, что означает «лжесвидетельствовать»? — я и сам не был уверен. У меня была очень специализированная база знаний. — Я хочу ее уволить. Правда хочу. Но какова альтернатива?

Сказав это, я тут же пожалел. Потому что альтернатива была мертва, а я не хотел говорить об этом. *Не говори ничего, Джереми. Не произноси его имя.*

Ну что, готов сделать это?

— Что?

«Наркотику».

Я не предоставил Джереми времени для ответа.

— Ты бы не был со мной, если бы не музыка, да? Я имею в виду, ты не стал бы заниматься этим со мной, если бы речь шла только обо мне, дрочащем на камеру, как лузер, да?

— Об этом Чед говорил?

— Кто такой Чед? — спросил я, как будто не мог вспомнить. — А, он. Нет. Я просто подумал о... может быть. Возможно. Я на пути самооценивания. Это один из побочных эффектов.

Джереми задумался над этим. О думал так долго, что солнце вошло немного выше. Мимо нас семья пошла на пляж. Один папа был в мокром костюме с доской для серфинга под рукой. На втором были надеты самые странные плавки в мире. Дети сенили позади них, издавая счастливый ультразвук и толкаясь.

— Джереми, — подтолкнул я его, потому что больше не мог этого вынести.

Он сказал:

— То, что мы только что сделали, не было только из-за музыки. Способы никогда не были только из-за музыки. Способ был для шоу. Для концерта. Это просто очередной концерт. Студия была для музыки.

— Могу ли я создавать музыку без способа? Но в то же время, не жертвуя ничем?

— Думаю, тебе слишком нравятся способы, чтобы делать это.

— Эй.

Джереми сказал:

— Я не говорю, что это плохо. Ты в этом хорош. Но иногда я думаю, что ты забыл, как это прекратить. Не думаешь, что тебе, возможно, стоит ненадолго уехать из города?

— Это намек или вопрос?

— Просто чтобы снова собрать мысли в кучу.

Я повернул голову, чтобы взглянуть на него. Я чувствовал ручку позади моего черепа, отшлифованную и потрескавшуюся, в отличие от брезента, и выпирающие части на кровати в пикапе. В некоторой степени это приносило удовольствие. Я покачал головой туда-сюда. Не для того, чтобы выразить несогласие с Джереми, а просто похрустеть шейей.

— Что заставило тебя думать, что они и сейчас не в куче? Какое же славное время я провожу в этом штате.

Джереми сделал глоток соевого несладкого холодного чая. Он сказал:

— Чип умер.

— Кто, черт возьми, такой Чип?

— Чип Мак.

— Чувак, ты когда-либо вообще используешь слова? Или ты просто общаешься при

помощи нескольких свистков и кликов?

Джереми повторил медленнее:

— Чип. Мак. Гитарист, которого тебе наняла Бейби.

— Я не знал, как его зовут. Как он умер?

— Передоз.

Сначала это ничего не значило. Потом я установил связь, но неправильно.

— Это совершенно не моя вина.

— Нет, — согласился Джереми. — Не твоя. Он только прошел реабилитацию, а также был в больнице. Ты знаешь басиста?

— Он был просто пареньком.

— Пойманным за распространение в прошлом году, — сказал он. — Я поспрашивал вокруг.

Картина с Джереми, который расспрашивает у людей, чтобы обезопасить меня, была довольно милой.

— Ну, и что? Думаешь, Бейби пыталась сделать меня виновником?

Он издал подтверждающий звук. Это не очень удивляло. Думать о том, что гитарист сейчас был мертв, а недавно был жив и злился на меня, было немного странно. И думать о том, как по-другому все могло бы сложиться, если бы я принял его той ночью. Неудивительно, что Бейби так разозлило то, что я уволил его — идеально подходящую для телевиденья персону на пороге катастрофы.

— Что, если бы я не уволил его? Счастливчик.

— Удача, — мягко усмехнулся Джереми. — Никакая это не удача.

— А что тогда?

— Твои ноги сами ведут тебя туда, где ты должен быть.

Я подумал об этом.

— Мои ноги иногда приводили меня в некоторые довольно неприятные места.

— Это был твой член, волочивший ноги за собой.

Я рассмеялся. Мимо пролетела стая неуклюжих, но красивых пеликанов, и это заставило меня напомнить себе позвонить Леону, чтобы заставить его прокатиться на колесе обозрения. Одно слово навязчиво застряло в моей голове: дом. Был ли он таким, каким мог бы быть? Был ли он таким, каким я хотел?

— Я не хочу возвращать тебя Чеду обратно, — сказал я.

Повисла очень длительная пауза. Даже для Джереми. Потом он сказал:

— Я не могу гастролировать с тобой, Коул.

Как и раньше, когда он не доверял мне, это ранило. Мне было плевать, доверял ли мне весь остальной мир, Бейби, Америка и все это. Но Джереми... Изабел...

— Я изменился.

— Я знаю, — сказал он и достал ключи от пикапа. — Но некоторые вещи ты не в силах изменить.

ИЗАБЕЛ •

Во время сегодняшней практики в клинике мы проходили коды. Они предназначались для ужасных вещей, которые случались в больницах. В основном, это стандарт для Калифорнии.

Красный Код: Пожар

Оранжевый Код: Утечка Опасных Материалов

Желтый Код: Угроза Взрыва

Голубой Код: Чье-то Сердце Остановилось

Несколько идиотов из моего класса, по большей части занятых твиттером, сковывал страх того, что код может загореться во время нашей практики. Часть меня своего рода надеялась хотя бы на один. Я сходила с ума со скуки. Утечка опасных материалов звучала круто. Когда речь идет о кодах, важным было ни в коем случае не паниковать, а я была превосходна в том, чтобы не испытывать эмоций. Суть заключалась в том, чтобы собрать в кучу всю информацию, которую только сможешь, а затем действовать, исходя из нее.

Бейби в основном тоже была кодом. Я не могла решить, она была Серым Кодом: Воинственный Человек или Серебряным Кодом: Вооруженный Человек/Захват Заложников. В любом случае, не помешало бы разузнать о ней побольше. Вот почему я согласилась пообедать с ней только при условии, что я выберу место. Я хотела, чтобы это случилось на моей территории, а не ее.

Я подобрала Коула, и мы направились в Корейский Квартал — место, которого многие из монстров Сьерры боялись, потому что они были маленькими глупыми слабачками, которые верили в то, что им говорят их мамочки. Моя мать тоже сказала мне не соваться в Корейский Квартал в одиночку, но она никогда тут не была, так что откуда ей знать? Новости были полны лжи, а еда, в любом случае, была превосходной.

Каждому в Корейском Квартале было что-то нужно, и никто не притворялся, что это не так. Тут было не очень красиво, но достаточно по-городскому для меня. Улицы были широкими и без всяких деревьев; все, что не было жилым зданием, являло собой магазинчики, а все, что не было магазинчиком, было сделано из бетона. Большинство стен были разрисованы граффити. Не такими хорошими граффити как в Венеции, другими. Сплошные девизы банд и хорошо выполненные панно о мерзких вещах. Моим любимым было о волках на убое. Тем не менее, там не было никакой крови — только бабочки. Как Корейский Квартал для меня. Они пришли в красоту Лос-Анджелеса, все такие реальные и жестокие, но в нападении на Лос-Анджелес просто стали частью его красоты. Это была жадная магия Лос-Анджелеса. Он бросил вызов всем желающим и превратил их в часть самого себя.

Я припарковала внедорожник, скользнув кредиткой по терминалу, и внутрь мы пошли пешком. Когда мы шли в ресторан, парни за углом противоположной улицы заулюлюкали. Я думала, это предназначалось мне, пока один из парней не показал Коулу фак и не прокричал «Наркотика!», чтобы убедиться, что Коул понял, что это ему.

Коул, колючий и взвинченный от чего-то, что случилось во время его сегодняшней фотосессии, оглянулся на них через плечо. На секунду я испугалась, что он собирался

выкинуть что-то, из-за чего его зарежут, но он просто послал им знак мира. Потом он отвернулся, несмотря на их шумные ответы. Покончил с ними. Просто покончил.

Ресторан «Юзу» был японским местечком, расположенным в апокалиптическом торговом центре на окраине Корейского Квартала. Это были четыре наполовину заброшенные этажа с тусклым освещением, соединенные между собой древними эскалаторами. Все магазинчики, что до сих пор *оставались* открытыми, имели на двери надпись на корейском.

Мне нравилось приходить сюда из-за хорошей еды, но также потому, что это казалось тем местом, которое нельзя найти, просто поискав в Интернете. Придется использовать что-то реальное. И нужно на самом деле от всей души плевать на то, что там тебе говорят другие люди.

Мы поднялись вверх на эскалаторе. На мне был кружевной топ, и рука Коула уже пробралась под край и лежала на моей голой пояснице. Я ответила тем же. Его спина была гладкой и прохладной под футболкой «горд быть канадцем». Но он был каким-то рассеянным. Его глаза сузились, глядя то на магазинчики, то на меня. Мышцы на челюсти немного задвигались.

— Что? — спросила я. — Просто скажи это.

Он произнес:

— Думаю, я бывал здесь раньше.

— Думаешь? Это место кажется мне довольно запоминающимся.

— Я мог быть не в том состоянии, чтобы запоминать.

Мне не нравилось думать о Коуле, приходящем сюда за очередной зарубкой во время тура, так что я больше ничего не сказала. Мы ехали на эскалаторе молча, потом сделали два шага до следующего и поехали на нем в тишине. Я повела его ко входу в «Юзу». Коул взглянул на надпись на двери, которая гласила: «Мы оставляем за собой право на отказ в оказании услуг или доступа любому лицу».

Внутри нас провели мимо полупрозрачного экрана в удивительно уютный зал. Мы пришли рано, потому что я всегда была пунктуальной или еще лучше. Бейби все еще не было. Я проскользнула на одну сторону тусклой кабинки, а Коул уселся на другой. Он наклонился через стол, удерживаясь на локтях, вторгаясь в мое личное пространство, сдвигая набок бумажный фонарик и скидывая меню.

— Просто скажи это, — произнес он. Я подняла руку. *Сказать что?*

Хозяин рядом со столиком прочистил горло. Он выглядел очень раздраженным из-за Коула.

— Не желаете чего-нибудь выпить?

— Воды, — сказал Коул. — И колы. И еще воды.

Я презрительно посмотрела на хозяина.

— Мне воды, пожалуйста. Не приносите ему колу.

Коул запротестовал:

— Эй, — но хозяин, кажется, был согласен, что Коулу не нужно больше сахара или кофеина, потому что коротко мне кивнул и быстро удалился.

— Ох, эй, — Коул зашипел на меня, наклонившись вперед, задев лампу головой. — Приходи вовремя. Эта фраза все еще актуальна? Потому что так оно и есть. Приходи. Вовремя.

— Привет, детишки, — сказала Бейби. Она появилась возле нашего столика, со своей

широкой улыбкой и ямочками, как и всегда. Я продолжала представлять, что ей нужно маячить и выглядеть, как злой гений, а она продолжала... нет. — Куда мне сесть?

Коул вскочил и скользнул в кабинку рядом со мной, толкнув меня плечом. Он указал туда, где он только что сидел сам.

— Туда. Возьми все, что было моим.

Она села. На ее лице все еще была та частная, довольная улыбка, будто бы жизнь развлекала ее.

— Я не бывала здесь раньше.

— Мы достанем тебе меню. Справочник по еде в этом месте.

Описание всех... — Коул потерял интерес к своему собственному предложению. Он побарабанил пальцами по столу; я положила руку на его руку, молча сжав её.

Бейби не имела маниакальной энергии Коула, но почему-то ее взгляд продолжал неуловимо метаться, так что мне пришла в голову мысль, что она пыталась охватить весь ресторан. В основном людей. Ее глаза останавливались на крохотных элементах взаимодействия: один из суши-поваров поднимающий руку в жесте для другого шеф-повара. Мальчик из доставки в дверном проёме, приподнимающий свои брови в сторону официантки. Моя рука на руке Коула.

Мне было интересно, видела ли она нас всех, как игроков.

Нога Коула тряслась под столом. Я прижала своё бедро к его, и она остановилась.

Аккуратно одетая женщина с выкрашенной в красный прядью на ее черных волосах подошла к нашему столику. Она уставилась прямо на нас.

— Оу, мы еще не готовы, — сказала я ей.

Ее ноздри расширились.

— Я здесь не за заказом. Масаки сказал мне проверить вас.

Чего-то в ее тоне стало достаточно, чтобы этот суши-ресторан перестал быть моим любимым, и если бы я не сидела напротив Бейби, я бы предложила ей проверить что-то получше. Но вместо этого я просто сказала:

— Мы в порядке. Спасибо.

Мое *спасибо* не было полностью спокойным, но я смогла сделать его не таким холодным.

Девушка сжала губы, а затем оставила нас наедине.

— Странная, — сказал Коул.

— Интересная, — перефразировала Бейби. — Что здесь вкусненькое?

Я перевернула меню. На обложке было тусклое и непривлекательное фото ролла «Калифорния».

— Все виды сашими, — сказала я.

Коул провел пальцем вниз по меню, как ребенок, который учится читать.

— Ты хоть пробовал суши раньше? — спросила его Бейби.

Он покачал головой. Мне он сказал:

— Тебе придется показать мне, как этим пользоваться. Карандашами.

Он вынул палочки из бумажной обертки и теперь тыкал ими в меня. Я боролась с желанием отобрать их у него.

— Хорошо поработали на сегодняшней съемке, — сказала Бейби. — В основном.

Пальцы Коула полностью остановились.

— У Сатурна закончился бензин по пути на концерт.

— Как неудобно, — произнесла Бейби.

— Я знаю, что там было три четверти бака, — сказал Коул. Было странно видеть его без маски исполнителя и юмора.

Тем не менее, Бейби не выглядела сожалеющей. Она постучала по меню, а затем произнесла:

— Это стало идеальным эпизодом.

— Как и наш свадебный концерт, — сказал Коул.

— Нет, — ответила Бейби. — Тот эпизод был нормальным. Все должно быть очень громким, чтобы стать хорошим шоу.

Ледяным тоном я произнесла:

— Типа как нанять несколько полуголых девиц, чтобы те вторглись в его квартиру?

Бейби изобразила неподдельный шок.

— Я не нанимала их!

— Ох, да ладно, — сказал Коул. — Хватит притворяться.

— Как ты думаешь, Коул, почему ты мне нужен? — спросила Бейби. Он посмотрел на нее, надменно подняв подбородок. Я все еще чувствовала его трясущуюся ногу рядом с моей, обычное покачивание в такт, которое он хотел делать.

Я ответила за него:

— Потому что ты думаешь, что сможешь уничтожить его на телевидении. Ради хорошего шоу.

Ее глаза расширились.

— Ты в это не веришь, так ведь, Коул?

Он просто продолжил смотреть на нее.

— Ты разрушила всех остальных, — сказала я. Я знала, что это ранит чувства Коула, но продолжила, — Он нужен тебе, потому что ты считаешь его легкой мишенью.

На лице Бейби все еще было шокированное выражение.

— Мне нужен Коул, потому что он был артистом. Потому что он знает, как себя вести с толпой. Посмотри, видишь это? Он *был* сплошным беспорядком. Но посмотри на него сейчас. Он снова хорошенький. Из таких выходят хорошие шоу.

Я вспомнила, что Коул сказал, когда впервые увидел какой список для него приготовила Бейби. *Она хочет, чтобы я выглядел, как катастрофа.*

— Ты правда думаешь, что мир всех этих людей из моих шоу рухнул, а они сошли с ума? — спросила Бейби. — Что это сделала я? Ничего подобного. Нет, все они знали, что миру от них было нужно.

— Они были подставными? — сказала я и возненавидела взгляд, которым на меня посмотрела Бейби, как будто она не могла поверить, насколько наивной я была. Конечно же я знала, что реалити-шоу не были реальными.

— Ими *управляли*, — подправила Бейби. — Они давали зрителям то, чего они от них хотели.

Пустым голосом Коул произнес:

— А мы больше нравимся миру, когда идем на дно.

Бейби пожала одним плечом, как будто это был неизменный факт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— На самом деле, это не настоящее разрушение. Знаешь, что такое плохое шоу? Кто-то, пускающий на полу слюни в отключке. Блюющие рок-звезды. Слишком пьяные, чтобы

добраться до студии. Если бы у меня была настоящая катастрофа, я не сделала бы шоу. Видели когда-нибудь наркомана? Дерьмовая трудовая этика.

Я настолько по-другому представляла то, как будет проходить этот обед, что не могла вполне осознать это. С одной стороны, в ее словах был смысл. Но с другой — прошлой ночью я видела троих девушек топлес в квартире Коула.

— Я не верю в это, — сказала я. — Зачем еще нужны полуголые девушки, если не для того, чтобы соблазнить его?

Бейби сказала:

— Соблазнить? Посмотри на это, — она указала на нас двоих. Я не была уверена, что она пыталась показать. Может, близость между нами. — Соблазнить? Я увидела этих фанаток разгуливающими вокруг и просто указала им в правильном направлении. Я полагала, у Коула достаточно мозгов, чтобы превратить это в хорошую сцену. Я не копирую мои шоу, чтобы сделать драму. Я просто... выравниваю края. Создаю для людей ситуации и снимаю то, что случится.

Коул сказал:

— Но я создавал ситуации.

— Недостаточно, — возразила Бейби. — Так что я просто использую возможности, когда они подворачиваются. Пыталась ли я обмануть тебя? Нашел ли ты наркотики в ванной, чтобы соблазнить тебя? Пиво в холодильнике? Сделала ли я что-то, чтобы выбить тебя из колеи?

Коул нахмурился:

— Музыканты. Те, которых я уволил. Один из них мертв. Чак.

Призрачный намек на что-то появился на лице Бейби.

— Чип.

— Да, ну, Джереми сказал мне, что он мертв. А второй паренек был в дерьме. Это выглядит довольно... запланировано.

Он не говорил мне об этом. Я задумалась, было ли это потому, что он пока не знал, что делать с этой информацией, или потому, что не хотел, чтобы я знала.

— Они были катастрофами, — призналась Бейби. — Невозможно точно сказать, на грани ли человек, но можно догадаться. Я полагала, что если Чип будет продолжать в том же духе, то загремит в больницу во время какого-то концерта. И, может быть, ты бы в пух и прах разругался с Денисом, потому что сейчас ты чист, и, возможно, кто-то бы начал драку. Я не против того, чтобы нанять реальную катастрофу для некоторых сцен.

— Значит ли это, что у Лейлы есть свои скелеты в шкафу? — потребовал Коул.

Бейби рассмеялась.

— Нет. Было задумано, что ты просто будешь ее ненавидеть.

— Прекрасно.

— Я проделала исследования. Изабел, ты все еще выглядишь несчастной.

Я была не несчастной, а подозрительной. Остальные крушения были такими полными. Такими убедительными. Было ли это потому, что я, как и остальная часть американского общества, была готова поверить, что катастрофы неизлечимы? Или просто потому, что я была готова поверить, что в частности Коул был неизлечим?

— В итоге, ты не враг.

— Изабел, — произнесла Бейби. — Я делаю это не для того, чтобы попасть в суд. Если что-то и разрушает моих героев, то это они сами. Говорю тебе. Я просто создаю для них

ситуации. А как в них поступить решать только им. Если здесь и есть враги, то они внутри их самих.

Мне не стоило удивляться. Все в Лос-Анджелесе было прикрытием для чего-то другого. Уродство, замаскированное под красоту, и вышло так, что теперь красота притворятся уродством. Я задумалась, было ли в целом мире хоть что-то реальное.

— Итак, ты хочешь, чтобы я старался лучше? — в конце-концов сказал Коул. — Тебе нужно шоу. Шоу Коула Сен-Клера.

— Я знаю, что тебе известно, как это сделать, — сказала Бейби. — Я уже говорила, что проделала исследования.

— Это должно быть падение? — спросил он. Немного тоскливо, если знать его.

— Сделай это хорошо. Это все, что меня волнует. Ах...

Другая молодая женщина подошла к столику. Она выглядела еще менее дружелюбно, чем предыдущая, если это возможно. Совершенно неофициантским тоном она потребовала:

— Что ты хочешь?

Я потянула меню к себе.

— Я...

Она покачала головой. Она смотрела на Коула.

— Что тебе здесь нужно?

У него было по-прежнему озадаченное выражение лица.

— Она может заказать вместо меня.

Ее взгляд метнулся ко мне. А потом обратно к нему.

— Ты здесь из-за еды?

Теперь его лицо прояснилось.

— А. А, теперь я вижу. Да. *Еда*. Это ее любимый ресторан. Мне нравится, как эти круглые выглядят на фото, — своим указательным пальцем он очертил бесцветную фотографию ролла «Калифорния» на обложке. Бейби внимательно наблюдала.

Девушка стала выглядеть на восемь градусов недружелюбнее, а затем исчезла.

Я повернулась к Коулу:

— Ты был здесь раньше?

Голос Коула был немного рассеянным:

— Когда я сказал, что думаю, что бывал здесь раньше, я не имел в виду *здесь*. Типа в этом месте. Я думаю, такое могло случиться. Они должно быть узнали меня. Возможно, он подумали, что это... как раньше.

Как раньше. Под этим «раньше» подразумевалось, что он заходит сюда, а они вспоминают, что это тот самый парень, которому было нужно немного кокаина для начала? Меня замутило. Я не могла винить никого, кроме себя самой. Я прекрасно знала, кем Коул был до того, как я встретила его.

Бейби, тем не менее, просто продолжала улыбаться своей частной улыбкой. А почему бы и нет — Коул просто демонстрировал свою подноготную.

Хозяин вернулся. Позади него была девушка я крашенными волосами.

— Ты Коул Сен-Клер? — спросил хозяин.

Коул кивнул головой. Всего лишь одно небольшое движение. Сейчас он был совершенно уверенным и высокомерным, полностью вернувшись к своему публичному образу. Он стал слишком большим для своей стороны кабинки; он превратил ресторан в фон для своей индивидуальности. Вот, что получал от него весь остальной мир.

— Мы же говорили тебе никогда больше не возвращаться.

Коул склонил голову:

— Возвращаться?

— Мы сказали, что тебе тут больше не рады. Ни тебе, ни твоему другу. Вы все разрушили. Я не могу забыть твое лицо после этого.

Внезапное осознание и что-то более болезненное и пустое промелькнуло на лице Коула. Последнее было таким быстрым, что только я это заметила.

— Оу. Это. Слушай, это было давным-давно. Такого не произойдет в этот раз. Я чист. Я просто хочу мило пообедать здесь со своей девушкой.

Я могла бы убить его за то, как он случайно проронил это слово посреди всей этой фигни. *Девушка.*

Хозяин не улыбался.

— Чистота — не гарантия.

Теперь Коул утратил свое хорошее настроение.

— И что же гарантия, мой друг?

Девушка с крашенными волосами сказала:

— Тебе нужно уйти из Чайна Вайт в местечко получше.

Бейби продолжала улыбаться. Миру нравились неудачники.

— Я здесь, — ровно проговорил Коул, — за чертовыми суши.

— Выметайся, — ответил хозяин. Он отступил назад, чтобы позволить нам выйти из кабинки. — Тебе не рады.

— Что же, мой друг, — по-зловещему открыто произнес Коул, — это выглядит как дерьмовое бизнес-чутье. Вы обычно проверяете ваших покровителей прежде, чем они садятся? Это ресторан для святых? Только для монахинь? Будды? Других забредших в Корейский Квартал ангелов? Однако вы все равно остаетесь открытыми, вышвыривая всех грешников?

Он привлек все внимание суши-шефов и официантов. Они пялились на нас обоих. Я знала, что, чтобы не случилось, после этого я навсегда останусь для них *девушкой Коула Сен-Клера*. Никакого хорошего конца.

Я больше никогда не смогу снова заказать здесь сашими.

— Большинство грешников не запоминаются нам, как это случилось с тобой, — холодно произнес хозяин. — Вон.

Я отрезала:

— Что ты *сделал*, Коул?

Бейби наблюдала за нами: туда-сюда, как за теннисным матчем.

— Это было *очень давно*, — повторил он.

Хозяин сказал:

— Не так уж давно.

Я была так унижена, как если бы сделала что-то сама.

— Отлично. Давай просто уйдем.

В глазах Коула что-то вспыхнуло, но он вышел из кабинки и презрительно швырнул свою салфетку на стол.

— Эффект бумеранга, — сказал он хозяину.

Один из парней за стойкой медленно крутил свой нож, что только свет отбивался от него.

— Ой, я вижу тебя. Я в ужасе, — сказал Коул. — Попридержи коней. Мы уходим.

Я не могла вспомнить, когда мне в последний раз было так стыдно. Один из плюсов пофигизма. Я не могла связать и двух слов.

Я провела так много послеобеденных часов, делая домашку в Юзу, просто в одиночестве, тут, где никто не знал, кто я или как выглядит мое обычное выражение лица, а теперь мое время здесь изменилось из *нынешнего* и в *прошрое* всего за несколько минут.

Выйдя в мертво освещенный торговый центр у черта на куличках, Коул сказал Бейби холодным и отстраненным тоном:

— Перенесем на потом. У меня пропал аппетит.

— Ты уверен? — спросила Бейби, когда мы направились на эскалаторе обратно вниз. — Это могло бы стать идеальным моментом для съемки классного шоу.

— Ага, — сказал Коул. — Да, я уверен. Я могу подумать о чем-то получше.

Бейби сказала:

— Тогда сделай это. У меня есть величайший сюрприз на твой день рождения, но ты должен его заслужить.

Мы разошлись с ней на тротуаре. Он был отвратительно белым и бетонным после тусклого торгового центра, в котором время остановилось. Мы не разговаривали, пока не вернулись к внедорожнику.

— Что это было? — выплонула я. — Что ты сделал этим людям?

Коул покачал своей головой на пассажирском сидении.

— Я не знаю.

— Как ты можешь не знать? Я видела твое лицо. Ты знаешь.

— Изабел, я не *помню*.

— Не *лги* мне! — отрезала я. — Я видела. Что ты сделал?

— Виктор и я... — сбоку от меня Коул сжал пальцами переносицу и, спустя секунду, отбросил их, как если бы выбрасывал идею из головы. До этого он был обеспокоен. Теперь он метался внутри собственного тела.

Я вела внедорожник мимо светофора, миновав жилой дом с линией крыши пагоды.

— Я надеюсь, это значит, что ты пытаешься придумать, как сказать мне, почему я больше никогда не смогу вернуться в свой любимый ресторан.

Коул сказал:

— Изабел, Господи, дай мне секунду.

— А еще, — зарычала я. Теперь гнев развивался должным образом. — *Девушка?*

— Что? Ты и за это хочешь извинений? Есть, вероятно, документ, который я должен заполнить, прежде чем сказать это, верно? Господи. Из всех событий...

Из всех событий. Возможно, у него были девушки прежде, но я длительное время намеренно ни с кем не встречалась. И теперь я даже не знала, говорил ли он это, только чтобы успокоить подозрительную официантку, или потому что он думал, что я действительно была его девушкой. И я даже не знала, хочу ли я ею быть после этого. Я не знала, имело ли значение, что твой парень не был неприятностью, когда весь остальной мир считал, что это так.

Коул уперся виском в окно, бросив взгляд на безоблачное небо.

— Я пытаюсь, — наконец сказал он. — Я пытаюсь, и всем на это наплевать. Я всегда буду ним.

— Кем?

— Коулом Сен-Клером.

Факт настолько очевидный, что глупо было его произносить, но я точно знала, что он имеет в виду. Я просто знала, какого это, когда твой худший страх — быть собой.

КОУЛ •

Вот, что я знал: если бы я сейчас вернулся в квартиру один, то вошел бы в ванную и воткнул иглу себе под кожу, и даже если это не были бы наркотики, даже если это было намного *безобиднее*, чем наркотики, это напомнило бы мне о том человеке, которым я был не так давно. Человеке, который пошел в Корейский Квартал за зарубкой и разгромил суши-ресторан, когда все пошло наперекосяк. Я не мог принять ту ненависть к себе, которая была у меня тогда.

Так что я умолял Изабел взять меня с собой обратно хотя бы ненадолго.

И она, должно быть, знала меня, потому что сделала это даже при том, что была зла.

Мать Изабел жила в одном из тех домов, которые могли быть куда более милыми, если бы соседние не были точно такими же милыми. Для меня это не было похоже на Калифорнию — это выглядело как Высший Средний Класс, США. Изабел припарковала свой огромный внедорожник на подъездной дорожке; она сделала это так аккуратно и умело, что я был уверен, что она намеревалась сбить цветочный горшок справа. Когда она вышла в вечерний двор, пренебрежительно приоткрыв рот, я понял, что был прав. Это была партизанская война: Изабел против пригорода. Она еще не *поняла*, но единственным способом добиться успеха было отступить. Или, может быть, она и поняла, но все пути к отступлению были перекрыты. Поэтому она решила вступить в бой.

Один только вид этой улочки навлек на меня усталость. Это напомнило мне о моих родителях и Фениксе в Нью-Йорке.

Мы прошли в центр прихожей, где пахло освежителем воздуха. Обстановка была бесконечно милой, и я забыл, как это выглядит, едва отвел глаза. Изабел была здесь не к месту — диковинка. Она поджала свои конфетные райские губы, а потом мы слышали, как ее мать позвала:

— Изабел?

Изабел предупредила меня, что ее мать будет дома и что она позаботится об этом.

Потом послышался тихий грохот: мужской голос.

Изабел сузила глаза в тот же момент, когда София появилась на ковре перед нами, выглядя такой же неуместной здесь: с сонными глазами, перенесенная из немого черно-белого кино, в сочетании с одной из этих причесок, где кудри улаживают набок, и текстом, напечатанным причудливым шрифтом внизу экрана. Своей белой рукой она ухватила за перила. Она пробормотала слова. Напечатанными внизу экрана они выглядели бы так: «*Твой отец!*»

Том Калпепер.

В последний раз я видел его над телом Виктора, за две тысячи миль отсюда, миллион лет назад. Хотя, Калпепер не знал, что это был парень в волчьей шкуре. Он просто пытался убить что-то с острыми зубами. Так что, смерть Виктора на самом деле не была его виной. Она была моей. Всегда моей.

Мне следовало вернуться в квартиру.

— Изабел? Это ты, да? София, это Изабел?

Обе девушки посмотрели на меня. София молча спустилась с последней ступеньки и

начала дергать меня за руку. Потом она подумала лучше и сделала небольшой жест рукой. Текст на экране: «*Иди за мной!*». Изабел приложила палец к губам:

— *Шши (воздушные поцелуи/детка/воздушные поцелуи/дыши со мной)*, — и прошла в другую комнату.

Когда София потащила меня по коридору, а потом прямо через милую, красивую, незапоминающуюся кухню в направлении открытой двери открытой двери к патио, я услышал как Изабел холодно произнесла:

— Ох, как чудесно. Все составляющие моей ДНК снова вместе.

София не останавливалась, пока вела меня через небольшой дворик прямо к небольшой игровой площадке с домиком напротив него. Это была одна из тех площадок с зеленой пластиковой горкой, стеной для скалолазания и обычно осиным гнездом внутри. Домик был размером с четыре фута и тускло освещался светом с крыльца. София заползла в дальний угол, обняв колени руками, а я сел в другом углу. Я осознал, что нам все еще было слышно Калпеперов, особенно когда мгновение спустя они зашли в кухню с открытым окном. Небольшое окно с зелеными ставнями даже предоставило нам возможность наблюдать все веселье: мы с Софией оставались для них незаметными, но они светились, как экран телевизора.

— Я смотрю, ты заезжала в химчистку, — сказала Изабел тем же холодным голосом. Она налила себе стакан воды. Она ничего не сказала своему отцу.

Мать Изабел провела рукой по своим бедрам. На ней были идеально белые брюки и черная блузка с вырезом. Она была одной из тех славных женщин, которые были *собранны* в кучу, а не *созданы* такими. Обычно матери с дочерьми выглядели как снимки до/после, но в этом случае они двое просто покидали помещение, оставляя всех в благоговении перед генетикой.

— Твой отец хочет узнать, не хотим ли мы провести с ним выходные, — сказала мать Изабел.

София рядом со мной скрутилась клубочком. Все, что мне было видно через ее колени, это огромные глаза, которыми она смотрела на кухню. Они блестели, как будто от слез, но она не плакала. Я задумался, сколько ей лет. Пятнадцать? Шестнадцать? Она казалась младше. У нее все еще была та таинственная черта, как у всех юных детей, которая пробуждала у людей желание заботиться о ей, а не встречаться.

— Здесь? — сказала Изабел на кухне. — Или в Сан-Диего?

— Дома, — сказал Том Калпепер. Он прислонился к дверному проему со скрещенными на груди руками, выглядя по-адвокатски. — Конечно.

Изабел ровно улыбнулась в свой стакан.

— Конечно.

София прошептала:

— Хотела бы я быть как Изабел.

Я снова обратил свое внимание на площадку.

— Что это значит в твоём понимании?

— Она всегда знает, что сказать, — поспешно произнесла София. — Когда мои родители спорили, я просто плакала и выглядела по-идиотски. Изабел никогда не расстраивается.

Я не знал об этом. Я думал, Изабел всегда была расстроенной.

— Нет ничего плохого в плаче, — сказал я, и приврал, — Я плачу все время.

София подняла бровь и улыбнулась мне через свои колени. Я увидел только ее уголок ее губ — застенчивый и недоверчивый. В любом случае, ей понравилось то, что я сказал. Я достал свой крошечный блокнот и записал лирику воздушных поцелуев, пока не забыл об этом.

— Твои родители в разводе? — спросил я.

Она кивнула.

— Твой отец тоже был придурком-адвокатом?

Она покачала головой. Ее блестящие глаза заблестели чуть больше.

— Не адвокатом, и не придурком, — она даже не могла произнести «*придурок*» ненавидящим тоном. Она сказала это очень осторожно, как будто говорила об анатомии, и не хотела, чтобы кто-то услышал ее.

Я услышал, как на кухне Изабел по прежнему очень холодно сказала:

— Двухчасовая дорога не предоставляет тебе конкретного права на мое время. У меня были планы. Если вы с моей матерью хотите насладиться выходными, полными взрослых занятий и принадлежностями для плавания, то я не против. Вы взрослые люди.

— Совершеннолетие не дает тебе права на грубость, Изабел, — сказал Том. Я закрыл глаза и подумал о различных способах, какими я мог бы причинить ему боль, от самого простого к самому жестокому: своим кулаком, своими словами, своей улыбкой. — Со своей матерью ты также разговариваешь?

— Да, — сказала Изабел.

Я открыл глаза и спросил Софию:

— Как давно твои родители в разводе?

София пожала плечами и потерла пальцем о домик. В тусклом свете я различил, что она касается слов «*тут была София*», написанных шрифтом с завитушками. Она грустила тем способом, что не требовал от меня никаких действий, и это заставило меня захотеть сделать что-то. Я порылся в кармане своих брюк-карго, пока не нашел маркер, а потом наклонился через нее и написал «*тут был Коул*». Я подписал это. Я хорош в своих подписях.

Ее зубы образовали крошечный полумесяц в темноте.

Я услышал, как голос Терезы стал громче, и мы с Софией оба начали снова слушать. Я пропустил конец ее предложения, но безошибочно уловил ответ Тома через открытые окно и дверь.

— Мы с тобой оба знаем, что любовь для детей, — сказал он. — Мы взрослые. Совместимость для взрослых.

— Совместимость для моего Блютуза и моей машины, — ответила Тереза. — Только вот они прекрасно ладят, и мой Блютуз никогда не заставляет мою машину чувствовать себя дерьмово.

— *Что же*, — сказала Изабел, тонко, четко и осуждающе. — Я собираюсь оставить вас двоих здесь. Мне есть чем заняться, как, например, просверлить дыру в своей собственной колокольне. До скорого.

Том отвел свой смертельный взгляд от жены, чтобы посмотреть на дочь.

— Я ехал два часа, чтобы увидеть тебя.

Изабел стояла к нам спиной, так что я видел то, как она скрестила руки за спиной, вместо ее лица и то, как сильно своей левой рукой она ущипнула правую, что та аж покраснела. Голос по-прежнему был ледяным:

— И вот я перед тобой.

Она покинула комнату. Том облизнул зубы. Затем он сказал:

— Я смотрю, твое воспитание творит чудеса, Тереза.

Не существовало такой вселенной, в которой мы с Томом Калпепером были бы друзьями. София склонилась над телефоном, быстро набирая смс. Я не видел ничего, кроме имени Изабел вверху экрана.

Мгновение спустя Изабел появилась на площадке и проскользнула в домик — мне пришлось втиснуться рядом с Софией, чтобы освободить место. Изабел выглядела так, как будто была сделана из льда. Ее взгляд был направлен туда, где я подписал домик, но на самом деле она смотрела в никуда.

— Вот, — сказал я.

Я протянул ей маркер, но она не взяла его. Она произнесла:

— Я хочу забыть, что когда-либо была здесь.

София предложила:

— Я могу зайти внутрь и принести несколько печенек, если хочешь.

Изабел отрезала:

— Я не хочу, чтобы ты приносила мне чертову еду, София!

Ее кухне каким-то образом удалось сжаться еще сильнее и занимать еще меньше места. Изабел прикрыла глаза, приоткрыв рот.

Я был в сэндвиче из двух несчастных девушек, и у меня не было своей машины, чтобы уехать куда-нибудь, а даже если бы и была, то это был бы Сатурн. И когда София произнесла «печеньки», я на самом деле захотел одну, потому что наш обед был испорчен подозрительными суши-поварами. Но сейчас Тереза и Том Калпеперы устраивали настоящий фестиваль крика на кухне, так что, честно говоря, никто не смог бы зайти внутрь без жертв среди гражданского населения.

— Я взял бы печеньку, — сказал я Софии, — но я слежу за своим весом. Ты же знаешь, что камера накидывает двадцать футов, а жизнь становится бессмысленной, если я не могу выглядеть прелестно на камеру.

Изабел фыркнула. София засопела и пробормотала что-то.

— Что? — спросил я.

— Искажение объектива, — вдохнула София. — Вот почему она накидывает двадцать футов. Каждый — *вдох* — объектив технически является рыбьим глазом, так он увеличивает середину всего, типа твоего носа, живота и т. д. Все из-за освещения, вспышки, вedomой вспышки и — *вдох* — это мешает теням и краям, так что ты выглядишь толще.

— Ну, — сказал я. — Тебе лучше знать.

Сражение на кухне набирало обороты. *(Только что Тереза гордо прокричала: «Разве «адвокат» — не просто синоним слова «иллюха?»». А Том ответил: «Если мы говорим о женщине, которая работает всю ночь, то, думаю, правильным словом будет «доктор»»).*

Я вынул свой телефон.

— Хочешь посмотреть выпуск, который мы сняли сегодня?

София сказала:

— О чем он?

— Это сюрприз. Я могу сказать тебе, но тогда мне придется стереть тебя с лица Земли.

Изабел открыла глаза. Я поклацал в своем телефоне и открыл веб-сайт. Обе девушки наклонились немного ближе к освещенному экранчику в темноте.

Выпуск начинался с моей ссоры с Лейлой и быстрыми темпами переходил к нашей с

Чедом борьбе за Джереми.

— Что за идиот, — сказала София.

— Он знает, что Джереми женился на тебе раньше? — глухо вставила Изабел. Я знал, что она сказала это из-за Софии, чтобы казалось, что она поглощена просмотром видео, и ее грубость была прощена. Это работало также потому, что София отчаянно хотела ее простить.

После того, как я заполучил Джереми, мы трое отправились по адресу, что дала мне Изабел. Это была свадьба преданного фаната в Эхо-парке^[28]. Ну, это по словам Изабел он был преданным фанатом. Многое зависело от таланта Изабел одновременно изображать меня в Интернете и также знать, как искать что-то. Потому что если бы это оказалось свадьбой обычного человека или заурядного фаната, то мы направлялись к неприятностям. Время поджимало, а в Сатурне таинственным образом в дороге закончился бензин. Мы были вынуждены идти за бензином к заправке, где заправщик совершенно случайно меня узнал.

Я поставил видео на паузу.

— А это часть, в которой я проверяю, на самом ли деле Изабел знает все.

София спросила:

— Почему?

— Это она нашла свадьбу.

Широко раскрытые глаза Софии повернулись к Изабел.

Изабел произнесла:

— К счастью для меня, я знаю все.

И она знала. В конечном счете, мы добрались до Эхо-парка, где что жених, что невеста оказались преданными фанатами, а невеста неожиданно упала в обморок, в основном на камеру, когда увидела, как мы с Джереми выходим из машины. К ужасу всех присутствующих родителей, мы зажгли и сыграли несколько песен во всю мощь. Даже Лейла отбила не так ужасно. Это на самом деле был хороший эпизод.

София счастливо вздохнула:

— Это так романтично. Вживую тоже было так?

— Конечно, — сказал я.

Изабел листала комментарии к видео в Виртуальном Мне. Их было много. Слишком много, чтобы прочесть их все, даже если захочешь. Изабел покосилась на самый недавний. Он был длиною в абзац, полон любви к «Наркотике» и свадьбам, в нем спрашивалось, напишу ли я когда-либо еще одну песню типа «Злодея».

Пока мы оба читали, появился еще один комментарий.

Комментарий номер 1,362, всего одна строчка:

«падение коула сен-клера лицом вниз, вот как я его помню»

Изабел поджала губы. Она не смотрела на меня. Я чувствовал себя в ловушке между этим комментарием и перепалками в суши-ресторане и с Чедом. Я чувствовал, как мое прошлое подбирается все ближе и ближе, а не наоборот.

София все еще была в восхищении от зажигательной концовки нашего выпуска.

— Как думаешь, Изабел, на твоей свадьбе будет рок-группа?

— Я не выхожу замуж, — сказала Изабел, выключая телефон и убирая его. Она все еще

не смотрела на меня, на дом или на что-либо. — Я не верю в хэппи-энды.

Позже, в пустой квартире, это было все, что я мог четко вспомнить. Прерванный обед с Бейби был окутан туманом гнева и унижения. Разговор с Чедом — перепачкан сомнениями. Улыбки гостей на свадьбе — забыты.

Я помнил только, как единственный человек, с которым я хотел быть, говорит, что не верит в хэппи-энды.

Когда позже той ночью или раньше этим утром я сел в Сатурн, на радио играл «Злодей». Мой голос зарычал на меня, когда я свернул в переулок:

*«Разве не этого ты всегда от меня хотела?
По скидке поздней ночью не в своем уме
Я гораздо дешевле».*

Дороги были жуткими и заброшенными. Даже бары были закрыты. Отсутствие людей и солнца каким-то образом подчеркнуло отсутствие травы и листьев у тротуара. Это место было вырезано из бетона. На радио все еще звучал мой озлобленный голос. Я не выключил его.

«Не притворяйся, будто похожа на меня»

Пляжная парковка была пустой, а воздух, когда я открыл дверь, — холодным.

«Это обо мне»

Безразличие было достойным. Оно продлит это.

«Я останусь просто историей из твоей бурной молодости»

Я взял свои вещи и прошелся босиком по песку к океану. Я разделся. Там не было никого, кто мог бы меня увидеть, кроме черного, беззвездного неба и темных силуэтов пальм на краю парковки. Я воткнул иглу себе под кожу.

«Боже, ты злодей, злодей»

Конечно, я мог быть замечен. Кто-то мог бы увидеть, как я бегу по прибою в волчьем облике. Или кто-то мог увидеть меня через девять, пятнадцать или двадцать две минуты, когда я превратился обратно в человека. Или маловероятно, очень маловероятно, кто-то мог увидеть само превращение.

Но этого не произойдет. По статистике, не произойдет.

А угрозы было недостаточно, чтобы меня остановить. Я ждал, когда мои вены натянутся, а нервы задрожат. Если бы существовал способ избавиться от мыслей раньше боли, кричащей боли превращения, это было бы идеальным побегом. Чистейший наркотик, здоровый душевный отдых.

Иногда я забывал, каким грязным меня сделали наркотики. Но это было так, как сказала Бейби. Сейчас я был хорошеньким.

«Злодей злодей злодей»

А потом я наконец стал волком. Песок под моими лапами, холодный, сырой и бесконечный. Никаких цветов, по которым можно скучать на ночном пляже. Только звуки, запахи и ветер, шумящий в моих ушах, когда я бегу. Каждая мысль была образом.

Я скорчился в ледяном прибое. Вокруг не было никого. Пляж все еще был пустой. Это каким-то образом заставило меня чувствовать себя только хуже. Я один знал о себе правду, но этого было достаточно. Все остальные уже догадались.

Я всегда был им, всегда был Коулом Сен-Клером.

И я все еще слышал голос Изабел, когда она сказала *«я не верю в хэппи-энды»*.

ИЗАБЕЛ •

интернет: *Приветик, Коул Сен-Клер, это правда, что тебя вышвырнули из «Юзу»?*

виртуальный коул: *за то, что я такой хорошенький*

интернет: *Мой дружбан сказал, что это потому что вы устроили перестрелку у них в туалете.*

виртуальный коул: *тебе нужны новые дружбаны*

интернет: *ЛОЛОЛ люблю тебя, чувак*

виртуальный коул: *а кто ж не любит*

интернет: *Ты когда-нибудь напишешь еще одну песню, типа «Злодея»?*

интернет: *Кто та девушка, которую мы видели в последнем выпуске?*

виртуальный коул: *ужасно горячая инопланетянка*

интернет: *пошли ее! лю тя коул!*

виртуальный коул: *ужасно горячая инопланетянка уничтожит планету*

виртуальный коул: *на самом деле, я спасаю мир (нет)*

виртуальный коул: *скажи мне спасибо прямо сейчас*

интернет: *она не узнает ахах лол*

интернет: *Увидим ли мы Виктора снова когда-нибудь? «Накротика» жжет!*

виртуальный коул:

интернет: *Рад видеть, как вы с Джереми снова играете вместе! Что насчет Виктора?*

виртуальный коул:

интернет: *ОК, а теперь давай вернем Виктора!!!!!!*

виртуальный коул: *вы ребята доведете лейлу до веганского нервного срыва*

интернет: *ахахаха нет, но рил НАРКОТИКА НАВСЕГДА*

интернет: *что ты хочешь на свой день рождения?*

виртуальный коул: *оставаться вечно молодым*

Коул написал мне:

Вообще-то, я хочу тебя

КОУЛ •

Бейби позвонила мне и произнесла:

— С днем рождения. Готов к своему сюрпризу?

Я стоял в сдающемся в аренду доме по соседству с моей квартирой; я вломился сюда сразу после завтрака. И под «завтраком» я подразумеваю банан в булочке для хот-дога, а под «вломился» — я обнаружил, что одна из задних раздвижных дверей была не заперта. Я не был взволнован своим днем рождения, хоть и не мог точно сказать, почему. Я ответил:

— Мне он понравится?

— Я хорошо потрудились для этого.

— Можно подсказку?

— Просто наслаждайся поездкой, — сказала Бейби. — Ты, возможно, захочешь надеть штаны для нее. Надеюсь, ты работал над музыкой.

Первый сюрприз появился у меня на пороге в 10 утра. На самом деле, он был не на пороге. Он появился в переулке позади дома и ужасно шумел, пока я взбирался на крышу, чтобы посмотреть, что происходит.

Внизу ревел двигатель блестящей лазурной Ламборджини. На короткий миг я подумал, что это и есть подарок, а потом понял, что подарок вообще-то сидел позади водительского колеса в виде маленькой, прелестной латинки в белых очках-авиаторах. Она выглядела и богаче, и знаменитее меня, потому что так и было. Мое сердце непроизвольно пропустило удар.

«Ох, Бейби, ты сообразительная сволочь», — подумал я.

— Магдалена, — крикнул я. — Как мило, что ты заехала.

Когда я впервые встретил Магдалену, ее только заметили в маленьком городке в Арканзасе, Джорджии или Северной Каролине, дочь механика, которая развлекала себя угоном тачек и пением в торговых центрах. Она только выпустилась из старшей школы, записала свой первый мини-альбом и искала, где бы засветиться.

Она записала «Пробел» вместе с нами, а потом наши дороги разошлись. Я имею в виду, что я пошел дальше, чтобы сделать «Наркотику» знаменитой в нескольких других странах, а потом грохнулся в обморок в луже собственных слюней.

А она пошла дальше, чтобы записать один из своих танцевальных альбомов, который вошел в пятерку самых продаваемых альбомов десятилетия, выйти замуж и развестись с двумя актерами и одной актрисой в течении двух лет, лишиться, а потом снова получить свои водительские права за участие в уличных гонках и сняться в фильме из серии «Сцепление» — единственное, что принесло какие-то деньги. У меня все еще был постер, который она мне прислала. Металлическим синим маркером она написала:

Заткнись (и Поехали), Коул

Я понял, что у нее самая большая коллекция небесно-голубых суперкаров в Северной Америке.

Она также была самой хорошенькой пьяницей, которую я когда-либо знал. В старые опасные времена я был безумно влюблен в нее. Я был почти уверен, что Бейби знала обо всем этом. Я задумался, чего же она ожидала от меня в этом выпуске.

— С днем рождения, Коул Сен-Клер! — Магдалена снова заставила двигатель Ламбо зарычать. Откуда-то подул ветер и развеял ее черные волосы. Блестящие пряди казались созданными группой специалистов. — Сядь в эту машину, пока у меня не закончился бензин!

Я перегнулся через перила, ныряя в синеву машины. Я заметил, что Ти припарковал фургон рядом с ней и записывал каждую секунду. Также, на блестящем топе Магдалены был закреплен небольшой микрофон.

— Куда мы едем? — громко спросил я.

— Бейби сказала, что мы записываем песню?

— Ох, конечно же.

— Я записываюсь только в своем месте. Надеюсь, у тебя есть что-то, что заставит меня звучать хорошо.

— Моя барабанщица не поместится в эту машину.

— Она может взять это, — сказала Магдалена. Из ее голоса сочилось презрение и растекалось вокруг шин Сатурна.

Картинка того, как Лейла вынуждена снова ехать в Сатурне была сильным мотиватором. Я оттолкнулся от перил. Спускаясь по лестнице, я написал Изабел. **Виртуальный Я мог бы оживиться. Идет выпуск.**

Изабел ответила: **Интернет никогда не спит**

Я ответил: **ты могла бы прийти**

Изабел: **чертовы уроки допоздна**

Я написал: **скажи им, что у меня день рождения**

Она не ответила, но я и не ожидал этого от нее. Я позвонил Джереми.

— Я пришлю за тобой машину. Снимаем выпуск.

Джереми спросил:

— Какой способ?

Я сказал:

— Понятия не имею.

Магдален привезла меня в свою студию на Лонг-Бич. Я даже не мог назвать это студией. Я не знал, как это называть. Это был склад возле аэропорта Лонг-Бич, бетонные этажи и гигантские двери предназначались для грузовиков с прицепами. Он был достаточно большим, чтобы вместить в себе весь Венисский квартал. Половина его была занята небесно-голубыми суперкарами. Я не знал половину из них. Плоские автомобили с большими двигателями и спойлерами^[29], которые были похожи на орудия для пыток. Бетонный пол между ними был помечен широкими следами от шин, некоторые из них уходили в сторону.

В другой половине была студия. Это была самая большая и причудливая студия, которую я когда-либо видел, а мне приходилось видеть довольно большие и причудливые студии. Там были звукоизоляционные кабинки для певцов и барабанной установки, рояль и вертикальное хипстерское пианино, стеллаж с синтезаторами, целый набор гитар и бас-гитар, виолончели на стойках, ожидающие своего часа. Стены были покрыты акустической обивкой, а с потолков свисали микрофоны. На секунду мне показалось, что я учуял запах волка среди микшерных пультов, но затем он исчез и, возможно, просто исходил от меня.

Надо мной на стене висел плакат блестящих 3D губ, проколотых кольцом. Они были больше любой из машин и красными, как кровь в моем бьющемся сердце.

Это было чересчур даже для свержения. Я повернулся к Магдалене. Она уже пила что-то из небольшого стаканчика.

Небольшое пояснение: вещи в небольших стаканчиках накрывают больше, чем те, что в огромных.

Она улыбнулась мне. Это была улыбка, которую видели десять тысяч камер. Две из них были как раз направлены на нее.

— Хочешь чего-нибудь? У меня наверняка есть кое-что, что будет тебе интересно.

— Я чист, — сказал я Магдалене.

— Твое право, — рассмеялась Магдалена, и смех ее был немного хриловатым, как случилось со мной, когда я много гастролировал. — Миру нужно больше святош.

Я задумался: может, Бейби ожидала, что мы разругаемся? Я забил на эту мысль.

— Взгляни на все эти игрушки, что у тебя здесь есть.

Самым безумным было то, что это место — бетонное олицетворение ее воображения. Она была настолько на вершине топа — длиннющие волосы, огромные глаза, обтягивающий блестящий топ, замысловатый пирсинг в пупке, пояс, шире моей руки, штаны-клеш и тяжелые ботинки — что идеально соответствовала этому.

— Подождем, пока мальчики приедут, — сказала она. — Сыграй мне что-то, — она указала на рояль. Это был девятифутовый Стейнвей. Потому что семифутовый Стейнвей для позеров.

Есть только один вариант развития событий, когда вам предлагают девятифутовый концертный Стейнвей, особенно такой небесно-голубой, как этот.

Я сел за него.

Я не всегда был рок-звездой. У меня не было уроков игры на синтезаторе, о которых я просил своих родителей.

Я сыграл небольшой отрывок Баха. Намеренно медленно, высокопарно и мягко, как криповый клоун или шутка с участием Баха. Рояль был потрясающе настроен. Он практически играл сам по себе.

— Ну а теперь, Коул? — замурлыкала Магдалена, опираясь на рояль. Она закатила глаза в сторону камер. — Мы здесь одни. Конечно же тебе хочется.

Я улыбнулся ей — улыбкой Коула Сен-Клера — и сыграл еще один отрывок беспорядочного Баха: быстро, но профессионально — а затем ударил аккорды «Пробела».

Магдалена дико усмехнулась, сразу же узнав мелодию. Она убрала от губ стакан и запела, когда я дошел до нужного аккорда:

— Ударь это, ударь это, ударь это!

Каждый раз, повторяя «ударь это», она увеличивала мощность. Черт, у нее был ужасно громкий голос. И она совершенствовалась с тех пор, как мы впервые записали этот трек. Она выдохнула бит на грани фортепиано, когда я споткнулся и резко упал через припев «Пробела», пытаясь перевести аккорды синтезатора на фортепиано на ходу. Прошел миллион лет с тех пор, как я играл ее.

Но она все равно цепляла.

Кто бы не написал эту песню, он знал свое дело. Мое отражение хитро улыбнулось мне с блестящей открытой крышки рояля.

Магдалена продолжала петь.

И, ох, о, было прекрасно играть снова. Слышать, как кто-то подхватывает твой ритм, добавлять немного импровизации, снова и снова возвращаться к тем самым четырем впечатляющим аккордам, которые в течении двух славных недель Америка пела снова и снова, пока они не начинали им сниться.

Потом мы продали права на нее коммерческой организации и двинулись дальше.

Магдалена на пределе прокричала последний звук в то же время, как я обрушил на Стейнвей громкий басс, а когда последняя звонкая нота затихла, она сделала еще один глоток.

Я подумал, предполагалось ли, что она станет второстепенной катастрофой.

Я услышал медленные аплодисменты. Пришли Джереми с Лейлой, как и «мальчики» — звукотехники. Хлопал самый старший из техников. Ассистент снимал нас на свой телефон. Он спросил:

— Могу я выложить это в Интернет?

Магдален простодушно сказала:

— Почему нет. В любом случае, скоро он напишет что-то еще лучше, — а потом повернулась ко мне. Я все еще чувствовал себя слегка разбитым после того, как ударился в эту мелодию. Она положила свою маленькую руку мне на щеку. — Ах, Коул, я и забыла, как звучит талант.

ИЗАБЕЛ •

Я могла бы сказать, что до этого никогда не пропускала уроки СПМ и сделала исключение для Коула, но это было бы ложью. Я всегда считала уроки обратным процессом. Важна была лишь оценка. С тех пор, как я попала в среднюю школу, я постоянно находилась у той опасной черты между знанием всего материала и попаданием в неприятности из-за неучастия.

Пока единственный раз, когда я прогуляла СПМ, был на день рождения моего мертвого брата Джека, но, на самом деле, я не думала об этом, когда прогуливала. Я просто решила, что еще шесть часов в чьей-то средней школе сделают меня грубой и заставят плохо себя чувствовать физически.

В этот раз я прогуляла из-за другого дня рождения — Коула. Тем не менее, я не хотела делать ему сюрприз, пока он не закончит со своими делами, так что у меня образовался приличный отрезок времени, который было нечем заполнить. Обычно огромные промежутки времени наполнили бы меня тревогой и ненавистью к этой планете, но сегодня эти часы казались благоприятными. Я решила забрать Софию с урока эрху^[30] и заставить ее купить какие-то сексуальные ботинки прежде, чем поехать на Лонг-Бич к Коулу.

Я не могла сказать, что это со мной было. Хорошее настроение? Казалось, вполне возможно и такое.

Но когда я спустилась вниз по лестнице в Доме Разрушения, ключи от тюрьмы весело позвякивали мелодию побега, то увидела своего отца стоящим в фойе. Он выглядел опрятно и могущественно в сером костюме с иголки.

Я заколебалась. В этом была моя ошибка. Мой отец был рожден и обучен, чтобы замечать слабость. В секунду он уже смотрел на меня.

отец: *Изабел.*

изабел: *Отец.*

отец: *Не говори со мной в таком тоне.*

изабел: *Это мой голос.*

отец: *Ты прекрасно знаешь, о чем я.*

Я размышляла, смогу ли вернуться в свою комнату и спуститься вниз через окно. Физически я справилась бы. Практически я бы испачкала юбку. Нужно было выглядеть идеальной для Коула позже. Я понадеялась, что это не затянется надолго.

Внизу отец сверлил меня взглядом. Его взгляд был беспокойным, как бывало, когда он работал над крупными делами.

отец: *Нам нужно с тобой поговорить.*

изабел: *Я ухожу.*

отец: *Это не предложение.*

изабел: *Можешь поискать определение слова «предложение», когда я уйду.*

отец: *Изабел, пожалуйста, просто... пожалуйста, спустись вниз. Это важно.*

У него был странный голос. Я спустилась.

Меня охватила неприятная дрожь, как тогда, когда я узнала о Джеке.

Я проследовала за ним на кухню. За окном был день, так что все лампы были

выключены, но солнце было достаточно высоко над головой, чтобы светить в окно. От этого комната казалась холодной и враждебной. Моя мать уже расположилась внутри, опираясь скрещенными руками на столешницу. Она надела на себя презрение. Не самый хороший ее наряд, но лучше, чем слезы.

Мое хорошее настроение казалось вымирающим видом.

Я попыталась представить, что предположительно могло вызвать эти выражения на лицах моих родителей.

Я подумала, что знаю. Я просто не хотела...

— Мы решили развестись, — сказала моя мать.

Вот оно.

После всех предположений, аксиом и угроз, наконец, это случилось.

— Конечно же, — сказала я.

— Изабел, — отчитала меня мать.

Мой отец резко повернулся. Он не слышал, что я только что сказала, потому что был занят, перерезая горло моему хорошему настроению на островке в центре кухни. К счастью, гранит был специально подобран, чтобы легко очищать его от крови, апельсинового сока и разочарования.

Я попыталась понять, как это повлияет на некоторые вещи. Я правда не знала, сделает ли это все еще хуже. Или лучше. Или по-другому. В основном, я думала о том, что теперь, когда я уеду в колледж, подразумевалось, что мне придется приезжать в два отдельных дома, если захочу увидеть обоих родителей. И о том, что если Джек каким-то магическим образом вернется, то не узнает свою семью, потому что она развалилась. И я думала о том, насколько, согласно статистике, была бесполезна любовь и как ожидаемо все это было согласно относительному положению вещей.

— Ты плачешь? — спросила моя мать.

— Нет, — ответила я. — С чего бы мне плакать?

— Лорен сказала, что София много плакала, когда узнала о них с Пауло.

Мы с отцом оба посмотрели на мою мать.

— Когда? — спросила я, осознав, что вопрос был бессмысленным, как только сказала это. Развод не был похож на свадьбу или день рождения. Вы не назначаете дату и не покупаете цветы. Я подумала о фотографиях, которыми украсила всю стену в нашем доме в Миннесоте. Разнообразие фотографий со свадьбы и медового месяца. Мои доноры генетического материала были довольно привлекательными, они казались превосходной парой на каждом фото. Я могла бы сказать, что даже на этих ранних снимках можно рассмотреть семена раздора, но это было бы ложью. Они были прекрасны, непритворные фотографии двух красивых молодых людей, которые влюблены друг в друга. Они были влюблены до того, как поженились, влюблены на свадьбе и влюблены, когда у них появился ребенок Джек и ребенок Изабел.

Но не теперь.

Мой отец сказал:

— Хочешь поговорить об этом?

— Мы *уже* говорим об этом.

Моя мать стрельнула в отца взглядом, говорящим, что это очевидно.

— Что насчет Рождества? — спросила я. Это был глупый вопрос. Детский вопрос. Я немедленно разозлилась на себя за то, что задала его. — Не обращайтесь внимания. Я сама

ответила на свой вопрос.

Моя мать сказала:

— Ох дорогая, я не знаю. До этого еще несколько месяцев, — что заставило меня задуматься, произнесла ли я вообще *«не обращайтесь внимания»* вслух. Я была вполне уверена, что помнила процесс формирования слов.

Я задумалась, должна ли я извлечь свое хорошее настроение для достойного погребения, или же просто оставить его здесь, в Доме Разрушения.

На моей матери не было ее обручального кольца. Я заметила это только сейчас. На отце тоже. Мне хотелось рассмеяться. Действительно отвратительным и холодным смехом. Вместо этого я усмехнулась. Моему лицу нужно было изобразить *хоть что-то*.

— Что тебе нужно от нас? — спросила моя мать. Она сказала это ритмичным голосом, что значило, что она использовала голос, которым говорила со своим терапевтом, доктором Кэрротноуз, чтобы спросить меня об этом. Развод-в-цифрах.

— Ваши генетические материалы, — ответила я. Моя кожа как будто гудела. — И у меня уже это есть. Так что спасибо. Поздравляю со скорым расставанием. Ну, официально. Я ушла.

— Это неприемлемо, — объявил мой отец. Он был прав, но не оставалось ничего, кроме как принять это.

— Изабел... — сказала моя мать, но я уже ушла.

КОУЛ •

В тот день акустическая версия «Пробела» прокладывала свой путь через Интернет, как и мы прокладывали свой путь через «Воздушные Поцелуи» — трек, который я решил попробовать записать в этот раз. Мне пришлось переделывать текст на месте — он, в любом случае, лучше звучал с женским вокалом, но некоторые отрывки подразумевали меня, когда я писал это, и я не хотел слышать, как Магдален поет об Изабел, даже если об этом было известно только мне одному. Когда остальные прервались на ланч, я сидел, надев наушники, воткнутые в Корг^[31], и писал совершенно новый мост. Я записывал и перезаписывал пульсирующее сердцебиение своего синтезатора. Я заставил Лейлу записывать, перезаписывать и перезаписывать ее барабанную партию, что она сделала без жалоб или восторга. Джереми молча наблюдал первые несколько часов, а во время четвертого написал басовый риф, который заставил нас всех заткнуться. После этого Магдален ворвалась в кабинку и, лаская микрофон, записала вокальную партию, которая заставила нас всех зашуметь.

Она была ужасно пьяной.

Два года назад я бы тоже был.

Каков способ, Бейби?

Потом, когда два паренька Магдален сводили припев, она открыла одну из массивных дверей, чтобы мы все не умерли от отравления угарным газом, и мы катались на ее красивых автомобилях по кругу на складе, а потом на огражденной цепью парковке.

Солнце поднялось вверх, а потом, пока мы работали, каким-то образом спустилось вниз. Весь день был потрачен на микрофон. Пыль кружилась в воздухе большими, душащими облаками, все они были оранжевыми и фиолетовыми в закате, на фоне склада и голубых автомобилей все было красивым, промышленным и апокалиптическим.

Возможно, в эпизоде был всего один фрагмент. Завидное и прекрасное чрезмерие, хорошая музыка и красивые люди.

Как только я сел в автомобиль номер четыре или пять — Ниссан GT-R или что-то плоское в форме рта — Магдален забралась на пассажирское сиденье рядом со мной.

— Поезжай вниз по улице и обратно. Посмотри, на что она способна! — закричала она, указывая на идеально ровную дорогу, пролегающую перед ее складом.

— Вернемся через две минуты, мальчики!

Затем она повернулась ко мне и сказала:

— Разбей ее, малыш.

Я не знал, что это было, но явно не Сатурн, что уже было прекрасно.

Я выжал газ до упора. Прямо перед тем, как мы вылетели на длинную прямую дорогу к аэропорту, Магдален сорвала свой микрофон и выкинула его в окно. В зеркале заднего вида я наблюдал как он прокатился по гравию, а затем исчез из виду.

— Вандализм, — с беспокойством заметил я. — Бейби это не понравится.

Когда стрелка на спидометре поднялась, а склад исчез в облаке пыли, она произнесла грязным и сексуальным голосом:

— Наслаждаешься своей клеткой?

Двигатель взревел. В зеркале заднего вида я заметил операторов, которые вышли, чтобы снять наш небольшой побег.

— Какой еще клеткой?

— Той, в которой ты ходишь под их пристальным наблюдением. У меня для тебя кое-что есть, — сказала она. — Когда мы уберемся из их поля зрения.

Я налажал с переключением передачи. Что, черт возьми, я вообще знал о вождении? И что, черт возьми, это вообще был за автомобиль? Мы уже мчались на скорости 8000 миль в час, и я был вполне уверен, что включена только третья передача, а впереди оставался совсем короткий участок дороги.

— Если ты о наркоте, то я чист, моя дорогая.

Дорога заканчивалась обширной парковкой. Прежде, чем я успел нажать на тормоза, Магдален потянулась и врезалась в парковочный столб. Машина тут же закружилась. Всего на секунду мы были невесомы. Это была жизнь и смерть, ступор и движение одновременно. Автомобиль занесло в сторону, руль беспорядочно крутился, но там не было ничего, во что можно было бы врезаться.

Хаос без последствий.

Магдален отпустила тормоз. Машина с рывком остановилась. Мы посмотрели туда, откуда приехали. Пыль клубами следовала за нами.

— Я — величайшая, — заметила Магдален. — Коул, ты никогда не был чист.

— Я не употребляю, — сказал я, когда лобовое стекло очистилось. — Дай мне шанс.

— Ты зависим, — сказала она. — Ты был бы зависим, даже если бы никто не изобрел наркотики. Я видела тебя до того, как ты начал употреблять. Сейчас ты ничем не отличаешься.

Машина была такой громкой, даже когда не ехала.

— Сейчас я трезв.

— Тогда ты тоже был трезв. Может, мир считает, что ты любишь героин, но я знаю, что на самом деле является твоей зависимостью.

Я посмотрел на нее. Она — на меня. Я хотел, чтобы она сказала, что это *музыка*, но она не собиралась. Мы ввязались в это, будучи одинаковыми: амбициозные подростки без малейшего понятия, что делать, если небо однажды обрушится.

Она спросила:

— Видел этих больших черно-белых обезьян в зоопарке? Они весь день сидят, выставив свои *задницы*, пока толпа бродит вокруг. А затем они берут все игрушки в своей клетке и начинают бросать их и устраивать цирк. Они делают это ради смеха. Они делают это, потому что люди смотрят. Это даже не из-за игрушек. Только из-за толпы.

Она подразумевала *способ*. Затем она улыбнулась, острая и красивая — просто девушка, которая выглядела, как тогда в первый день в студии, еще до того, как все превратилось в дерьмо.

Магдален протянула свою раскрытую ладонь, в ней были экстази.

— Кто твой друг? Я.

Я ненавидел то, как сильно хотел взять их. Мое сердце разбилось так же, как и я сам уже некоторое время тому назад.

Но еще больше я ненавидел то, что Магдален верила в старую версию меня. Она была совершенно уверена, что я уже на дне. Мир не хотел, чтобы я собрал себя заново. Никто не хотел.

— Это Бейби тебе их дала? — спросил я.

Она издала звук презрения. Он сопровождался едким запахом алкоголя. Она была такой милой и дружелюбной пьяницей.

— Ох, Магдален, Магдален. Что она сказала, когда попросила тебя поучаствовать в шоу?

Магдален улыбнулась мне, снова положив свою другую руку мне на лицо. Эта улыбка была настоящей, а не ее «готова-к-съемке», как было до этого. Ее до неприличия красивые губы раскрылись, обнажив слегка щербатые зубы. Я неожиданно вспомнил, как Джереми говорил, что все кажутся ему детьми, и я сам мог разглядеть в ней маленькую девочку, которой она, должно быть, была до того, как ее заметили. Это было самой грустной вещью, которую я только мог представить. Я не понимал, как Джереми мог это выносить.

— Она сказала мне быть собой, — произнесла Магдален.

Я сомкнул в кулак ее ладонь с экстази. Ее глаза удивленно расширились.

Коул, каков способ? Никто, кроме меня самого, не собирался рассказать мне, как быть Коулом Сен-Клером.

— Ага, — сказал я. — Да, мне тоже.

Когда к нам подъехал фургончик с камерами, я снова завел машину и рванул туда, откуда приехал.

ИЗАБЕЛ •

Я была не в настроении выбирать сексуальные ботинки. Я была не в настроении даже глазеть на знаменитостей и анализировать, что заставляло их выглядеть таковыми. Я была в настроении для лабораторной работы. Еще когда я посещала уроки биологии повышенной сложности, я выяснила, что ничто так не занимало мой мозг, как препарирование, вскрытие или наблюдение. Биология была логичной, как ничто другое. Ты не можешь менять правила. Ты можешь только работать с ними.

Но это была не биология. Это был «Сансет Плаза», что, в своем роде, являлось полной противоположностью биологии. Он противоречил всякой логике. Он был знаменит тем, что там всегда было полно известных людей, но, не смотря на это, в нем не было ничего выдающегося. На самом деле, внутри «Эрикс» ничего из себя не представлял. Небольшой магазинчик славился тонким, истоптанным ковром, чистым пластиком и тусклым освещением, которое никоим образом не компенсировало закрытое снаружи желтым тентом солнце. Как по мне, «Блаш» был куда более милым в этом плане.

Но, зная «Эрикс», убогость была учреждением. Если ты выжил в городе, не будучи чертовски великолепным, то это значило, что ты действительно чего-то стоишь. В то время, как этот обычный магазинчик выживал за счет старины и хитрости, у совершенно новой, красивой витрины по соседству все время менялись владельцы, съедаемые Лос-Анджелесом.

— София, — отрезала я, потянув ее в сторону от красной эскалалды^[32]. — Смотри, куда идешь.

Взгляд Софии метнулся ко мне, но она все равно продолжила рассматривать народ на Стрип^[33].

— Видела ту женщину? Думаю, это была Кристина...

— Наверное, — перебила я. — Кинозвезды. Местная достопримечательность. Если ты не одна из них, я бы не советовала выходить на проезжую часть. Они не затормозят.

София продолжила таращить глаза, так что я продолжила держать за руку и переводить ее, смотрящую на все щенячьим взглядом, через дорогу от парковки к «Эриксу». Попав в тусклый магазин, я отпустила ее. Пока мы медленно бродили между стеллажами, я вытащила Виртуального Коула, чтобы посмотреть, как мир реагировал на акустическую версию «Пробела».

Хорошо. Они реагировали хорошо.

На самом деле, они топали и визжали, ненавидели, кричали и восторженно хлопали в ладоши. Музыкальные блоги распространили его. Музыкальные биты сопровождали анимационную картинку, на которой старый Коул выбрасывал вещи из окна в комнате отеля. Внизу горела подпись: КОУЛ СЕН-КЛЕР ВЕРНУЛСЯ.

Все четыре камеры моего сердца были опустошены.

Я обновила Виртуального Коула, отвечая и удаляя что-то, где это было необходимо, но мои мысли возвращались назад в Миннесоту. Коул вводил себе разные вещества в коридоре дома, который я не могла забыть. Он был парнем, потом волком, а затем снова парнем. Он умолял меня помочь ему умереть. Умереть или остаться волком.

Мои мысли переместились в гостиную, минуя прошлого Коула, к другому

воспоминанию в этом доме. К моему брату Джеку, умирающему в спальне в конце коридора. Сжавшемуся на кровати, горящему, решительно остающимся человеком, или пытающимся умереть. Все пропахло волком и смертью. Возможно, между этими двумя запахами не было разницы...

КОУЛ СЕН-КЛЕР ВЕРНУЛСЯ. Вернулся ли волк тоже?

Я осознала, что уже довольно долго плетусь за Софией, уставившись в телефон. Я подняла взгляд и увидела, что она пялилась на пару сандалий с ремешками, которые ни за что не надела бы. Она пялилась на них очень долго, и ко мне дошло, что на самом деле она смотрит не на них.

— София, — сказала я. — Ты ждешь, что они заговорят?

Она потерла свою щеку и моргнула на меня своими темными ресницами, послав извиняющуюся улыбку.

— Я просто задумалась. Папа придет в гости!

Я сразу же подумала о разговоре с моими родителями на кухне. Я ничего не могла вспомнить так четко, как странный голос своего отца, когда он сказал, что нам нужно поговорить. Я чувствовала, что собираюсь опрокинуть какую-то полку с обувью. Люди, которые говорят, что выместить все дерьмо на чем-то не поможет, когда ты зол, просто никогда этого не делали.

— Это будет прямо как букет котят, — сказала я.

София кивнула до того, как поняла, что это сарказм. Затем она ревностно произнесла:

— Мама сказала, что, возможно, пойдет гулять с нами.

Ее лицо сияло.

Я не могла разделить с ней эту надежду.

— О, да ладно! Они не сойдутся снова, София!

Моя кухня выглядела так, как будто я ударила ее. Ее щеки покраснели так, как будто я и вправду это сделала.

— Я и не говорила этого!

— Но твое лицо говорило. Вот как работает этот мир.

Как и ожидалось, в ее глазах заблестели слезы.

— Дело не в *этом*. Мы просто собираемся провести день вместе.

— Правда? И ты совершенно не надеешься, что они снова сойдутся?

София яростно покачала головой. Она потерла глаза тыльной стороной своей ладони. Они все еще выглядели хорошо, но теперь у нее на руке были разводы черной туши. Она настаивала:

— Я просто хочу снова проводить с ним время. Это все, о чем я беспокоюсь.

— Ладно, хорошо, — сказала я. — Я уверена, что это совершенно не будет неловко.

Она посмотрела себе под ноги. Я бы не чувствовала себя такой стервой, если бы она попыталась дать сдачи. Но она просто провела рукой по юбке, разглаживая ее, потом по волосам, а затем положила одну руку на другую, как будто утешала ее и укладывала спать.

— Я не в духе, — сказала я ей.

— Все нормально, — сказала она своим туфлям.

— Это не так, — произнесла я. — Скажи мне заткнуться.

Слеза капнула ей на туфли.

— Не хочу. Ты все равно всегда говоришь правду.

Но она не упомянула о другой стороне монеты: иногда правда была не самой лучшей

штукой, чтобы вмешивать ее в разговор. *Теперь*, спустя несколько минут после того, как я затеяла этот разговор, я поняла, что правильнее было бы на «Папа придет в гости!» ответить что-то вроде «Круто! Куда вы пойдете?».

— Правильно, — сказала я. — Да. Ты собираешься купить туфли?

— Мне они не нужны.

Я прикусила язык прежде, чем могла спросить, зачем тогда она вообще пришла. Она пришла, потому что я попросила ее.

— Давай просто уедем, пока нет ужасных пробок. Мне нужно попасть на Лонг-Бич.

Было сложно вспомнить то настроение, что было у меня утром. Еще сложнее было представить какой-то сюрприз на день рождения, который был бы в силах компенсировать мрачное выражение лица Софии. Которое было моей виной.

Толкнув дверь, я практически врезалась в Кристину. После того, как она выругалась и сказала «Извиняю *тебя*», я поняла, что вообще-то это была не Кристина, а просто одна из десятков взаимозаменяемых знаменитых молодых женщин, которые посещают это место, женщин, которые выглядят шикарными и стройными на экранах со своими острыми локтями и большими персональными солнцезащитными очками.

— Ой, да ладно, — сказала я ей и удалилась на неумолимо солнечный тротуар. София рядом со мной не могла взглянуть ненастоящей Кристине в глаза.

Рука Софии была у нее на талии. Было ясно, что у нее был ком в горле, потому что у Софии было всего 2 % от изящества ненастоящей Кристины. Было ясно, что она ужасно себя чувствовала, потому что ее кузина была сучкой. Было ясно, что, не смотря на все это, она все еще была немного взволнована приходом ее отца.

Я ненавидела это место.

КОУЛ •

Я сидел в наушниках в студии, сложив ноги на стойку напротив вращающегося кресла, и слушал трек. В последний момент я добавил свой вокал к хору.

Я звучал хорошо. Все звучало хорошо. Не просто хорошо, а *отлично*.

Несмотря на то, что прошло уже несколько часов и я должен был быть изнеможенным, я чувствовал себя так, как будто только проснулся. Мое сердце ворвалось в бешенную жизнь. Или мой мозг. Или мое тело.

Иногда, закончив с треком, у меня случался тот момент, когда я понимал, что он захватит мир. Было ли это субъективно? Знать, что ты только что сделал что-то, что будет звучать хорошо, играя на роликовом катке? Или это было в каком-то смысле шестое чувство, которое передавалось только через шнур от наушников?

Я взял свой телефон. Я позвонил Сэму, который не ответил, и оставил голосовое сообщение, в котором была только песня. Я позвонил Грейс и сделал то же самое.

Я больше не чувствовал себя завершённым, как было до этого. Я позвонил Изабел, не смотря на то, что знал, что у нее урок. Я не ожидал, что она ответит, но она это сделала.

— Только что я сделал кое-что великолепное, — сказал я ей. Мне хотелось, чтобы она была здесь со мной — на сыром, незапланированном бесконечном пути, который был похож на песню в моей голове. — Приходи купаться в моей славе.

— Я на уроке, — прошептала она. — Перефразируй.

Я снял наушники, но музыка все еще играла из них. Я чувствовал пульсирующие удары баса на своем бедре. Это ощущалось, как конец света. Или создание. Что-то взрывалось. Мне нужно было присутствие ангелов. Не хорошо было находиться одному в таком состоянии.

— Я уже это сделал.

— Используй слова.

Моими словами было *«ты нужна мне прямо сейчас я хочу поцеловать тебя я хочу чтобы ты была здесь я просто хочу тебя»*, но я не мог перефразировать это.

— Только что я записал свой первый настоящий трек с тех пор, как умер, и он собирается захватить каждый танцпол в стране, и это даже не лучшее, что я вообще написал, и кто-то платит за то, чтобы я пошел в студию и записал остальное, и я не могу дождаться, просто не могу дождаться, я хочу сделать это сегодня вечером и хочу, чтобы ты была здесь, потому что глупо делать это одному.

Я не знал, сколько из этого я произнес вслух, или, может, я сказал даже больше. Мой мозг спотыкался сам о себя, неожиданный адреналин, чувства и музыка, музыка, музыка, и мой рот не закрывался.

— Ты под кайфом? — с подозрением спросила Изабел.

Я рассмеялся. Я был под кайфом, но не в том смысле, что она подумала.

— Я сделал это. Я сделал что-то стоящее, Изабел!

— Молодец. Я уж... черт. Я должна выключить телефон. Просто помни... — она остановилась и мне показалось, что я услышал гудки, но, наверняка, это были просто голоса в ее классе. Я попытался сказать себе, что мне повезло, что она вообще ответила...

— ... если клиент исповедует другую веру, то вам нельзя богохульствовать, даже если

он на смертном одре.

— Теперь я СПМ? — спросил я.

— Да, — сказала Изабел. Она повесила трубку.

Из наушников в моем лэптопе я услышал, как повторялся трек.

Я чувствовал себя так, как будто поставил свою ногу на педаль газа и мне было некуда ехать. Вверх, вверх, вверх.

Магдален рывком открыла дверь. Она дико усмехнулась.

— А сейчас, — сказала она, — мы празднуем.

ИЗАБЕЛ •

Добраться до Коула заняло целую вечность. Сначала это была авария, потом какое-то огромное мероприятие в городе, затем час-пик и еще одна авария. Автомобили ползли и тормозили по автостраде. Моя 45-минутная поездка, превратившаяся в 1,5-часовую, превратилась в 2-часовую. Небо порозовело, потом вспыхнуло, а затем потемнело.

Мое настроение превратилось из плохого в еще худшее, а потом в наихудшее.

Я сказала себе, что оно того стоит, чтобы увидеть его лицо, когда я появлюсь в студии, надеясь, что он все еще будет там, когда я наконец приеду.

Я включила радио так громко, как только могла, пытаюсь вытолкнуть мысли о сцене, которая произошла с моими родителями на кухне. Все слова ушли, оставив позади только их жесты. Как ТВ-шоу без звука. Серия под названием «Калпеперы Разводятся».

Я не знала, почему меня это заботило. Мой отец даже не жил с нами. Я собиралась уехать в колледж. Они ненавидели друг друга, а именно это и делают взрослые, которые ненавидят друг друга. Это не меняло ничего, только делало все официальным.

Тем не менее, я не могла убедить себя, что мне плевать.

Вместо этого я сфокусировалась на дороге к студии Магдален. Было не сложно узнать адрес в Интернете, но я не знала, чего ожидать. На фотографиях это выглядело, как старый склад. Старый склад непонятно где.

Когда я добралась туда, он выглядел как дэнс-клуб.

На парковке было полно машин. Десятки и десятки из них были припаркованы внутри, на тротуаре, друг на друге. Пьяные и смеющиеся люди наполняли парковку.

Вечеринка.

Я не должна была удивляться, но все равно сделала это.

Я действительно была не в настроении для вечеринки.

На одну короткую, эгоистичную секунду я подумала над тем, чтобы развернуться и уехать домой. Коул не был бы разочарован, потому что он не знал, что я приду.

Но затем я подумала о том, что ждало меня дома.

Мне стоило просто пойти на урок.

Я закрыла глаза, потом открыла их и проверила свой макияж в зеркале заднего вида. Я попыталась представить, что обнаружу по другую сторону этой двери. Большую вечеринку, на которой полно веселящихся людей, и жалеющего себя Коула в студии, грустного и одинокого в толпе. Коулу всегда нравилось видеть себя одиноким, не важно, как сильно обстановка доказывала обратное.

В конечном итоге, единственным, что заставило меня сдвинуться с места была мысль о том, как счастлив он будет меня увидеть. Я вышла из машины.

Огромный склад кипел изнутри. Музыка рокотала над головой. Пол был скользким от пролитого алкоголя. Там был миллион танцующих людей. Полно девушек. Все воняло пивом. Надо всем этим висела пара огромных красных губ.

А затем я нашла его.

Коул Сен-Клер сидел на диване в окружении еще четверых парней, на другой стороне сидела девушка, она была знаменитой и красивой, а ее приторно золотая рука была обернута

вокруг его шеи. Камеры смотрели с обожанием.

Первым это почувствовал мой желудок. Я не могла пошевелиться.

Я попыталась быть справедливой. Я сказала себе, что так он развлекался с остальными. Я сказала себе, что он не обязательно под кайфом, даже если по телефону и кажется, что это так.

Я сказала себе, что мне просто показалось, что от него пахло волком до этого; на самом деле, я не видела, чтобы он превращался с тех пор, как приехал сюда.

Я сказала себе, что, возможно, он был чист, и он не был лгуном, и он не был Коулом Сен-Клером из Наркотики.

Но я не могла отвести глаз от него, сидящего на том диване с той до невозможности красивой девицей. Потому что для меня он совершенно точно выглядел, как Коул Сен-Клер из Наркотики.

Унижение и злость царапали меня изнутри.

Он не знал, что я была здесь.

Я собиралась уйти.

Я собиралась уйти.

Я собиралась уйти. Сразу же, как буду в состоянии отвести взгляд.

Коул заметил меня как раз тогда, когда я приказала своим ногам оторваться от пола и развернуться, а моя рука шарилась в сумочке в поиске ключей от машины. Я видела, как его глаза нашли меня, всего на секунду, а затем я поняла, что осталась слишком надолго. Потому что сейчас все собиралось...

— Изабел. Эй! Эй.

Я продолжила идти. Казалось, что дверь склада была в милях от меня. Я могла разглядеть ее, но она не становилась ближе. Я не поворачивалась. Я продолжала идти. Люди расступались у меня на пути.

— Изабел!

Снаружи, в темной ночи, я глубоко вдохнула пустой воздух, пытаюсь заполнить эту образовавшуюся внутри меня дыру.

— Эй, — Коул схватил меня за руку, останавливая. В такой близости я могла услышать запах алкоголя и табака. И волка. Волк, волк, *волк*. Это все было от него.

Я никогда не покидала тот дом в Миннесоте.

Я развернулась.

— Дай. Мне. Уйти.

В темноте парковки его глаза были яркими и блестящими, но под ними были мешки. Он был уставшим и проснувшимся. На вершине и на дне. Восстающим и сгорающим. Превращающим людей в вещи и выбрасывающим их.

— В чем проблема? — спросил он.

— Этот вопрос даже близко не подходит в этой ситуации, — ответила я. Мне, казалось, что нужно кричать, чтобы быть услышанной из-за музыки, но я просто чувствовала ногами вибрации из здания.

— А что это за ситуация? Собираешься меня в нее посвятить?

Я ткнула в него пальцем.

— Ты! Ты и есть ситуация!

Коул сузил глаза.

— Значит, ситуация *прекрасная*?

Индустриальные огни на проволоке снаружи склада потрескивали и мигали в такт музыке внутри. Каждый раз, когда я думала о них с той девушкой на диване, каждый раз, когда я вдыхала и чувствовала запах пива, что-то внутри меня делало то же самое. Я не знала, почему решила, что могу сделать это.

— Знаешь, что? Просто... Я даже не...

Я вырвала свою руку из его и начала возвращаться к машине. Она стояла на краю парковки. Это не казалось так далеко, когда я шла сюда.

— Значит, существовать — теперь преступление, — сказал Коул. — Это многое объясняет.

Возмущение было уже слишком. Я отрезала:

— Позвони мне, когда будешь трезв. Или, вообще-то, не надо.

Повисла долгая пауза, достаточно долгая, чтобы я разблокировала свою машину и открыла дверь.

Затем он сказал:

— Трезв? *Я и есть* трезв.

Это было так нелепо, что я даже повернулась к нему.

— Да ладно тебе, Коул. Не нужно меня оскорблять. Я не идиотка.

Он выглядел очень озадаченным. Он развел руками.

— Я не пил.

— Я могу чувствовать этот *запах* от тебя!

В моем доме невозможно было вырасти, не зная запах крепкого ликера, пива и вина. Не зная, каким чрезмерными они делали пьяных. Как они становились пародией на самих себя: затишье, если они вели себя тихо, ураган, если они были раздражены.

— Внутри есть пиво, — сказал Коул. — На диване было пиво. Но во мне его нет.

— Ладно. А та девица?

— *Какая девица?*

— Которая была на тебе? Эта?

Он пренебрежительно произнес:

— Магдален. Она в стельку пьяная. Ничего не было.

Ничего. Может, для него. Может, для него это не считалось, если вы не обнажены. Но для меня, той, которая никогда не была чьей-то *девушкой*, этого было предостаточно. Я приехала сюда для этого дурацкого сюрприза, этого сюрприза на день рождения, уставшая, а теперь мне хотелось, чтобы я никогда не приходила и не видела этого, и мне хотелось, чтобы он никогда не входил в «Блаш», и я больше не могла этого вынести. Я хотела вернуть то время, когда не ругалась. Я скучала по той Изабел. Все причиняло боль.

— *А волк?*

Он не сразу ответил. Ответ плескался у него в глазах, быстрый и виноватый. Господи, я не могла принять это. Я всегда это знала и просто притворялась.

— Значит, теперь ты снова просто Коул, не так ли? — потребовала я. — Коул Сен-Клер вернулся!

— Что? Ох. Это не так.

В ответ я выпалила:

— А выглядит именно так.

— *Выглядит и есть* — совершенно не одно и то же. Иначе это было бы одно слово. Точность, Калпепер. Я думал, это о тебе. Если бы ты была здесь, вместо того, чтобы

говорить, что не хочешь быть частью шоу о Коуле Сен-Клере, то увидела бы, что сегодня здесь на самом деле произошло. Не была бы частью обычной аудитории, что верит в слухи.

— Не пытайся заставить меня чувствовать себя виноватой в том, что я не была игроком в твоей жизни.

— Если ты чувствуешь вину, то это твоих рук дело, а не моих. Я никогда не просил тебя быть в шоу.

— Просил! Тебе и не нужно было. Это как огромное облако, что следует за мною повсюду.

— Что, значит, теперь у меня проблемы из-за того, чего я даже никогда не говорил? За то, что *хотел* больше времени с тобой?

Мои глаза защищало, как будто вот-вот из них прольются слезы, хоть я и не чувствовала никаких соответствующих эмоций.

— Да! Ты всегда хочешь большего от меня. Нормально относиться к голым девушкам в твоей квартире. Быть тобой в Интернете. Радоваться тому, что от тебя разит проклятым волком. Больше, Изабел, больше! Ну, у меня больше нет! Я отдаю тебе все, что могу без того, чтобы полностью... И вот, что ты делаешь?

Коул очень невесело рассмеялся.

— Это? *Это*? Я даже не знаю, что *это*. Дышать! Жить! Быть мной! В какой великолепный день это превратилось! — он сделал небольшой жест Наркотики рукой, что означало, что сейчас он покажет что-то новое. — С днем рождения, Коул! Счастливого-пресчастливого дня рождения.

— Я *здесь*, разве нет?

— Говоришь, что я облажался!

Это было уже слишком.

— Потому что *так и есть*.

Он подошел прямо ко мне. Я видела, что он был зол, но меня это не волновало. Волк, волк, волк.

— Я. Трезв.

Он вообще думал, что я могу чувствовать запах?

— Без разницы.

— Без разницы? — вторил он. — Может, я дам тебе слово?

— И почему я должна принять его?

— Может, потому что ты доверишь мне?

— *Доверяю тебе?* Неужели кто-нибудь это делает? Можешь быть уверен, Коул, что это никогда не будет одной из всех тех безумных вещей, которые я сделаю.

Вот так просто он ушел. Его тело все еще было здесь, но эти глаза были пусты. Коул Сен-Клер покинул здание. Очень аккуратный трюк и самое хитрое исполнение из всех возможных: он взял человека, которым был он сам, и выбросил его. Я могла бы почувствовать себя виноватой, но я уже знала, что увижу дальше. Я не попыталась ничего исправить. Я могла чувствовать запах волка и пива, помнила руку девицы, собственнически обернутою вокруг его шеи.

Я не почувствую себя плохо.

Я не почувствовала себя плохо.

— Не звони мне, — сказала я. — Прекрати так со мной поступать. Я не твоя... прекрати так со мной поступать.

Я села в машину.

Я не обернулась, чтобы увидеть, что он все еще стоял на парковке.

КОУЛ •

Я был трезв.

Я сказал ей правду, и это ничего не значило. В конце-концов она купилась на ту же историю, что и все остальные.

Имело ли значение, что ты изменился, если никто в это не верил?

После того, как Изабел ушла, я ходил на вечеринке, как в тумане. Я знаю, что сказал что-то Джереми. Я знаю, что улыбнулся на шутку, которую мне сказал какой-то парень. Я знаю, что подписал чью-то шляпу. Я не помнил никаких деталей. Все они потерялись в шуме, что стоял у меня в ушах.

Я двигался среди людей, пока не нашел Магдален на диванчике под огромными губами, развлекающейся с одним из ее ребят.

— Прощай, милая, — сказал я ей. Моя улыбка была трупом который я ненадолго воскресил для нее. — Я ухожу.

Магдален отпихнула парня.

— Еще рано. Я думаю, еще рано? Не уходи.

— Я должен, — сказал я. — Давай, обними меня по-сестрински.

Она, шатаясь, поднялась на ноги.

— Как скучно, когда ты трезв! Остайся.

Она обернула свои руки вокруг меня так, как я никогда бы не сделал с сестрой, если бы она у меня была. Я убрал ее пальцы от своего рта. Мне нужно было уйти раньше, чем почувствую-буду-сделаю что-то глупое. Мне нужно было выбраться отсюда, мне нужно было позвонить Изабел, мне нужно было не злиться и мне нужно было не думать о множестве известных мне способов, которыми я мог отвлечь себя от этого...

— Но подожди, стой, — сказала Магдален. — Это твой день рождения.

— Я помню.

— Тебе нужно остаться ради своего подарка.

Я посмотрел мимо нее. Здесь был Ти с камерой, не в состоянии скрыть свою довольную улыбку. У Джоан была такая же. Я осознал, что ради этого выключили музыку. Тусовщики в ожидании приглушенно болтали, растянувшись в неровную линию возле одной из дверей склада. Она была полностью поднята и я увидел ночное небо с тысячами горящих звезд.

Джереми стоял у двери, единственный, кто не ухмылялся. Его лицо было настороженным.

Я спросил:

— Он мне понравится?

Магдален повела меня через живой коридор к двери. Ти шел впереди, снимая мое выражение лица; Джоан следовала сразу позади.

Я вышел на ночную парковку. Три прожектора освещали мой подарок.

Это был мой Мустанг. Черный и сияющий, навороченный и новый — ну, больше нет. Он был новым, когда я купил его себе в награду за наш первый платиновый альбом, тогда я понял, что нельзя взять мустанг или свою душу в тур. Он не был новым, но все же был нетронутым. Я знал, что это мой Мустанг из Феникса, а не просто арендованный

автомобиль, потому что медаль Святого Кристофера^[34] все еще болталась на зеркале заднего вида, где я ее и оставил.

В этом свете он выглядел расплавленным. Черная краска была отражением черного неба, пока казалось, что внутри пусто.

Дверь открылась.

Моя мать встала с пассажирского сидения.

Мой отец встал с водительского сидения.

Ти крутились рядом, чтобы продолжать снимать мое лицо.

Это было отражением машины, которая была отражением неба, которое было кусочком вселенной, содержащей бесконечное нечто.

Не было ничего неправильного в моем отце, кроме того, что его лицо было немного похожим на мое, и не было ничего неправильного в моей матери, кроме того, что на ней был надет отдельный костюм, и не было ничего неправильного в них обоих, смотрящих на меня, кроме того, что это ощущалось так, как будто грузовик въехал в мое сердце.

— С днем рождения! — закричала толпа людей позади меня.

Джереми стоял возле машины, опустив плечи и глядя на меня. Он был единственным здесь, кто знал, что это не было подарком.

Я посмотрел на своих родителей. Они — на меня. Они многозначительно уставились на меня.

Я позволил им думать, что был мертв.

Я не позвонил им, когда миру стало известно, что это не так.

Внешне они совсем не изменились, разве что стали более пыльными и старыми. Мой отец всегда выглядел хрупким; сейчас он выглядел так, как будто у него рак. Я узнал ветровку, что была на нем надета. Я знал эти мамины туфли. В них не было ничего неправильного, кроме размеренного постоянства их жизней, круговорота «бакалея-офис-суббота-кровать-белье-стирка-воскресная служба-вторник-рататуй-ночь-четверг-церковь-ополаскиватель для рта-повторить».

В них не было ничего неправильного, кроме того, что три года назад я решил, что скорее умру, чем стану таким, как они.

Они были действительно милыми людьми.

Они пригнали сюда эту машину для меня.

Я не мог пошевелиться, потому что движение могло привести к эмоциональному воссоединению с ними.

Громким и выдающимся голосом Магдален произнесла:

— *Это будет такое шоу!*

Это значило, что я стоял здесь слишком долго, выражение моего лица было слишком открытым и кто знает, как долго я не был Коулом Сен-Клером перед камерами.

Да и все равно я не знал, что бы он сделал. Я понятия не имел, что бы сейчас сделал Коул Сен-Клер, стоя лицом к лицу с этими людьми. Одной из причин того, почему я создал его, *было то*, что он не мог сосуществовать с ними. Потому что он был противоположностью, всем, чем не были они. Он был альтернативой тому, чтобы всадить себе пулю в башку.

Это не было мучительным, эта трансформация, до тех пор, пока я не возвращался домой.

А теперь: это.

Мне не нужно было волноваться о сопливом воссоединении. Оба мои родителя робко взглянули на камеры.

И это наконец стало моим напоминанием. В конце-концов, это все еще было шоу. Если им нужен был настоящий я, то стоило сначала позвонить.

Я бросился вперед и схватил свою мать за локоть. Небольшую птичью косточку, покрытую кардиганом.

— Добро пожаловать на телевидение! Не стесняйтесь! Давай сделаем ту старую штуку между матерью и сыном, а?

Я раскрыл перед ней руки в широком объятии, ужасно сентиментальный жест в стиле Коула Сен-Клера, потом закружил ее прочь от меня в танцевальном движении, а затем направился к своему отцу. Когда я обошел машину в его направлении, он уставился на меня, как на атакующего медведя. Но я не обнял его. Я просто схватил его за руку. Я по-мужски пожал ему руку, пока он на меня смотрел, раскрыв рот. Затем я использовал свою вторую руку, чтобы проделать то дружеское рукопожатие, включающее в себя хлопок ладонями и удар кулаками в конце.

— Какое славное воссоединение, — сказал я им обоим и оставшимся глазеть тусовщикам. Я отпустил безвольную руку своего отца. — Ошеломляющая пунктуальность. Я, вообще-то, только что записал здесь шедевр. Думаю, вы оба согласитесь, что, услышав его на крышесносящей громкости, не останется ничего, кроме как двигать своими бедрами.

Я сделал небольшое танцевальное движение, чтобы продемонстрировать. Мой взгляд оторвался от Джереми — я не мог вынести то, что видел в его глазах — и продолжил блуждать.

— Я этого не ожидала, — сказала моя мать, издав смех-кашель.

Отец коснулся своего адамового яблока. Он был доктором Сен-Клером, в два раза пунктуальнее и в пять раз образованнее своего блудного сына, профессорская версия меня.

— Я думал, это будет ужин в каком-то милом месте...

Моим идеальным ужином было сидеть на капоте машины и есть хот-дог. Он же подразумевал сетевой стейк-хауз.

Я не мог это вынести.

— А вместо этого, — сказал я, — вы обнаружили себя на Лонг-Бич на одной из самых выдающихся вечеринок ночи.

Я потянулся за рукой Магдален и вложил ее в ладонь моего отца. Затем я слегка подтолкнул свою мать к Магдален с другой стороны. Я поместил ее руку в ладонь Магдален. Наполовину присев я, драматично и театрально, указал вглубь склада. Мои пальцы были широко раскрыты, создавая картинку.

— А сейчас, — пропел я, — видите эту страну чудес? В которой вы должны повеселиться? Это жизнь! Это Калифорния! Так живет другая половина! Идите! Идите Камеры! Снимайте их предвкушение!

Мои родители уставились на склад в поисках блестящего будущего, которое я пообещал.

А затем, пока они стояли там, взяв за руки Магдален, я сел в мустанг. Он все еще был заведен. У них едва ли было время, чтобы повернуть головы.

Я вырвался с парковки, хлопнув при этом дверью. Все позади меня осталось в клубящейся пыли. Все это ушло: ночь, звезды и песня, в которую я вдохнул жизнь.

КОУЛ •

Я вел машину.

Часть меня хотела продолжать ехать. Другая часть меня хотела остановиться.

Я не знал, что было хуже.

В конце концов, я больше не мог сфокусироваться на дороге, так что просто вернулся в квартиру. Я немного переживал, что там окажутся камеры, но на подъездной дорожке было темно, как и во дворе.

Я взбежал по лестнице к своей квартире и открыл дверь. Мои пальцы начали замерзать. Все во мне дрожало.

Я без особых усилий возобновил в памяти лица моих родителей. Они наверняка считали, что я ненавидел их.

Я не ненавидел их. Я просто не хотел больше никогда их видеть. Это было не одним и тем же.

Мой телефон зажужжал, оповещая, что пришло сообщение. Стоя в небольшой темной гостиной, я просмотрел его.

Джереми: ?

Я хотел, чтобы это было сообщение от Изабел, но это было не оно.

Я должен был сказать ей правду. Я убежал от своего прошлого и где оно настигло меня?

Там же, где я начал.

Доверять тебе?

Я не знал, как сделать это с моими родителями и без Изабел.

Я не знал, *зачем* делать это с моими родителями и без Изабел.

Я чувствовал внимание скрытых камер на себе, так что пошел в ванную и закрыл за собой дверь. Я сжал руки в кулаки. Потом я расслабил их и защелкнул замок. Кто-то вынул разобранные скрытые камеры из раковины. Было трудно вспомнить, чтобы меня это волновало.

Со мной было что-то не так.

Человеческий организм не хочет нам навредить. Мы запрограммированы на то, чтобы чувствовать себя плохо при виде крови. Боль — тщательно организованный химический процесс, который удерживает наше тело живым. Исследования показали, что люди с врожденной анестезией — неспособностью чувствовать боль — откусывают кончики своих языков, царапают свои глаза и ломают кости. Мы — чудо обследований и балансов, которые помогают нам продолжить существование.

Человеческий организм не хочет нам навредить.

Со мной было что-то не так, потому что иногда мне было плевать. Со мной было что-то не так, потому что иногда я хотел этого.

Мы боимся смерти; мы боимся пустоты; мы изловчаемся, чтобы сберечь свой пульс.

Я был пустотой.

Чего ты боишься? Ничего.

Ты этого не сделаешь ты этого не сделаешь ты этого не сделаешь

Но мой взгляд уже метался по ванной в поисках выхода.

Доверять тебе?

Вероятно, мне не хотелось жить. Вот почему я плелся по этому пути. Биология сформировала меня, затем взглянула и поинтересовалась, о чем она, черт возьми думала, и выкинула в бак с отходами.

В случае чрезвычайной ситуации потянуть за шнур.

Я согнулся у стены, дыша в свои ладони. Однажды Виктор сказал мне, что он никогда не задумывался о самоубийстве ни на секунду даже в свои самые темные времена. «*У нас всего одна жизнь*», — сказал он.

Даже когда я был счастлив, я чувствовал, будто всегда искал край жизни. Ее швы.

Я идеально подходил для того, чтобы умереть.

Я посмотрел на шнур от жалюзи в ванной.

Это чересчур этого слишком много для того что произошло тебе нужно прекратить

Я подумал о радости от записи трека немного ранее в этот же день.

Я попытался возобновить ее в себе, но это была задача повышенной сложности. Каждый химический переключатель во мне кричал «*прочь, прочь, прочь*», так что счастье было невозможным.

Я обхватил уши руками, имитируя наушники, и проиграл у себя в голове созданную мною песню — что-то, что еще не существовало сегодняшним утром.

Лица моих родителей.

Я поднялся на ноги.

Мне нужно было... не чувствовать. Хотя бы несколько минут.

В любом случае, это было все, что я собирался получить.

Волк.

Чистый, несокрушимый, совершенный. Я был всем этим, и вот к чему это привело.

Я вернулся в спальню, чтобы взять вещи, необходимые для запуска превращения. Не просто превращения, а дикого, воющего перевоплощения, которое ломает меня. Не все мои волчьи эксперименты привели к хорошему концу. Сейчас я не хотел хорошего конца. Крошечная логическая часть меня подумала, что тщательный процесс помог бы. Напомнил бы мне о причинах оставаться человеком. Дал шанс успокоиться. Напомнил о других способах, которыми я научился подавлять это чувство в себе.

Но, казалось, это только усиливало его. Даже несмотря на то, что я двигался медленно и методично, время толкало и швыряло меня — и прошлое, и будущее. В конечном счете, я без особых усилий вызвал в себе воспоминания о том, как делал это или что-то вроде того бесчисленное количество раз.

Волк.

Мой мозг вернулся обратно к Сэму в Миннесоту, который так ненавидел волка. Я мог услышать его голос, когда он говорил мне, что я стираю всю свою сущность, делая это. Я терял все хорошее в себе. С какой ненавистью я отбрасывал все это прочь. Виктор умер в волчьем обличье, борясь за человечность, а я отказывался от нее просто так.

Я говорил себе это снова и снова.

Но это было бесполезно. Я уже знал, чем это закончится.

Хоть в ванной был только я один, казалось, будто кто-то или что-то еще было здесь со мной. Темная сущность, клубящаяся в углу, парящая у потолка. Насыщающая темноту внутри меня или же питающаяся ею. Все мы — пользователи и средства.

Я отрыл воду в душе и присел на край унитаза, в одной руке шприц, в другой —

телефон. Я набрал номер Изабел. Я не знал, что сказал бы, если бы она ответила.

Я знал, что она все равно не ответит.

Доверять тебе?

Звонок перевелся на голосовую почту. Несколько минут я наблюдал, как галлоны воды из душа стекают в сток. Я подумал о том, что снаружи была пустыня. А затем воткнул в себя иглу.

Боль напомнила мне, что это работало.

Я уткнулся затылком в стену и ждал, пока это меня изменит или убьет, и, честно говоря, мне было плевать, что именно произойдет. Нет, не плевать. Я надеялся, что случится и то, и другое.

Вещество, которое я ввел себе в вену, прорывалось через кровеносную систему в мозг. Добравшись к нему, оно царапало, било и кусало мой гипоталамус, посылая один и тот же сигнал:

волк

волк

волк

Боль рассеяла все мои мысли. Мой разум был химическим огнем, сжигающим самого себя. Я рухнул на плитку, потный и трясущийся, меня тошнило. Мои мысли испарились.

А затем...

Это был свет. Сияющий над головой, отражающийся в вечно меняющейся и никогда не растущей луже. Это был звук. Шипение брызжущей на землю воды, мягкое и продолжительное. Аромат: кислоты и фруктов, сладости и гнили.

Волк.

ИЗАБЕЛ •

Я вела машину.

Часть меня хотела продолжить ехать до конца моей жизни. Другая часть меня хотела к Коулу.

Я не знала, что было хуже.

В конце концов, я заметила, что еду вверх по побережью, мимо Малибу. Дорога была темной и извилистой, с одной стороны — скалистое побережье и бушующее море, с другой — крутые, поросшие кустарником утесы гор. Исчезли пальмы, люди, дома. Едучи по какой-то каньонной дороге, мне казалось, что я направляюсь напрямиком в темное ночное небо или же в темный ночной океан. Я понятия не имела, который час. Это был конец света.

Наконец, я остановила внедорожник на одной из смотровых площадок. Внизу волны прибоя образовали кривую белую линию параллельно берегу. Все остальное было темным.

Я вышла. Воздух снаружи леденил кожу. Мои коленки тряслись, как и руки. Некоторое время я стояла там, обернув вокруг себя руки, дрожа, и размышляя, мог ли случиться эмоциональный шок, если у тебя не было эмоций.

Наверное, пришло время признать, что у меня были эмоции и они предали меня.

Затем я открыла багажник внедорожника, достала оттуда монтировку и закрыла его. Я подумала о том болезненном чувстве в желудке, когда впервые увидела Коула на вечеринке. В ретроспективе это было то же чувство, что и когда мой отец заговорил странным голосом немногим ранее. Когда я поняла, что он собирается сказать мне что-то, что я не хочу услышать.

Я посмотрела на белую как луна машину. Покрепче сжала монтировку.

А затем я расхреначила внедорожник.

Первая вмятина была не из лучших. Не было ничего удивительного в том, чтобы ударить монтировкой по автомобилю и оставить вмятину. Это то, что случается, когда бьешь чем-то металлическим по чему-то металлическому.

Но второй удар. Он послал по моему телу волну ощущений. Это меня удивило. Я не думала, что это случится после второго замаха, или третьего или даже четвертого. Затем я осознала, что никогда не прекращу крушить эту машину. Я разбила двери и капот, растроила большие бамперы.

В моей голове не било ничего, кроме знания, что завтра мне придется вести эту штуковину, так что я не разбила стекла, фары и все, что должно было удерживать ее на ходу. Я не хотела ее сломать.

Я хотела ее изуродовать.

Монтировка содрала белую краску до самого металла. Под всем этим глянцем были ее скучные и утилитарные кишки.

Наконец, когда моя ладонь уже горела от усилий, которые я вкладывала в удары монтировкой, я поняла, как сильно устала.

Я чувствовала себя опустошенной. Как будто мне было плевать.

Что значило, я была готова вернуться домой.

КОУЛ •

— Мистер Сен-Клер?

Я не открыл глаза, но понял, где находился. Ну, какого типа было то место. Я узнал ощущение кафеля подо мной и запах хлорки в миллиметрах от меня. Шероховатость между моими бедрами и полом. Я был на полу ванной. В ушах стоял гул.

— Коул? Не возражаешь, если я войду?

Немного больше времени ушло на то, чтобы понять, в какой именно ванной я был. Мне пришлось вернуться назад во времени, постепенно сужая круг поисков. Земля. Северная Америка. США. Калифорния. Лос-Анджелес. Венис. Квартира. Ад.

— Коул? — голос, казалось, раздумывал. — Я вхожу.

Сквозь звон в ушах я услышал, как дернули дверную ручку. Я немного приоткрыл глаза. Это действие требовало много мыслительного процесса и казалось неважным. Дверь все еще оставалась закрытой. Я задумался, мог ли представить голос. Я задумался, мог ли представить свое собственное тело. Мысль о том, чтобы пошевелить любой частью своего тела была такой же сложной, как и открыть глаза. Во рту было ужасно сухо, как будто лицо иссохло изнутри.

Дверь дернулась. Я был слишком мертв, чтобы вздрогнуть.

Она снова дернулась.

А затем она распахнулась, но мои ноги не дали ей сделать это полностью. Пара черных мужских ботинок остановилась передо мной в сопровождении аромата кофе. Они были не новыми, но очень чистыми.

Дверь толчком закрыли. Ботинки все еще были передо мной.

Я закрыл глаза. Я услышал шорох, а затем почувствовал, как чьи-то пальцы надавили на мое запястье, мое дыхание сталкивалось с чем-то поблизости. С рукой, проверяющей пульс. Я улавливал запах лосьона после бритья.

Леон испустил вздох облегчения.

Мгновенье спустя звон прекратился. Он вообще был не у меня в ушах. Он был из душа. Я слышал, как ботинки Леона хлюпали по влажному полу.

— Ты можешь сесть? — спросил он меня. А затем, не дожидаясь моего ответа, попросил, — Давай сделаем это.

Вокруг меня обернули полотенце, затем схватили за подмышки, болезненно дернули и оперли об угол раковины.

Я снова закрыл глаза.

В качестве нечеткого фона я слышал движения Леона, бегущую воду в раковине, шаги взад-вперед. Он поднес чашку к моим губам и осторожно наклонил. Возникла небольшая пауза, когда я поперхнулся и вдохнул жидкость вместо того, чтобы глотнуть, и потом он снова дал мне немного. Я сразу же почувствовал себя немного более живым. Я сказал:

— Что это? Что ты мне дал?

— Вода, — ответил Леон. — Ты лежал в ней, но не пил.

— Как ты сюда попал? — спросил я. Мой голос звучал также, как выглядела бумага. — Ты реален?

— Ты не отвечал на звонки, — ответил Леон. — И я решил, что ты, возможно, в беде...

Я видел выпуск.

— Он уже вышел?

Он усмехнулся мне.

— Он вышел два дня назад.

Я испустил вздох. Пахло ужасно.

— Оу.

Леон принес одноразовый стаканчик с кофе из другой комнаты. Он протянул его мне, пристально наблюдая, чтобы я его не уронил. Я отхлебнул, пока он бросил еще одно полотенце на плитку и начал двигать им ногой, чтобы убрать воду и кровь.

— Он сладкий, — сказал я. Это был даже не кофе. Это был сахар, замаринованный в кофе. — Прямо как я люблю

Леон пожал плечами.

— Ох уж эти современные дети.

Неожиданно я увидел его в фокусе, может, потому что эта фраза напомнила мне о том, как он принес мне энергетик в студию, или потому что моя система возвращалась к жизни из-за воды в сухом рте или сахара в кофе. Леон был одет как на работу: аккуратный костюм и чистые черные ботинки. Утреннее солнце из окна в ванной освещало его безупречную форму, пока он ногой двигал полотенце по этому грязному полу.

Мне было ужасно стыдно.

— Не... — сказал я. — Не надо. Я сам. Боже.

Леон прекратил. Он засунул руки в карманы своих брюк.

— Это отвратительно, — сказал я, но не уверен, о грязной плитке, о себе или о том, что Леон видел меня таким. — Это не... не та сторона меня, которую я хотел бы, чтобы ты увидел, друг. Это не то великое будущее, которое я запланировал для наших взаимоотношений.

Он пожал плечами, все еще держа руки в карманах.

— Не всегда все идет по плану.

— У меня — всегда.

— В таком случае, ты должен был это предусмотреть, — мягко произнес он.

Я допил кофе. Что мой желудок, что сердце сжались.

— Я потерял все твое доверие. Теперь я никогда не смогу убедить тебя бросить эту работу.

В глазах Леона была улыбка, хоть ее и не было на лице.

— Так вот каков был замысел?

— Ага. Радость и счастье для тебя, Леон, в этом залитом солнце раю.

Он достал телефон со своего кармана и переступил через полотенце на полу. Присев рядом со мной, он протянул руку к пустому стаканчику из-под кофе. Взамен он дал мне свой телефон.

— Что мне делать?

— Смотреть.

Я смотрел. Он открыл свою фото-галерею. В начале была фотография меня, беззаботного и радостного, направляющего яростные дьявольские рога на него. Там была фотография, которую мы сделали на кладбище «Голливуд навсегда», — полыхающее за кривыми пальмами небо. Фотография с нами на Колесе обозрения на пирсе в Санта-Монике

той ночью, когда я пошел гулять с ним после того, как Изабел покинула мою квартиру.

Эти фотографии я ожидал. Но не ожидал остальных. Там были фотографии серферов, бегущих к воде. Кучек народа перед клубами. Безумная плантация пальм в форме верблюда. Огненное небо на горизонте Л.А... Неоновая вывеска, гласящая «комната веселья». Павлин, выглядывающий из-за стены. Мужчина в голубом белье, бегущий по тротуару. Звезда Дэвида Боуи на Аллее Славы. Пагода в Кореа-тауне. Искристое милое граффити на старом внедорожнике. Автопортрет его самого в отражении его машины, улыбающегося, несмотря на то, что он один.

Он сделал то, что я сказал. Он стал туристом в родном городе.

— Это было не по работе, — сказал он мне. — Только я сам.

После небольшой паузы он спросил:

— Почему ты сбежал от своих родителей?

Я закрыл глаза. Я мог так четко вспомнить их двоих возле мустанга, и это все еще убивало меня.

— Потому что я не могу смотреть на них, — возникла долгая пауза, и он не заполнил ее. — Я думал, что закончу как они, когда еще жил в Нью-Йорке. Я думал, что так и выглядят взрослые. Я не могу принять это.

— *Не мог.*

Я открыл глаза.

— Что?

— *Не мог, а не не можешь.* Потому что ты не такой, как они, верно? Ты не боишься стать таким сейчас.

Но я в некотором смысле был. Дело было не в том, что я боялся стать *ими*, а в чем-то большем — я боялся стать тем Коулом, которым был, когда жил с ними. Коулом, который так устал от мира. Тем мной, который осознал, что нет смысла быть здесь, в то время, как «здесь» подразумевало *жизнь*.

Мой живот заурчал достаточно громко, чтобы мы оба услышали это.

— Я умираю с голоду, — сказал я.

Леон произнес:

— Тебе стоит позавтракать со своими родителями.

— Я не знаю, как с ними разговаривать.

Он забрал у меня свой телефон и выпрямился.

— Также, как и со мной. Но, возможно, надев какие-то штаны.

ИЗАБЕЛ •

Я пошла в «Блаш». Я выполнила свою работу. Я продала множество леггинсов. Сьерра напомнила мне о своей предстоящей вечеринке.

Я пошла на урок. Я выполнила свою практику. Я перевернула множество стариков и убрала множество грязных кроватей.

Я пошла домой. Моя мать записала мой внедорожник в автомастерскую. Моя тетьа подарила мне букет из визиток терапевтов. Несмотря на то, что я ходила к терапевту несколько лет. Разговоры были дешевой. Я хотела, чтобы они обе накричали на меня из-за внедорожника — отец бы так и сделал. Но его там не было.

Никогда больше.

Коул написал мне: «**Поговорим?**»

Я ответила: «**Нет**».

Он ответил: «**Займемся сексом?**».

Я ответила: «**Нет**».

Он ответил: «**Что-либо?**».

Я не ответила. Он не написал снова.

Выдохнуть и повторить. Работа. Урок. Дом. Работа. Урок. Дом.

Я не писала Коулу, но все еще продолжала обновлять Виртуального Коула. Мне нужно было увидеться с ним, чтобы отдать его телефон, а я не думала, что смогу это пережить. И во мне не было жестокости, чтобы издеваться над ним, держа в заложниках его присутствие в Интернете. И, в любом случае, обновление Виртуального Коула было единственной вещью, что напоминала мне, что жизнь вообще двигалась вперед.

КОУЛ •

Перед тем, как пойти в закусочную, я позвонил Грейс. На самом деле, я звонил Сэму, но трубку взяла Грейс.

— Это конец, — сказал я. — Я собираюсь позавтракать вместе со своими родителями.

— Прошлой ночью у меня был ужасный кошмар о тебе, — задумчиво произнесла Грейс.

— Я бегал по Л.А. и кусал людей? Потому что это уже случилось.

— Нет, — ответила она. — Ты вернулся домой.

До этого момента я не замечал, что моя дружеская съемочная группа сидела на бордюре прямо за углом. А это значило, что мои родители уже здесь.

Я не был уверен, что мог сделать это, без разницы, что там сказал Леон. Погодными условиями моего сердца был мрак.

Грейс говорила. Она все еще что-то говорила. Она закончила:

— Вот и все.

— Есть какой-нибудь совет?

— Коул, я только что *дала* его тебе.

— Скажи это снова. Итоговую версию. Сводку.

— Сэм только что велел мне сказать тебе, что важнее всего — не поступать с ними так, как ты сделал это в выпуске.

— Этого не случится, — ответил я, — потому что я сомневаюсь, что они снова оставят ключи в машине. Пожелай мне удачи.

Она пожелала, но я не чувствовал себя удачливым. Я пошел в закусочную.

Я сразу заметил их в одной из красных виниловых кабинок. Они выглядели как странная альбомная обложка: прекрасно подобранная пожилая пара, идеально неподходящая к стене цвета зеленого лайма позади них. Я выбрал эту закусочную местом встречи, потому что решил, что это будет немного более в их стиле, но, возможно, моим родителям не подходило ничего в этом городе.

Они заметили меня. Они не помахали. Это было справедливо. Я заслужил это.

Я остановился на входе в кабинку.

— Привет, веселые родители, — сказал я. Повисла ужасно долгая пауза. Моя мать приложила к своей щеке салфетку. — Могу я к вам присоединиться?

Мой отец кивнул.

Камеры устроились напротив нас. Мой отец посмотрел на них. Они одновременно придвинули мне по столу меню.

Когда я сел, мой отец сказал:

— Мы еще не сделали заказ.

Моя мать спросила:

— Что здесь есть стоящее? — что было гораздо лучше любого из вопросов, которые, я боялся, она могла задать. Вроде «Где ты был?», или «Почему ты нам не позвонил?», или «Где Виктор?», или «Ты собираешься домой?».

Проблема была в том, что я хотел ответить что-то вроде «Я не уверен, на чем специализируется это прекрасное заведение, но, думаю, этот дружелюбный работник

просветит нас!», а затем втянуть втянуть официанта в захватывающую, слегка театральную драму. Но что-то в том, как они начали разговор — в роли моих родителей — вроде как отбросило эту возможность. Это заставило меня быть их сыном. Это заставило меня быть другой версией меня. Старым мной.

— Я не бывал здесь раньше, — ответил я. Безропотно. Невинно. Мой голос был мне незнаком. Они были одеты в то же, что и в последний раз, когда я их видел, или, может, весь их гардероб выглядел одинаково. Усадите моего старшего брата в кабинку рядом со мной, и семья Сен-Клеров будет такой же, как была всегда. Я не знал, зачем пришел. Я не мог это сделать.

— Мы видели, где ты остановился, — сказала моя мать. — Дворик кажется милым.

Венис-Бич был раем на земле, точной формой и цветом моей души, но было невозможно донести это им. Не в том смысле, что они бы не поняли. Они бы стали спрашивать, как люди могут жить без гаражей и почему тротуары так плохо ухожены.

Мои родители листали свои меню. Я передвинул солонку и перечницу, выстроил пакеты с сахаром и сахзамом по цветам.

— Здесь говорить только «яйцо-пашот», — вполголоса сказал мой отец матери. — Думаешь, они сделают глазунью?

Боже, они даже пахли также, как и всегда. Тот же стиральный порошок.

Если бы я мог просто придумать, что сказать на их языке, то смог бы пережить это.

Подошла работница:

— Вы, ребята, готовы сделать заказ?

Ей было около пятидесяти, тощая, как моя мать. Она была одета как старомодная официантка из пятидесятых, в дополнении с передником. Она держала небольшой блокнот и карандаш. В ее глазах читалась вселенская усталость.

— Что здесь самое лучше? — спросил я ее. — Не просто лучшее. Самое-самое лучшее. То, что заставляет вас надевать этот фартук каждое утро и думать *«Вот почему я собираюсь сегодня работать — чтобы приносить эту штуку клиентам, которые еще никогда ее не пробовали, ох, какой незабываемый день будет у этих новоинициированных!»*. Вот что я хочу заказать. Чем бы это ни было.

Она просто моргнула на меня. Она моргала на меня так долго, что я забрал у нее блокнот и карандаш. Я написал *«ПОТРЯСАЮЩАЯ ШТУКА»* на нашем чеке и вернул ей его обратно.

— Я вам доверяю, — добавил я.

Она заморгала чаще.

— Что насчет твоих приятелей?

— Они тоже вам доверяют, — сказал я. — Подождите. Я забрал блокнот и дописал *«НО БЕЗ ШОКОЛАДА»*. Я бросил 55 долларов в банку с чаевыми.

Я вернул блокнот и карандаш обратно.

Мои родители уставились на меня. Работница уставилась на меня. Я уставился в ответ. Мне больше нечего было сказать, так что я изобразил улыбку Коула Сен-Клера.

Она резко усмехнулась, как будто ничего не могла поделать.

— Окей, — сказала она совершенно не тем голосом, что раньше. — *Ладно*, молодой человек. Принято.

Когда она ушла, я повернулся к своим родителям.

И произошло кое-что странное. Я не был уверен, то ли работница была очарованной, то

ли совет Грейс сработал как заклинание, то ли я каким-то образом наконец-то провел логическую линию между Леоном, работницей, моими родителями и всеми остальными в мире.

Потому что за тот промежуток времени, который ушел на то, чтобы сделать заказ, мои родители преобразовались. Неожиданно вместо моих родителей я увидел двоих людей в их пятьдесят с лишним, туристов в сверкающем, странном месте, уставших ото сна в незнакомой комнате отеля, стремящихся вернуться обратно к рутине. В их глазах был тот же отпечаток усталости, что и у работницы. Жизнь пошла не по плану, но они выкарабкались.

В них не было ничего ужасного. У них не было никакой фактической власти надо мной. Не больше, чем у кого-либо другого.

Дело никогда не было в них. Всегда во мне.

Это осознание было как слово, которое мне должны были объяснять каждый раз, когда я слышал его. Его предназначение никогда не усваивалось

Они были просто обычными людьми.

Я спросил:

— Как доехали?

Казалось, они ждали целую неделю, пока я спрошу их. История полилась из их уст. Она заняла много времени, была действительно скучной и не включала в себя ни одну из тех деталей, которые я сам бы добавил, но зато *включала* множество тех, которые я бы не стал. В середине истории работница принесла нам всем холодный чай из маракуйи, моей матери она принесла какие-то необычные блинчики, моему отцу — омлет с авокадо, а мне — вафлю с улыбкой Коула Сен-Клера, нарисованной на ней взбитыми сливками.

Ничего из этого не было сенсационным; мы не говорили об одной важной вещи. Но ничего из этого не было ужасным или вроде того. В конце-концов, этот прием пищи ничего не дал, мы разойдемся своими отдельными путями: я — в одну сторону, мои родители — в другую, работница — в третью.

Раньше это было важно. Раньше это было борьбой с превращением в моего отца. Но сейчас, сидя здесь, казалось невозможным, что это вообще могло бы когда-то произойти. Я потратил столько времени на это зря. Я продолжал осознавать, что монстром, с которым я боролся, был всего лишь я.

Когда мы доели, я расплатился у кассы наличкой.

Работница спросила:

— Ну как вам еда?

— Это было потрясающе, — сказал я. — Ваш выбор был превосходен. Завтра вы должны держать этот блокнот с одобрением от ментального гиганта.

Она прикрыла улыбку рукой. Я хотел поблагодарить ее за мрачное осознание того, что, в конце концов, я был своим худшим врагом, но не знал, как лучше это сделать. Так что я просто подарил ей еще одну улыбку Коула Сен-Клера и вернулся к столу.

— Было довольно мило, — сказала моя мать. — Хорошая находка.

Они не собирались спрашивать, пытался ли я убить себя. Они не собирались спрашивать о Викторе. Они не собирались спрашивать о чем-то неприятном. Не знаю, почему это меня удивило. Они никогда этого не делали.

Мой отец сложил свою салфетку в двенадцать разных геометрических фигур.

— Нам следует вызвать такси, если хотим прибыть в аэропорт вовремя. Коул, не знаешь, здесь ездят такси?

— Оу, — сказал я, вынимая ключи от мустанга. — Я могу вас подбросить. Кажется, у меня есть спортивная машина.

ИЗАБЕЛ •

коул: **я пережил своих родителей, твоя очередь писать мне**

я:

коул: **вот мой номер, на случай, если ты забыла его**

я:

коул: **пожалуйста**

я:

коул: **изабел, прошу тебя**

я:

коул:

КОУЛ •

После моих безуспешных попыток заняться чем-то более увлекательным, чем надевать штаны, уже который день подряд, мне позвонила Бейби.

— Время вышло, Коул. Что сегодня делаешь?

Желания творить вообще не было. Я пролистал небольшой блокнотик до ее первоначального списка дел.

— Квартальная вечеринка^[35].

— Круто.

Да. Круто. Квартальная вечеринка. Отлично. Я смог собрать все это в кучу только после того, как убрал из ванной то дерьмо, которое оставил за собой после многочисленных превращений несколько ночей тому назад.

Я должен буду сообщить об этом миру через Виртуального Коула. Я отчаянно старался не писать Изабел, пока она сама этого не сделает, но больше не мог ждать.

«Можешь привлечь коулбота чтобы разыграть сегодня вечеринку»

Я переписал сообщение десять раз прежде, чем отправить его. Не лучший вариант, но в нем не должна была прозвучать ни горечь, ни нужда. Все знаки препинания, что я добавлял, указывали либо на то, либо на другое, так что в итоге я решил использовать старое доброе отсутствие грамматики, чтобы обозначить свое равнодушие.

Изабел тут же ответила:

«Дай мне полчаса.».

Ее пунктуация означала, что я не должен думать, будто мы не в ссоре. Двадцать девять минут спустя она прислала мне имя и адрес победителя.

Ох уж этот конфетно-букетный период.

Через семь минут после этого я закончил с уборкой в ванной, через девять минут прибыл Ти с камерами, а через пятнадцать минут — Джереми со своим пикапом.

Будучи в группе, ты тратишь первые четыреста тысяч лет своей карьеры таская свое дерьмо туда-сюда. Твои колонки, стойки для колонок, экран, микрофоны, звукосниматели, кабели, провода от микрофонов, провода от колонок, инструменты, все подряд. Забыл что-то — облажался. Сломал что-то — облажался. Провод оказался слишком коротким? Облажался.

Но, не смотря на это, однажды тебя ждет успех...

Ты соберешь все это дерьмо в мустанг последней модели и пикап, надеясь, что ничего не забыл.

Размечтался, как же.

— Я бы мог взять что-нибудь, — сказал Ти извиняющимся голосом с камерой на плече, — но я должен нести, ну, ты знаешь.

— Записывающее устройство, — ответил я, кладя свой синтезатор Лейле на колени.

Она не возмутилась, потому что нормально относилась ко всему, что привели нити судьбы и все такое. Вот что я думал: Судьба — отстой, и я превыше ее.

Я сказал Ти:

— Ага. Круто. Снимай с этого ракурса. Нет, с этого. Это мой знаменитый ракурс.

А затем мы с Джереми в тандеме направились в Вест-Адамс^[36].

Все дома в этом районе были старыми, того же возраста, что и в моем районе в Фениксе, Нью-Йорк. Но в Вест-Адамсе дома казались экзотическими из-за их розового и лаймового цвета, лепных и черепичных крыш, филигранных металлических оградок. Я представил, насколько другим человеком я бы стал, если бы вырос в одном из них.

Шейла, фанатка из Л.А., которая выиграла (очевидно, Изабел попросила фанатов узнать, на буклете которого альбома изображен мой затылок), была как Супер Соник от волнения к тому времени, как мы добрались до ее дома.

Как и двести людей, которые уже были там. Виртуальный Коул справился на отлично.

Собравшиеся фанаты уже целиком заполнили парковочные места по обе стороны улицы, так что нам пришлось выгрузить вещи на дороге, а затем решить, кто из нас найдет парковку и вернется обратно.

Это тоже казалось привычным.

— Божемойбожемой, — пропищала Шейла. — Можнотебяобниму?

Я позволил ей это сделать. Я чувствовал ее дрожь, когда она обняла меня. Когда она отступила назад, я улыбнулся ей, и по ее лицу медленно расплылась широкая улыбка.

Иногда улыбка занимает длительное время.

Эта была одной из таких. Мне очень нужна была улыбка, а у нее она была замечательной. Не в плане сексуальности, но в плане непредвзятого энтузиазма.

Мой мозг и сложная его часть отключились, а простая часть — концертная — взбудоражилась. Это сложно объяснить. Не просто нервы. Это что-то другое.

Позади меня толкалась шумная и жаждающая толпа. Это питало меня, выводило из колючих дебрей собственных мыслей. Каким-то образом я уже и забыл об этой части концертов. Я забыл, как лихорадочно это уничтожает эмоции. Здесь не было места ни для чего, за исключением Коула Сен-Клера — певца, артиста, разрушителя.

Я был благодарен за это. Мне не нужны были мои мысли. Не сейчас.

Изабел...

Джереми тронул меня за локоть, его длинные волосы были заправлены за уши, а на носу балансировали синие солнцезащитные очки. Он выглядел как Джон Леннон, если бы тот был блондином и родился за пределами Сиракьюс^[37], Нью-Йорк.

— Коул. Какой способ?

— Музыка, — сказал я. Это все, о чем я думал в тот момент. Эту люди хотели услышать, как мы играем, а я хотел сыграть для них.

— И все?

— Громче, — сказал я.

Джереми почесал свой слегка покрытый щетиной подбородок. Его волосы были слишком светлыми, чтобы понять, отращивал ли он бороду.

— Олд скул.

Я оглядел собравшуюся толпу.

— Типа того.

И мы заиграли музыку.

Квартальные вечеринки во многом требовали больше работы, чем обычные концерты на сцене. На большом концерте у вас есть сцена, свет, *способ*, и большая часть работы по заданию настроя уже сделана за вас. Это уже шоу еще до того, как ты даже подойдешь к микрофону. Но на квартальной вечеринке вы просто кучка детишек на чьем-то газоне. Нет никакой разницы между вами и аудиторией, кроме того, что ты держишь бас-гитару или сжимаешь микрофон. Каждый кусочек представления нужно заслужить. Выйти за рамки нормальности и устроить хаос. Вы должны петь громче, прыгать выше и быть безумнее любого из толпы.

Урок первый: выгляди так, как будто предназначен быть здесь.

Слава следует за ее ожиданием.

Урок второй: никогда не торопись со вступлением.

Джереми начал первым, задавая нам темп, давая нам вступить в песню. Бас вылился в музыку, не оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что остальные присоединятся. Лейла, черт бы ее побрал, — я хотел Виктора, я хотел Виктора, я хотел Виктора — вступила следующей: *там-там-там-там-там-там* — и я отпустил это, отпустил, отпустил.

Напряжение все росло и росло. А затем я сделал небольшой поворот, чтобы привлечь внимание, и сыграл одинокую ноту на своем синтезаторе:

БУМ.

Толпа обезумела. Затем я притянул микрофон ближе и спел первое слово...

В начале были тьма и шум.

Нет, позвольте мне начать сначала.

В начале были пригород и дни, которые казались одинаковыми. Был я и падшие ангелы.

Нет, позвольте мне начать сначала еще раз.

В начале были я, Джереми и Виктор в старшей школе, и я чувствовал, будто никогда не знал, для чего был создан, до этого момента. Слушатель был не один, не двадцать и не пятьдесят. Никакого магического числа. Вот, что это было: я. Они. Барабаны, взывающие к моим клавишам, чтобы взбежать по возрастающему мосту. Головы, запрокинутые назад. Усилие и толчок, притяжение и рывок баса. Все, что только можно добавить, чтобы уровнять электрическое напряжение между нами и толпой. Иногда она включает в себя тысячу человек. Иногда две.

Этим летним вечером в Вест-Адамс я напевал и кричал им песни, а они выли и кричали им мне обратно. Бас Джереми неустанно мчался вверх. Лейла с блестящим от пота лицом гремела на фоне.

Мы были живыми — возрожденными.

Народ все прибывал. Шум, исходящий от нас и от них, заманивал их все ближе и ближе, все больше и больше.

Вот, почему я сделал это, вот, почему я продолжал делать это, вот, почему я не мог остановиться.

Неожиданно посреди выступления проскрипел случайный гитарный аккорд. Гитара? Гитара.

Ты, должно быть, шутишь.

Какое-то бледное юное создание вырвалось из толпы со своей гитарой. Он прыгал вверх-вниз возле установки Лейлы, ударяя по струнам своего инструмента так, будто это конец света. Сплошной энтузиазм, никакого злого умысла.

На настоящих концертах у нас была охрана и чуваки на сцене, которые позаботились бы

об этом. Как участники группы, мы должны были просто продолжать шоу после того, как нарушитель будет удален.

Здесь были только мы.

Я дал басу Джереми утихнуть, а битую Лейлы сбиться. Держа микрофон в одной руке, я использовал другую, чтобы схватить паренька за руку и остановить звучание гитары. А затем привлек его к себе и принудительно протанцевал с ним в толпу. Я обернул свою руку вокруг него, чтобы поднести микрофон ко рту.

— Заберите его! — радостно крикнул я в толпу. — Он один из вас!

Я отпустил его. Руки потянулись к нему, как у зомби. Он блаженно улыбался в небо, когда они его подхватили. Сейчас я был лицом к лицу с остальными. Мы и они, и они были прямо здесь.

Я увидел лицо из прошлого.

Это было невозможно; эти глаза и брови принадлежали Виктору. Мой желудок опустился с огромной высоты.

Это был не Виктор. Это была его сестра, Энджи.

Я еще даже не начал осознавать, что бы это могло значить, как она ударила меня.

Удар был не лучшим, но довольно неплохим: я почувствовал, как мои зубы впечатались в губы. Во рту почувствовалось тепло. Адреналин поспешил уделить внимание моим потребностям. Волк во мне потянулся и свернулся калачиком.

Энджи выхватила у меня микрофон, а потом им же и ударила. Вот *это* я почувствовал. Она нанесла мне ощутимый удар в скулу, а затем, когда одна рука инстинктивно поднялась, впечатала его мне в затылок.

Ловкость? Не она ранит людей. Это делает отсутствие милосердия.

К тому же, я заслужил быть избитым. Я заслужил все, что она делала со мной.

Я убил его, я убил его, я убил его.

— Ты мудака! — заорала на меня Энджи, и она не ошибалась, даже если не брать во внимание Виктора. Она снова ударила меня микрофоном.

Ти подошел ближе, но не для того, чтобы помочь — чтобы заснять момент.

Энджи навалилась на меня всем телом. Она не была особо крупной, но правосудие и физика были на ее стороне. Мы оба, падая, покачнулись назад на установку Лейлы. Надо мной было голубое небо, краешек крыши Шейлы и как минимум две камеры, а сейчас ее лицо закрыло все это...

Она все еще пахла тем же шампунем, что использовала, когда мы встречались, когда Виктор был еще жив, и я никогда не ненавидел себя так, как в этот момент, даже в самых темных и отвратительных помойках, куда я опускался в каждом своем туре.

— Энджи, — сказал Джереми так остро, как только я когда-либо слышал от него. — Энджи, прекрати.

В мою спину вонзилось что-то жгучее, как будто меня разрезало надвое тарелками. Я почувствовал привкус крови. Ей надо было ударить меня сильнее, потому что я до сих пор все чувствовал.

Я не мог перестать видеть в Энджи отражение лица Виктора. То, что я причинил им обоим никогда не исчезнет.

— Энджи, — снова сказал Джереми вне поля моего зрения. — Подумай, что ты делаешь. Это телевидение. Запись останется навсегда. Это не выход.

Лейла нависла надо мной. Она схватила мою руку и подняла меня. Она не сказала «*Что*

посеешь, то и пожнешь». Она спросила: «Ты в порядке, чувак?».

Я стоял посреди ровного газона Шейлы и неожиданно понял, что там не было сцены. Только кучка пьяных людей, стоящих перед старым домом. Бывшая девушка, выглядящая побежденной, с окровавленным микрофоном в руке. Я вытоптал участок травы, прыгая вверх-вниз, когда пел. Я посмотрел на него, на Энджи, а потом на Шейлу. На лице все еще ощущалось тепло, и из того, как она на меня смотрела, я догадался, что у меня ужасное кровотечение. Но я все равно больше ничего не чувствовал.

— Прости, я испортил тебе газон, — сказал я. — Скажи следующей группе, чтобы подложили ковер или какое-то другое дерьмо.

Она сжала ладони.

— Нам позвонить копам? 911?

Энджи просто уставилась на меня. Микрофон висел в ее руке. Она сказала:

— Ты разрушил его.

Затем она уронила микрофон и пошла в толпу.

Казалось очевидным, что это означало конец выступления, но мысль о том, чтобы разбирать все эти шутки и искать способ, как вернуть их обратно в мустанг неожиданно показалась огромной кучей неприятностей. Найти Мустанг казалось огромным квестом. На концерт тебя несет волной, но когда она прибывает тебя к берегу шоу, нет другой такой же волны, чтобы отнести тебя обратно, особенно когда твои коленки подогнулись и ты чувствуешь как все твои зубы плавают во рту. Когда ты не видишь ничего, кроме своего мертвого барабанщика и каждой девушки, с которой ты переспал и ненавидел себя за это утром.

Шейла все еще говорила о копах, но я не знал, чем еще они могут помочь, кроме как отыскать машину. Я слышал свое сердцебиение у себя в затылке или, может, в виске. Все еще слышался голос Джереми, плавный и спокойный, повторяемый Лейлой.

Я должен был бы подумать о том, как бы аккуратно свернуть этот выпуск, но догадался, что они наверняка сделают из этого удара что-то грандиозное.

Камера Ти смотрела на меня. Я сказал ей:

— Конец.

Это лучшее, что я мог сделать. Холмы и долины. Мой мозг спрятался в тени горы, на которую я взобрался, а затем упал с нее.

Джереми взял мою руку.

— Коул, — сказал он, — давай же, чувак, — он посмотрел на Ти. — Ты снял здесь достаточно. Выключай.

КОУЛ •

Джереме вел свой старый пикап, а я сидел на пассажирском сидении, упираясь головой в дверь. Мы не говорили. Я все равно был охрипшим.

Он жил в доме за Голливудскими Холмами. Даже несмотря на то, что географически это было не очень далеко от города, но казалось, будто это другой штат.

Узкие улочки, взвивающиеся по холмам, наполненные почтовыми ящиками, растениями юкка, апельсиновыми деревьями, пыльными пикапами и БМВ. Вместо домов были убогие хижины родом из двадцатых, столетние обитатели старого Лос-Анджелеса.

Улицы становились все более узкими и крутыми, а повороты — все более непредвиденными до тех пор, пока мы наконец не прибыли в место, которое Джереми делил со своей девушкой. Светло-зеленый дом был низко посажен и покрыт решеткой. Эвкалиптовое дерево, что росло рядом, слилось в единое целое с домом, что казалось вполне подходящим для Джереми. Пыльный и ужасно побитый мустанг столетней давности был наполовину загнан под металлический навес.

Джереми припарковался на улице.

— Я думаю, тебе стоит оставить свой рабочий телефон здесь.

Я непонимающе уставился на него. А затем сказал:

— Он у Изабел.

Джереми нахмурился. Он перебирал в памяти все свидетельства моей онлайн-жизни.

— Да, — просто произнес он. Он поставил машину на ручной тормоз. — Ну, оставь все, что предназначено для шоу, тоже в машине.

Мы поднялись по кривым бетонным ступенькам, я — чуть медленнее его. Внутри дом был именно таким, как я и ожидал от Джереми: скромный, просторный и очень свободный. Он привел меня в кухоньку, полную уродливых нетронутых электротоваров из семидесятых, я оперся об дверной косяк и почувствовал себя жалким, когда он начал рыться в ящиках в поисках кухонного полотенца.

— Не двигайся, — сказал он. Я примостился щекой на столешницу, когда он коснулся им другой стороны моего лица. Полотенце покрылось грязью и сажей.

— Святой Иисус! Джереми! Коул? Сен-Клер?

Таким образом я обнаружил, что девушка Джереми играла на укулеле в группе, образовавшейся на два года раньше, чем мы. Она стояла на пороге в кухню в лифчике и шортах. Наверняка, некоторые девушки были бы обеспокоены встречей с неожиданными гостями в таком виде, но все в ее позе указывало на то, что она не одна из них. В последний раз я видел ее, когда мы давали благотворительный концерт для сирот в Портленде.

— Привет, Стар^[38], — пробормотал я.

Стар посмотрела на Джереми.

— Это *ты* его так?

Джереми прощупывал мой лоб пальцами.

— Не знаешь, у нас есть набор первой помощи?

Стар присоединилась к нему и склонилась надо мной. От нее пахло пачули^[39], сахаром и мечтами. Я видел их с Джереми босые ноги. То, как они стояли: так комфортно, так

беззаботно, — неожиданно заставило меня почувствовать себя дерьмово из-за всех моих жизненных выборов. Я хотел — я хотел — должно быть, я ударился головой сильнее, чем думал.

Я хотел Изабел, но она была слишком невероятным желанием.

Стар очень осторожно потрогала мои волосы.

— Возможно ему нужно в больницу, Джер.

Я закрыл глаза. Я бы скорее умер на этой столешнице.

— Ему нужно побыть в тишине, — сказал Джереми. — У нас был плохой день.

Они ушли от меня в другую комнату, и я слышал бормотание их голосов. В моей голове их голоса были как этот дом — обжитые, скромные и знакомые. Я слышал, что они много употребляли «он» и понял, что речь шла обо мне, но мне было плевать. Люди всегда говорили обо мне.

— Мне нужно в туалет, — сказал я Джереми, и они оба указали за угол.

В ванной я закрыл дверь, включил свет и вентилятор, облокотился о раковину и принялся раскачиваться туда-назад. Там не было зеркала, так что я продолжал видеть перед собой лица Энджи и Виктора и вспоминать все наши с Виктором разговоры о наркотиках, волках или суициде. Я вынул иголку из кармана штанов, распечатал покрутил ее под раковиной и воткнул кончик себе под кожу.

Я отсутствовал пять минут. Этого было недостаточно, чтобы успеть сделать что-то, разве что немного избавиться от дрожи и, возможно, слегка исцелить вмятину на моей голове. Я ничего не сломал, дверь все еще была закрыта, а Джереми не стучался по другую сторону, так что я, должно быть, не шумел.

Я оделся и смыл воду в унитазе, как будто воспользовался им, а затем вымыл руки.

Я почувствовал себя лучше. Или по-другому. Временный сброс настроек.

Снаружи Джереми задумчиво стоял на кухне. Он вздохнул, когда я вошел, а затем сказал:

— Она собирается принести Неоспорин^[40] и корейские барбекю. Ты же все еще не вегетарианец, правильно? Да, не думаю.

Он дал мне стакан воды и пачку замороженного гороха, завернутую в чистое кухонное полотенце, чтобы приложить к голове, и мы прошлись по его дому, рассматривая отсутствие мебели и материальных благ, множество бамбуковых ковриков и комнатных растений. Скорее всего, он был бы невыносимым, если бы не очень удобный с виду диван, оранжевый бюст Бетховена и все эти старые деревянные колонки, которые он принес с собой в самом первом эпизоде.

— Мне здесь нравится, — сказал я ему, потому что то, как он разулся и гордо ходил по дому босиком натолкнуло меня на мысль, что ему понравится, если я это скажу.

— Мне тоже, — произнес он.

— Ты встречаешься со Стар, — сказал я.

— Да.

— Она стала горячей штучкой. Как долго это уже длится?

— Два года.

— Вау.

— Тебя долго не было, Коул.

Я бросил пакет бобовых в раковину и мы вернулись на улицу ждать Стар. Пока мы стояли у решетки, поросшей розами, он объяснил, что купил этот дом на последний гонорар

от Наркотики, а сейчас он отдает деньги Стар, чтобы та оплачивала счета и разбиралась с налогами, и подрабатывает на концертах, когда она говорит, что им нужно больше денег, чтобы оставаться на уровне.

— Она забирает все твои деньги? — спросил я. Над моей головой кружила колибри.

Он посмотрел на меня.

— Я отдаю их ей.

В сущности, вот, что происходило: я пропал на почти два года, а когда вернулся, Джереми вырос, обзавелся домом и стал счастливым — нет, он всегда был счастливым, сейчас он просто был счастлив с кем-то — а я вместо этого вернулся и стал тем, кем всегда был.

Мое лицо или, может, сердце дрогнуло. Я так устал от одиночества, но я всегда был одинок, даже если рядом были люди. И я устал от толпы, но я всегда был в ее окружении, даже наедине с собой. Всегда только и разговоров о том, как все хотят быть чертовски особенными. Я так устал быть единственным в своем роде.

— Не думаю, что смогу это сделать, — сказал я.

Джереми не спросил, что именно. Он просто провел по краю пыльного старого мустанга, тонущего в вечернем солнце. Колибри, которую я видел ранее, кружила снова. Она задержалась возле роз, но это было не то, что она искала.

— Я не думаю, что смогу снова отправиться в тур. Не думаю, что смогу принять это.

Он не ответил сразу же. Он взобрался на капот старого мустанга и уселся по-турецки. Ступни его босых ног были очень грязными. Он щелкнул своим браслетом с коноплей.

— Мы ведь не о туре говорим, так?

— О чем еще мне говорить?

Он сказал:

— Ты не можешь отправиться в тур? Или быть собой?

Я посмотрел на траву в конце крохотного, выжженного солнцем дворика. На гравии и земле были следы шин. Стар забрала пикап вместе с моим телефоном внутри него. Или, может быть, не забрала. Может, Джереми дал ей ключи.

— Коул, я думаю, мы должны поговорить об этом.

— Ты не хочешь знать, Джереми. Действительно не хочешь.

— Вообще-то, думаю, я уже знаю.

Я уставился на темную улицу. Далеко-далеко вниз по улице маленький мальчик катался на выцветшем голубом велосипеде. Каким безопасным местом казался этот район. Каким-то образом он был более калифорнийским, чем остальная часть Л.А... Более естественным. Как будто сухая штукатурка, выцветшие деревянные домики и покрыты пылью машины были медленно принесены сюда из-за сухого горизонта поколениями землетрясений. Не то чтобы он нравился мне больше остальной части Лос-Анджелеса. Просто создавалось впечатление, будто потребовалось меньше работы, чтобы он выглядел именно так. Он походил на место, в котором трудно понять, у тебя выходной или ты постарел. Он походил на место, в котором ночью темно.

Джереми сказал:

— Знаешь, что в этом плохого? То, что ты делаешь это в одиночестве. То, что ты закрываешься в ванной. Дело не в том, что ты делаешь. А в том, что держишь это в секрете. Это единственное, что ты делаешь, когда расстроен.

Я не двигался. Просто продолжал пялиться на маленького мальчика, нарезавшего

неровные круги на краю его короткой дороги. Я чувствовал, будто мир смял меня, словно бумагу. Даже если бы я смог выбраться, лист уже не распрямить — он всегда будет помятым.

— Есть и другие способы быть несчастным, Коул. Есть способы получше, чем справляться с этим просто отключив свой мозг.

Мой голос был жестче, чем я ожидал.

— Я пытался.

— Нет, ты был счастлив. До сих пор тебе не нужно было пытаться.

Я не ответил. Не было смысла спорить. Он знал меня так же хорошо, как и я сам. Он играл на басу мои мысли три альбома.

— Виктор мертв, — сказал я.

— Я знаю. Догадался.

— Это моя вина. Целиком. Я втянул его в это.

— Виктор сам втянул себя в это, — сказал Джереми. — Мы все были парнишками из Нью-Йорка. Я не последовал за тобой ни в какую кроличью нору. Виктор бы пошел и без тебя.

Я не верил этому. Я умел убеждать.

— Как ты это делаешь? — спросил я.

— Я просто живу, Коул. Я не отключаю свои мысли. Я справляюсь с херней, когда она случается, и это проходит. Если ты не будешь думать об этом, оно останется навсегда.

Я закрыл глаза. Я все еще слышал, как маленький мальчик катается на своем велосипеде вниз по улице. Это заставило меня подумать о парне на крыше, который разбил свой самолет, потому что суть была не в посадке, а в самом полете.

— Я всегда думал, что ты будешь тем, кто умрет, — сказал Джереми. — Я продолжал думать, что однажды мне позвонят, когда я буду спать. Или я зайду к тебе в комнату перед концертом и будет уже слишком поздно. Или же...

Он остановился, а когда я повернулся к нему, все еще сидящему по-турецки на капоте Мустанга, его глаза блестели. Он моргнул и две слезы скатились по его лицу — быстрые и блестящие как ртуть.

Возможно, это одновременно было лучшим и худшим, что я чувствовал в своей жизни. Я не знал, что сказать. Прости? Я не хотел ранить кого-либо еще?

— Никто не говорил мне, что это будет так тяжело, — сказал я.

— Почему для тебя все сложнее?

Я покачал головой. Я даже не знал, действительно ли все было сложнее для меня, или же я просто был бракованным. Я вытер нос рукой и указал на Мустанг под Джереми.

— Вот это вещь, — сказал я.

— Ага, — сказал Джереми совершенно другим голосом. — Он шел вместе с домом. Был еще компактор для мусора, но Стар сломала его.

Мы оба вздохнули.

— А вот и она, — сказал Джереми, когда его пикап появился на вершине холма. Он затормозил возле маленького мальчика, и паренек подошел, чтобы поговорить со Стар через окно со стороны водителя. Я увидел ее длинную загорелую руку, свисающую на дверь пикапа, на ее запястье болтались браслеты, по обе стороны от ее лица спадали пряди волос, и я увидел, как парнишка на своем выцветшем велосипеде наклонился, чтобы поговорить с ней, его волосы были взлохмачены. И неожиданно меня охватила ностальгия по прошлому, которое не было моим.

Я просто хотел быть счастливым. Я просто хотел что-то *создать*.

— Ты должен избавиться от этого, — наконец сказал Джереми. — Иначе это всегда будет одним из вариантов. Ты действительно собираешься с этим завязать, или же это всегда будет выходом, когда дела идут плохо.

Пикап затормозил возле нас. Стар припарковала его и и наклонилась, чтобы посмотреть на меня через открытое окно со стороны пассажира. Она слабо мне улыбнулась.

— Ты выбрал жизнь, пока меня не было?

Я сказал:

— Конечно.

Джереми спросил:

— Так ли это?

Смотреть ему в лицо было по-хорошему больно.

— Да.

ИЗАБЕЛ •

В ту ночь я прибыла в дом Сьерры вместе со своим леденящим взглядом и убийственными губами.

Время развлечений.

На мне было белое платье из винила или кожи — не могу сказать, в чем разница; кто вообще может? В любом случае, если кто-то удосужится задуматься об этом — значит, я надела его неправильно. Я всегда обувала белые босоножки на огромном белом каблуке. Единственный цвет в моем наряде был на моих устрашающих губах. Никто не скажет, что я не предупреждала.

Я когда-то задумывалась, на что действительно похожи тусовки. Когда мне было одиннадцать или двенадцать. В фильмах все так жаждали пойти на вечеринку. Все телешоу были о девочках, которые думали, пригласят ли их на ту или иную тусовку, как будто существовали разные уровни и квалификации вечеринок. Я не представляла, что их туда так манило, но отчаянное желание попасть туда сулило что-то хорошее.

На сегодняшний день я посетила больше вечеринок, чем мне положено. И оказалось, что телевиденье не врало. Они восхваляли большинство характерных признаков реальных вечеринок: бухло, обжимания, музыка, которая звучала бы лучше в наушниках. Может, немного наркотиков, игры с выпивкой, бассейн и остроумные подколы. Вероятно, остроумные подколы прилагались к играм с выпивкой или обжиманиям.

Может, я просто всегда была слишком трезвой для всего этого.

Дом был расположен высоко на Голливудских Холмах, в причудливом районе, ослепляющем своим светом остальные чуть менее причудливые районы. Это был невероятно белый огражденный участок — смесь отшлифованного бетона и окон. Со вкусом расположенные огни привели меня из такси во двор. Это был дом Сьерры и ее вечеринка, так что играл мечтательный шугэйз^[41]. Звук был похож на смесь падения стакана с водой и медленной пытки на электрическом стуле. Людей уже было полно.

Боже, я их ненавидела.

Я зашла внутрь. Из-за сбивчивого бита и толпы людей казалось, будто пол движется. Головы, должно быть, повернулись. Не могу точно сказать. Быть мной значило, что я не могла позволить себе больше, чем пренебрежительный взгляд своих широких глаз на любого человека.

Одна из проблем вечеринок заключалась в том, что я не была уверена, в чем их смысл, так что никогда не понимала, что с меня хватит. Я поискала Сьерру. В конце концов, если она увидит меня, я получу очко за то, что пришла.

Я прошла мимо большого бассейна. Он был полон плескающихся нимф и светился разноцветными огнями. Розовый, фиолетовый, зеленый. Парень, наполовину находившийся в бассейне, схватил меня за лодыжку своей мокрой рукой.

— Залезай, — сказал он.

Я посмотрела на него сверху вниз. На нем была блестящая подводка для глаз. Я задумалась, что это был за бренд, раз подводка не смылась в воде. Его мокрая рука на моей лодыжке напомнила мне о Коуле, совершающим что-то подобное много месяцев назад.

Предельно холодно я ответила:

— Мне не нравится быть мокрой.

Я ожидала, что парень запротестует, но он просто выглядел сконфуженно и затем нырнул под воду без всякого уважения, которое я бы к нему проявила.

Посреди бассейна девушка медленными ленивыми кругами плавала на спине, а парень лениво подплыл к ней и поцеловал ее руку. Я задумалась, существовал ли вообще мир, в котором я бы стала похожей на них. Я подумала, таким бы человеком я стала, если бы мы никогда не уезжали из Калифорнии; если бы мой брат никогда не умирал; если бы мы не уехал от Коула; если бы мои родители никогда не разлучались.

Когда я отошла от бассейна к окружающей дом плиточной террасе, кто-то со светящейся палочкой вокруг шеи предложил мне напиток. Он переливался двумя разными цветами, напоминая одновременно что-то, что я хотела бы взять в рот, и что-то, что природой глотать не предполагалось.

Я покачала головой. Однажды мой брат сказал мне, что алкоголь делает тебя кем-то другим, чего я уж точно не хотела. Что, если кто-то другой был еще хуже, чем я сама и так была? А мой друг Маккензи когда-то сказал, что алкоголь просто преумножает то, кем ты и так являешься.

Миру это было не нужно.

Войдя, я провела рукой по металлическому балкону. Свет внутри дома был погашен, и на всех были светящиеся палочки, рождественские огоньки или другие светящиеся части костюмов. Я не хотела туда идти, но Сьерра несомненно была там. Она такое дитя. Здесь на самом деле все было как ожившая детская фантазия, воплотившаяся в реальность.

Но это была просто кучка разодетых взрослых и ужасно много бессмысленного блеска.

Я просто ненавидела...

Почему этот блеск не стирался с меня?

Ладони на моей руке. Это была Сьерра. В итоге она нашла меня. Она была похожа на прищельца со светящимися в темноте ресницами и фосфорными точками на носу и скулах. В ее волосы было вплетено оптоволокно. Она была не женщиной; она была картинкой. Все ее друзья тоже светились в темноте. Сьерра схватила меня за руку.

— Золотце! Я надеялась, что ты придешь. Возьми себе выпить, возьми себе парня, возьми себе мечту — все здесь превосходное!

Ее черные зрачки были ослеплены отражениями неоновой розовой и зеленой. Она послала воздушный поцелуй мне в щеку.

В ответ я разомкнула губы и моргнула, мои ресницы коснулись щеки. Я много раз репетировала это выражение у зеркала. Сделав это куда медленнее, чем, как ты думаешь, следует, ты будешь выглядеть циничнее.

Сьерра была в восторге. Она представила меня своим друзьям, пощупала мое платье, ухватившись рукой прямо за мою грудь, а затем она запрокинула голову назад, чтобы все мы могли убедиться, что у нее самая длинная шея.

Она сказала:

— Вот, тебе нужно немного... — откуда-то она достала светящуюся в темноте косметику.

— Закрой, — скомандовала она. Я закрыла глаза. Я почувствовала, как она провела по моим глазам и губам.

— Открывай, — Сьерра улыбалась мне во весь рот. — Теперь ты одна из нас.

Это никогда не будет так.

— Иди, — сказала мне Сьерра, махнув рукой. — Развлекайся. А затем возвращайся и расскажи мне обо всех сказочных местах, которые ты посетила.

— Конечно, — ответила я. — Сейчас повеселюсь. Непременно.

Не то чтобы меня отшили, но чувствовала я себя именно так. Сьерра на самом деле думала, что я собиралась упорхнуть со своим свежеразукрашенным светящимся лицом к ее клевым друзьям. Это была вечеринка из детей, а детям нравятся другие дети.

Может, я даже не представляла, какого это.

Я прошла через темную гостиную (бледный диванчик был аккуратно разукрашен светящимися красками) в темную кухню (столешница была забрызгана краской), а затем в темное что-то-еще (ничего светящегося, кроме стеклянного кофейного столика, неидеально отражающего мое лицо). Музыка играла отовсюду. В воздухе витал аромат апельсинов, кренделей и неоновом розового.

Пока я медленно ходила между группками разговаривающих людей, с которыми только познакомилась, я думала о том, что Л.А. не был местом для одиночества. Все места предназначались для того, чтобы не быть в одиночестве, но Л.А. был городом, что славился легким и беззаботным общением. Этот город указывал на то, что для тебя чертовски невозможно завести знакомства, раз уж ты не можешь сделать этого в Л.А... Это было место для улыбок, держания за руки и поцелуев с незнакомцами, и если ты не завел друзей, то это потому что не улыбался, не держался за руки и не целовался. Роль незнакомцев была неважна.

Как давно я уже здесь?

— Изабел!

Это был Марк. Марк Сьерры. Он был с группой парней, которые немного походили на него — милые, безвредные, загорелые и заботливые. Они были различимы, потому что стояли возле стеклянной стены. Позади них был склон и беспокойный Л.А..

— Вы, ребята, не светитесь в темноте, — сказала я.

— Мы и без того достаточно яркие, — ответил Марк. Его друзья рассмеялись. Я — нет. — Хочешь выпить?

— Что-то, что не светится? — спросила я. — В этом месте существует простая вода?

— Вода! — сказал один из его друзей. Его козлиная бородка была безупречна.

— Здесь? Это не кошерно, чувак.

— Я думаю, это наверняка единственная кошерная вещь здесь, — раздраженно ответила я. — Ты вообще знаешь что-то о еврейском народе?

— Мне сделали обрезание, — ответил он. — Это по-еврейски, так ведь? О, постой. Иисусе, ты — еврейка?

Я посмотрела на него. Медленно моргнула. Разомкнула губы. Он смотрел. Я сказала:

— Я думала, ты собирался принести мне воды.

Он подскочил, чтобы найти ее. Марк рассмеялся в полном восторге.

— Прекрасная работа.

В подтверждение я сузила глаза. В самом деле, весь секрет был в том, чтобы почти ничего не говорить, а затем, когда открываешь свой рот, сказать что-то ужасное. Тогда все они сделают то, что ты захочешь.

Марк поспешил заполнить тишину.

— Мы с Граббом здесь говорили о, ну, том парне, который приземлил истребитель

после того, как отвалилось крыло. Очевидно, оно отвалилось, ну, прямо сразу, а он все равно приземлился.

Грабб медленно, словно лава, сказал:

— Разве это не самая безумная вещь, о которой ты когда-либо слышала?

Я сказала:

— Безумство.

Марк коснулся своей шеи и подбородка, но смотрел он на мою шею и мой подбородок.

— Где же Ларс с твоим напитком? Это заняло целую вечность.

— Согласна. Я все равно не доверяю ему в том, что связано с напитками, — сказала я. Я не отводила взгляд от глаз Марка. Не то чтобы я хотела с ним пофлиртовать или хотела его самого. Я просто хотела увидеть, на что способна. — Там могут быть светлячки.

Марк прикусил нижнюю губу, как будто задумался о воде, но не думаю, что он представлял этот напиток. В силу этого мое сердце забилося немного быстрее. Это была провокация, но кому она могла навредить? Я просто хотела узнать. Я хотела узнать, хотела ли я кого-то еще, могла ли его заполучить и каких усилий это потребует. Было ли это так же легко, как просто находиться здесь, ничего не говорить, позволять им представлять, кто ты на самом деле?

— Слушай, давай пойдем поищем тебе что-то, — сказал Марк. — Ты будешь видеть, как я это наливаю. Никаких светлячков.

Мои ладони неожиданно вспотели. На самом деле, это была не провокация. Это было по-настоящему.

Я подумала о том, что чувствовал Коул, когда спал с девушкой в туре. Вот так? Игра. Охота. Удар по самолюбию, тепло внизу живота, знание того, что мои губы жаждут поцелуя, а я жажду, чтобы кто-то расстегнул это платье и увидел, как хорошо я выгляжу в этом бюстгальтере.

Я могла сказать ему, что возьму себе выпить сама. Я могла дождаться Ларса, не смотря на то, что не было ни единого шанса, что Ларс собирался принести что-то безалкогольное, потому что я знала парней, хоть и не знала его.

Я просто хотела, чтобы что-то произошло. Я просто хотела перестать бродить по этой вечеринке в одиночестве, ожидая... сама не знаю, чего. Когда я пойму, что с меня хватит. Когда я пойму, что *развлеклась*, в прошедшем времени.

Я сказала:

— Идем найдем мне выпить.

— Скоро вернусь, чувак, — сказал Марк Граббу.

Скоро вернусь. Скоро вернусь. Потому что это был пустяк.

Я последовала за Марком. К моему удивлению, он в самом деле привел меня к бару и набрал стакан воды. Он протянул его мне, удерживая мой взгляд. Он ждал. Мое сердце подпрыгнуло. Я хотела что-то сделать, без разницы, что именно, даже если это что-то означало обжиматься с Марком.

Я сказала:

— Где я буду это пить?

Это все, что требовалось Марку. Он сказал:

— Идем, я покажу тебе кое-что.

Кое-что оказалось полукруглой бетонной обсерваторией в конце одного из простирающихся балконов. Это оказалась маленькой спальней со сделанным на заказ

зеркалом во всю стену и шикарным красным матрасом всего в нескольких дюймах от пола, полностью залитой светом из окна в потолке, в которое попадали прожекторы. Оказалось, Марк закрыл за нами дверь, забрал у меня стакан и поставил его на низкий столик.

Затем он положил свои руки по обе стороны моей талии в виниловом-или-кожаном платье и поцеловал меня.

Это, вероятно, был винил. Настоящую кожу не купишь за такую цену. Но, с другой стороны, я приобрела его в секунд-хенде. Так что оно могло быть чьим-то дорогим обноском.

Мы все еще целовались. Он был также горяч и настойчив, как Коул. Не важно, что Марк на самом деле не знал меня. Он все еще хватался за мой рот, как будто это был ограниченный выпуск, выходящий из моды, возьми сейчас, пока не разобрали. Знать, что любовь, казалось, не имела ничего общего со страстью, было неким освобождением и унынием.

Он крепко схватил меня за бедра и не почувствовал сопротивления. Так вот какого быть вещью. Вот какого делать вещь из кого-то. Если бы у него не было имени, это бы что-то меняло? А если бы у него не было лица? Если бы были только эти руки или прижимающийся ко мне таз...

Он отстранился всего на секунду.

— Ничего не говори, — сказала я.

Он рассмеялся себе под нос.

— Нет, серьезно. Заткнись.

И он заткнулся.

Физически, не было ничего неприятного в том, чтобы обжиматься с этим человеком. Скорее даже наоборот, если бы я отвечала. Мой рот приоткрылся под его. Живот прижался к его прессу. Его пальцы потянули вниз молнию на моем платье и мое дыхание сбилось, когда он поцеловал краешек моей груди. Я чувствовала себя кем-то другим. Думаю, со стороны мы наверняка казались очень милой парочкой. Это казалось ужасно взрослым и подходящим для Л.А... Двое милых людей целуются в обсерватории, построенной для ученых, на кровати, предназначенной не только для сна. Я знала, что он снимет мое платье, если я позволю, и не видела причин, почему бы и нет. Это наверняка не было бы *плохо*, даже если и не хорошо. В любом случае, это будет крутая и понятная история.

Он потянул свою рубашку вверх. Он был мускулистым и не отталкивающим во всем. Это было хорошо. Со мной все было хорошо.

Мое платье смялось неровными складками под его правой ладонью. Конечно же, такого бы не произошло с винилом? Я правда не знала. Сейчас я была бы не прочь поискать это в Интернете.

Он расстегнул молнию до уровня моего пупка.

Так что, я предположила, что это происходит. Я продолжала ждать, когда почувствую себя полуголой.

Марк отодвинулся назад.

— Господи, — сказал он, — ты прекрасна.

Его голос звучал точно также, как когда по вечерам он уходил в кладовку, чтобы заняться бумажной работой. Точно также, как когда он спросил меня, знаю ли я Коула. Правильно было бы сказать «прямо как Марк», потому что он и был Марком. Что вообще вынудило его это сказать? Возможно, он неправильно понял происходящее.

Я произнесла:

— Я сказала тебе заткнуться.

Он рассмеялся.

Я — нет. Я отбросила его руку и потянула свою молнию вверх.

— На этом и закончим.

— Что? — спросил он. — Серьезно?

— Да, серьезно.

Я ожидала, что он возмутится, но он просто запустил руку себе в волосы. Его губы были испачканы неоном. Из-за меня. Он был от моих губ. Наконец, он сказал:

— Черт, ладно.

Часть меня хотела сказать «*Нет, правда, давай просто разойдемся*». Потому что сейчас у меня во рту был этот неприятный вкус и смутное чувство ненависти к нему, к себе или ко всему.

— Это все равно было плохой идеей, — сказал Марк. — Я не настолько пьян.

Чем больше он говорил и чем больше времени проходило с тех пор, как он касался меня, тем больше я утопала в правде: я почти переспала с мужем своей начальницы. Я обжималась с мужем своей начальницы на вечеринке. Такой девушкой я была.

— Тебе следует идти, — сказала я. Мой голос был едва различим. — Тебя ищет Сьерра.

Когда он посмотрел на меня, его лицо на секунду сделалось озадаченным, а затем превратилось во что-то похожее на жалость. Он рассмеялся, но не от веселья, а надо мной или над собой. Я почувствовала себя наивно и глупо.

— Нет. Не ищет.

Я подняла на него взгляд своих голубых смертельно-холодных глаз под маской и подождала, пока неопределенность не вернулась в его взгляд. Тогда я сказала:

— Мне нужно привести в порядок свои губы.

К тому времени, как я нашла свою сумочку, он уже ушел, едва хлопнув дверью. Я стала напротив зеркала и рассмотрела свои измазанные неоном губы. Я вытерла его, аккуратно вернула своим губам холодный розовый цвет, уложила волосы возле лица и застегнула молнию на платье, пока не стала выглядеть также, как и до этого.

Затем я достала из сумочки свой телефон. Я подправила подводку для глаз так, чтобы не размазать неоновый голубой цвет, который Сьерра нанесла на мои веки.

Я вдохнула.

Я набрала номер Коула.

— Ты трезв? — спросила я.

— О, *перестань*. Ты для этого...

— Коул. Трезв?

Пауза, чтобы передать раздражение.

— Ага.

Я хорошо сдерживала свой голос, но это требовало немалых усилий.

— Пожалуйста, приезжай и забери меня.

КОУЛ •

Когда я приехал на вечеринку, то вынужден был припарковаться вниз по улице, а затем, когда я зашел внутрь, найти Изабел заняло у меня целую вечность. Свет внутри дома был выключен, а черные лампы заставляли всех девушек сиять ультрафиолетом. Снаружи кругом был блеск и экспериментальные танцы, потому что такими они уж были людьми. Меня узнали, потому что это была вечеринка такого рода, но никого это не волновало, потому что это была вечеринка такого рода. Музыка заставляла меня хотеть избить хиппи.

Изабел стояла у бассейна с группой людей, которые с энтузиазмом и непристойностью от опьянения двигали руками. Она застыла в позе. Одно плечо опущено вниз, подбородок поднят вверх. На ее глазах был черный и макияж толстый намек на линию такого же голубого неона, что и ее глаза. Ее рот был создан из стекла — точеный и неподвижный. На ней было белое кожаное платье, в котором она выглядела в тысячу раз утонченнее большинства людей. Стоя посреди всего этого блеска, шума и глупости, в мире, который я неловко и громко населял, она была прекрасна.

Парни в группке смотрели на нее с боязливymi трепетом. Они смотрели на лицо, которое она сейчас сделала, и видели ледяную королеву. Что-то, что должно оттаять.

Всем, что видел я, была ее грусть.

Когда я подошел ближе, то услышал их голоса. Остальные были истерическими и громкими. Голос Изабел — тихий, скупающий и свыше всего этого.

Я подошел к ней сзади. Они заметили меня раньше нее.

— Привет, принцесса, — сказал я достаточно громко, чтобы они меня услышали. — Мир вызывает. Ты снова им нужна.

Она повернулась ко мне, и ее лицо — всего доля секунды, когда она увидела меня — сразило меня. Не потому что оно было жестоким, а наоборот. На один миг доли секунды я увидел неприкрытое облегчение на ее лице. Затем оно спряталось под маской. Но я все еще чувствовал это внутри себя.

— Что, ты уходишь? — спросила одна из девушек. Она была голубоглазой блондинкой, как Изабел, но немного старше и на несколько градусов менее горячей.

Рука Изабел находилась между ее и моей ногой. Безо всяких фанфар я переплел наши пальцы.

— Да, да. Я очень нуждающийся. Никому не говори, — я сверкнул ей нуждающейся улыбкой, и девушка подняла брови.

— Увидимся в четверг, — сказала Изабел. Как легко она изображала из себя страдальцу на публику. Не думаю, что вообще когда-либо видел ее такой расстроенной. Она, возможно, собиралась сказать что-то еще. Не знаю. Я потащил ее прочь оттуда через толпу, через ворота вниз по дороге, к мустангу. Мы уже были в темноте, а не посреди неона, но я не отпустил ее руку.

Мы сели в машину.

— Я хочу за руль, — сказала она.

Я не хотел давать ей ключи, но молча передал их.

Она ехала слишком быстро, а тормозила слишком поздно, но Изабел Калпепер всегда

могла взять себя в руки до того, как перейдет все границы.

— Чья это была вечеринка? — спросил я.

Изабел сузила губы. Она не отвлекалась от дороги.

— Моей начальницы.

Она повела мустанг прочь от огней. Мы собирались умереть. Я был напряжен.

— Куда мы едем?

— Я не знаю, — сказала она.

В тишине взревел двигатель. Не думаю, что до этого я хоть раз ехал в машине с выключенным радио. Это походило на конец света.

— Почему я не могу это сделать? — неожиданно со злостью спросила она. Мы влетели в поворот. Возможно, эта ночь закончится конфискацией этого автомобиля, но сказать ей об этом казалось плохой идеей.

— Сделать что?

— Просто забыть обо всем. Просто пойти куда-то, *напиться* и притворяться, что нет ни проблем, ни последствий. Я знаю, почему. Потому что проблемы и последствия никуда не деваются. И поход на... на *вечеринку* не заставит их исчезнуть. Я чувствую себя так, как будто я — единственный здравомыслящий человек в мире. Не понимаю, почему этот весь мир работает на *глупости*.

Вместо того, чтобы становиться громче, ее голос был ровным.

— Ты можешь это сделать. Я видела тебя пьяным. И знаю, что ты снова превращался в волка. Я слышу запах. Я не идиотка.

Долгое время я не отвечал. Я знал, что это еще больше сводило ее с ума, но не знал, что сказать. Было еще слишком рано, чтобы она доверилась мне, но еще не поздно, чтобы в конце концов заслужить доверие.

Я был трезв, но также был волком, а это было еще хуже.

Изабел не отрывала взгляд от дороги. Она закружилась в очередном повороте.

— *Бойся*. Почему ты никогда не боишься?

— Чего ты хочешь, чтобы я боялся?

Завизжали шины, когда мы шумно подпрыгнули, остановившись возле пустого красного светофора.

— Смерти. Неудачи. Чего угодно.

Я боюсь, что ты не возьмешь трубку.

Я спросил:

— Куда мы едем, Изабел?

Я вроде бы и имел в виду прямо сейчас, но также подразумевал большее.

Она повторила:

— Я не знаю.

— Хочешь поехать домой?

Она не ответила. Это было «нет». Хорошо. Я не хотел везти ее домой.

— Хочешь поехать ко мне?

— Я не хочу быть под прицелом камеры.

С этим я, по крайней мере, мог разобраться.

ИЗАБЕЛ •

Коул не просто отвез меня домой. Он велел мне припарковать мустанг позади его дома, но когда мы вышли из него, он повел нас прочь от ворот к дому по соседству.

— Он пустой, — сказал он мне. — Арендный. Я проверял.

Внутри было темно, но не так, как в доме у Сьерры. Темнота была сумрачной, несовершенной и утешающей в своей реалистичности. Мебель была по-модному убогой, немногочисленной, приятной и недорогой, как это обычно бывает в арендных домах.

Коул провел мне экскурсию, открывая двери и едва заглядывая в каждую комнату.

— Спальня. Кухня. Прихожая. Туалет. Лестница на крышу. Коридор в задний двор.

Затем он повел меня через небольшую гостиную к раздвижной двери, скрытой за бамбуковой шторкой. Он надавил на нее, пока та не открылась. Невероятно, но по другую сторону был миниатюрный мир в саду. Я не понимала этого, пока не вошла в дверь. Посреди всего этого был белый диван; всего в десяти шагах была еще одна раздвижная дверь, ведущая в остальную часть дома. В этой маленькой комнате между двумя частями дома по стенам вились, росли и раскрывались тропические листья всех форм и размеров. Одно дерево было покрыто апельсинами, другое — лимонами. Папоротники густо обвивали стволы небольших пальм. Загадочные цветы, как экзотические птицы, не спешили показываться и давали себя обнаружить только со второго взгляда. В воздухе пахло чем-то растущим и красивым, чем-то, что люди наливают в пузырьки и наносят на кожу за ушами.

Коул запустил свою руку мне в волосы и воспользовался этим, чтобы повернуть мою голову, пока я не посмотрела прямо вверх. Я увидела то, что он хотел мне показать: потолок высоко над головами был заостренным и сделанным из стекла. Это был парник. Нет, как там правильно? Консерватория.

Стены с растениями и ночь исключали любой шум от дороги или вечеринки. Мы были посреди ничего. Снова в Миннесоте. Нет, в более далеком и удивительном месте. Где-то, где раньше никто не бывал.

Коул прошел к дивану и упал на него, как будто достаточно повидал мир и устал от этого. Мгновенье спустя он достаточно глубоко вздохнул, чтобы я увидела, а не услышала это — грудь высоко поднялась, а затем опустилась.

Я поставила свою сумку возле дивана и села на другой его край. Закинув свои ноги на его, я откинулась на изголовье дивана и сама испустила вздох. Коул положил свои руки мне на ноги и моргал, глядя на стену напротив. Была какая-то пустота в его выражении лица.

Так мы просидели несколько долгих серо-зеленых минут среди мирно покачивающихся листьев пальм и папоротников. Вечнозеленый гельземий рядом со мной висел, словно тихий колокол в ожидании, когда в него позвонят. Мы ни о чем не говорили. Коул продолжал смотреть на стену, а я продолжала смотреть на него и апельсиновое дерево по другую сторону от него.

Коул пошевелил рукой, проведя пальцами по выпирающей косточке на моей лодыжке.

Я вдохнула.

Его пальцы задержались там, играя с моей кожей, почти щекоча ее. С их помощью он повторил форму моей лодыжки и краешек босоножки — рука творца.

Я посмотрела на него. Он посмотрел в ответ.

Он осторожно расстегнул ремешок на моей босоножке. Первым по полу стукнул каблук. Его рука скользила вверх по моей ступне и лодыжке к икре. Вслед за его пальцами у моя кожа покрывалась мурашками.

Я выдохнула.

Вторая босоножка присоединилась к первой. Он снова провел ладонью по моей ноге. Я поймала ее также, как он касался меня. Казалось, будто его пальцы сочли меня прекрасной. Как будто я была любима. Как будто просто провести своими пальцами по моему телу уже было привилегией.

Я не двигалась. Он не знал, как всего несколько часов назад на вечеринке я позволила кому-то другому касаться меня и сама касалась его в ответ.

Но...

Коул наклонился вперед, чтобы встретиться со мной губами. Этот поцелуй... его рот был голодным, жаждущим. Но его руки все еще были на моей спине и прижимали мои бедра, а его прикосновения были тихим криком: *я люблю тебя*.

Как глупо с моей стороны было думать, что я не увижу разницу между этим поцелуем и поцелуем Марка. Как нелепо было сводить Коула к одним лишь его неприятностям и шуму, так злиться, что забывать об остальных его истинных качествах. Чем я была без напускной любезности?

Подводкой для глаз в белом платье.

Мы были такими ничтожными безо всех своих грехов.

Обернув руки вокруг его шеи, я заплакала.

Какой же я была идиоткой. Этот момент был идеальным, этот поцелуй был идеальным, а я плакала. Все со мной было *не так*. Во мне все было настолько запутанно, что я не могла плакать, когда все было ужасно, но не могла сдержаться, когда все хорошо.

Наши губы стали солеными от слез. Коул не прекратил и не остановился, но его руки поползли вверх по моей спине и прижали меня крепче. Мгновенье спустя он прижал свой лоб к моему, а я положила руки на его лицо и мы просто сидели так, дыша одним воздухом на двоих. Было так много *нас* и так мало *его и меня*. Мы, мы, мы. Это было противоположностью одиночеству.

Коул сказал:

— Ты — единственное, что я сделал хорошего в своей жизни.

Я ответила:

— Прости, что так раскисла.

Он снова поцеловал меня. Мой рот, мое горло, мою кожу за ухом.

Он замедлился. Отстранившись, он произнес:

— Скажи мне, что это что-то значит для тебя.

Странно было об этом спрашивать. Как будто был другой вариант. Он был той рок-звездой, что развлекалась в турах с бесчисленными девушками бесчисленными ночами. Он был тем парнем с бесцеремонной улыбкой и легким смехом.

Но не это было правдой. Не на самом деле. Не сейчас. Сейчас я была той, у когс стальное сердце. Я была той, кто всегда убегает.

Слеза капнула с моего подбородка на ногу. Она была серой из-за подводки для глаз. Я сказала:

— Не дай мне оставить тебя.

А затем, в нашем тайном кусочке Лос-Анджелеса, мы поцеловались и избавились от одежды. Его руки боготворили мое тело, мой рот исследовал его, и в конце было вот что: мы, мы, мы.

КОУЛ •

Это место, это место. Жаркий Венис, штучный Эдем, светящееся хипстерское место Новой Эры, куда люди приходят, чтобы поверить в судьбу, предназначение, карму и все те вещи, которые являются истинными только здесь и только если ты сам превратишь их в правду.

Однажды я был мертв в Лос-Анджелесе.

ИЗАБЕЛ •

Я открыла глаза и не знала, где я. А затем, чуть более проснувшись, неожиданно *поняла*, но была в замешательстве. Мою голову переполняли мысли и ощущения. Мои собственные босые ноги поверх одеяла, лунный свет сквозь приоткрытое окно, паутинка тени от горшка с засохшей гипсофилой. Небритый подбородок Коула в ложбинке на моей груди, его ровный загорелый бок, его пупок, его бедра, его ноги, его лодыжка, переплетенная с моей, одна его рука, небрежно лежащая на моей шее, вторая — на нежном участке кожи у меня под грудью.

Наконец, мой мозг соединил все картинки в мысли и воспоминания. Наконец, я поняла: я была совершенно голая.

Мы были в одной из спален арендного дома. Опьяненные друг другом, существующие во влажном мире вне всякой логики, мы задержались здесь прошлой ночью и уснули поверх одеяла. Сейчас была ужасная рань и...

Что я вообще творила? Кто был этот человек, вместо меня? О чем я думала?

Я выпуталась из объятий Коула и нашла на полу свою одежду. Я переступила через нее и пошла к своему телефону, который был сунут в мой клатч. Два часа ночи. Моя мать все еще на работе, она не станет волноваться. Но, конечно же, София ждала и смотрела своими бессонными совиными глазами, беспокоясь о моем благополучии. У меня были четыре пропущенных звонка от нее.

— Хей, — сказал Коул. Он выглядел молодым, беззаботным и полусонным. Он просто оторвал свой палец от одеяла и указал им в моем направлении. — Хей.

Я неожиданно застыла, от мысли, что он произнесет не мое, а другое имя. Я с болью поняла, что если он назовет имя другой девушки, это разобьет мне сердце.

— Изабел, — сказал он, — что ты делаешь?

Я не знала. У меня подгибались колени. Я начала одеваться.

— Мне надо идти, — сказала я. Мой голос звучал куда более проснувшимся, чем его. В свете уличного фонаря я с легкостью могла разглядеть комод, зеркало, стеклянную скульптуру в углу комнаты. Казалось, в этом городе никогда и нигде не бывало темно. Я вдруг яростно возжелала настоящую ночь, чтобы полностью скрыться в ее идеальной темноте.

— Нет, — просто ответил он. Теперь он поднял всю руку и протянул ее в направлении меня. — Остайся.

— Не могу. Люди... никто не знает, где я. Мне нужно идти.

— До утра ничего с ними не случится. Возвращайся. ложись спать.

— Я не собираюсь спать. Мне нужно... — я не могла сообразить, как надеть свое платье обратно. Ни одна сторона не казалась правильной. Оно было каким-то неподходящим со всех сторон, а мои пальцы были жутко неуклюжими.

Коул приподнялся на локте и наблюдал, как я ожесточенно сражаюсь с предметом одежды. Наконец, я со злостью застегнула молнию. Вышло криво. В любом случае, кто сможет разглядеть это ночью? Никто. Я не могла вспомнить, куда дела свои ключи от машины. Может быть, они все еще валялись где-то в консерватории. Я не смогла найти их ни на прикроватной тумбочке, ни в своем клатче, ни на полу, ни... о нет, нет, я приехала на

машине Коула, мне нужно такси, я должна вызвать машину, я не могла даже подумать о...

— Изабел, — сказал Коул прямо позади меня. Он взял меня за локти и развернул к себе. Я напряглась, сопротивляясь. Я не могла смотреть ему в глаза. — Если тебе нужно идти, я отвезу тебя. Ты не в себе.

— Пожалуйста, отпусти, — произнесла я, и это было самым гадким, что я вообще когда-либо говорила, я ведь даже не хотела того, о чем просила.

Он отпустил. Я ожидала, что выражение его лица станет пустым, настоящий Коул уйдет туда, где я не смогу ранить его, но он все еще был здесь.

— Не делай этого со мной.

Ударение, каким-то образом, было на «*мной*». Он не ожидал, что сможет убедить меня не делать *этого*, чтобы это не значило, но я могла бы, по крайней мере, направить это не на него.

Я хотела, чтобы мои руки перестали дрожать. Я хотела, чтобы мой мозг вернул себе контроль над моим телом.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Я ухожу. Не будь засранцем из-за этого.

Я понятия не имела, что я несу. Я просто знала, что ухожу. Я собралась. Я вызову машину. Пойду на бульвар Эббот Кинни и сяду в нее.

Голос Коула был грубым.

— Ладно, Изабел. Просто... я понял. Ты — главная. Позвони мне, когда тебе будет удобно, хорошо? Не важно, что нужно мне. Не важно, как сильно я...я понял. Как скажешь. Будем играть по твоим правилам.

Я не ответила. Меня уже там не было.

КОУЛ •

включить свет
что сегодня будет смотреться хорошо
Может я
Может нет
подхожу ли я к твоим туфлям
твоим волосам
твоему лицу
Может я
Может нет
обратно на вешалку
растянут но не ношен
я использован

КОУЛ •

Я записал альбом.

Больше мне здесь делать было нечего.

Небо в Л.А. стало пасмурным и дымным. Без сияющего солнца и насыщенных цветов все выглядело по-другому. Дома казались более ровными, трещины на дорогах — более глубокими, пальмы — более сухими. Не то, чтобы казалось, будто то Л.А., который я любил, исчез, просто он как будто спрятался, уснул или споткнулся и лежал в канаве, ожидая, пока я найду его.

Я устал от ожидания. От создания. От работы. Я хотел какого-то завершения, окончания, чувства, которое я где-то уже испытывал.

Я хотел, чтобы Изабел позвонила мне и сказала, что была права, что я ей нужен, что она меня любит.

Я позвонил Леону:

— Товарищ. Не желаете ли пообедать со знаменитостью?

— Если бы я мог, — любезно сказал он. — Но у меня заказы до полуночи.

До этого были еще сотни лет. К тому времени Л.А. может быть уже мертв.

— Тогда завтра. Чили-доги. Запиши в свой ежедневник. В этот раз я за рулем.

Я сел в мустанг и поехал. Я не знал, куда направляюсь, но оказался в Санта-Монике. Я знал, что Изабел была здесь, но автомобиль не знал, что она не хочет меня видеть. Я заехал на большую крытую парковку и остановился там. Я хотел уколоться. Я коснулся своей кожи в том месте, куда вколол бы волка. Я почти чувствовал это. Я задумался, возможно ли было вызвать превращение без иглы или смены температуры, как в тот раз, когда от меня пахло волком, когда приперлись полуголые девушки.

Я сказал Джереми, что избавлюсь от этого.

Я избавился. Правда. Просто принять это по-настоящему оказалось сложнее, чем я ожидал. Нет. На самом деле, я знал, что будет непросто.

Завязать никогда не было просто.

Изабел находилась всего в нескольких кварталах. Я устал проверять свой телефон на наличие сообщений.

В машине становилось душно. Я открыл дверь и сидел на этой тусклой голубой парковке, трогая свое запястье и сгиб локтя, размышляя об исчезновении.

Я услышал свое имя.

— Коул? Коул?

Я повернул голову. Это был небольшой парнишка с большущим носом и засаленными коричневыми кудрями, стоящий прямо возле машины. Он был примерно моего возраста. Судя по его лицу. Дружеское сияющее выражение лица.

Он был фанатом.

Я убедился, что надел маску Коула Сен-Клера. У меня не было ручки, чтобы что-то подписать, но, может, у него есть.

— Хей, — сказал я, неохотно выходя из машины. Я закрыл дверь. — Что такое?

Он удивленно и пораженно объяснил.

— Я, ээ, я типа, не знаю, что сказать. Прости, мне, эм, неловко, ты просто, я...

— Все нормально, приятель, — сказал я ему. — Пользуйся возможностью.

— Клянусь, я не сталкер, это совершенно не так, — сказал он.

Не лучший способ завязать разговор, но я с этим уже сталкивался. Я просто ждал.

— Я видел, как ты сюда приехал, я как раз смотрел шоу, я большой фанат Наркотики. У меня вроде как есть все твои альбомы в двойном экземпляре, и я постоянно их покупаю, чтобы советовать их, эм, всем, кого знаю.

В том, что он сказал, не было совершенно ничего такого, но, по какой-то причине, я почувствовал легкую вибрацию в своем горле, когда он произнес «Наркотики». Оно сжалось, как при клаустрофобии. Я уже вел этот разговор, или очень похожий на него, в туре. Я как будто переживал воспоминание, а не сам этот момент. Как будто я проспал два года, а сейчас проснулся, никогда не оставляя свою старую жизнь позади.

— Это потрясающе, — сказал я ему. — Всегда приятно встречать фанатов.

— Подожди, — сказал он. — Подожди, это не все. Когда ты пропал, Коул...

В моих ушах зазвенело.

— Когда ты пропал, у меня тоже были не лучшие времена, — сказал он и закатал рукава. В кривых голубых тенях лестничной клетки я увидел его руки, покрытые шрамами. Следы от уколов и порезы. Но старые. Старые шрамы. — Но когда я услышал по радио, что ты был в реабилитационном центре, то подумал, что *тоже могу это сделать*. И я сделал. Именно это я и сделал, благодаря тебе. Потому что? если ты смог вернуться после этого, вернуться из мертвых, значит и я тоже мог. Ты изменил мою жизнь. Та ваша песня, ребята — *я поместил гроб вовнутрь вам не нужно меня хоронить* — я знаю, она о, о перерождении...

«Гроб из костей» не была о перерождении. Она была об ожидании смерти. Все тогдашние песни были об ожидании смерти. У меня сдавило в груди.

— Когда я услышал, что ты записываешься в городе, то понял, что это подходящее время. А когда увидел, как ты приехал сюда, понял, что это мой, это мой шанс сказать тебе спасибо. И показать тебе...извини, она еще не полностью зажила, — парень немного повернулся и задрал рубашку. Кожа на его спине была красной и раздраженной из-за свежей татуировки.

Прописные буквы гласили «*я поместил гроб вовнутрь/вам не нужно меня хоронить*». И дата. Дата, когда он вышел из реабилитационного центра или еще что. Он наверняка хотел, чтобы я спросил. Но я не стал.

В этом не было ничего такого, кроме того, что он взял цитату о желании умереть каждую секунду каждого дня и набил ее на своем теле, потому что не понял. Тем не менее, на самом деле, в этом не было ничего такого, потому что она значила то, что подразумевал он сам.

Но я знал, что она значила изначально, и то, что он навсегда оставил на своем теле мое желание умереть, было сродни удару в живот. Это чувство не прошло, когда он опустил футболку.

— Это невероятно, мужик, — сказал я ему. — Тебе идет. Давай...давай стукнемся кулаками.

Он вздрогнул, потер левый глаз, а затем сделал самый робкий удар кулаком, известный человечеству. Он выглядел так, как будто вот-вот упадет.

— Я просто хотел сказать тебе, — снова сказал он, — как ты вдохновляешь. Я не хотел отвлекать тебя от твоего...чего-то там. О боже, это лучший день в моей жизни.

Повернувшись, я сделал для него легкую волну рукой. Спустившись по лестнице, я услышал, как подо мною эхом загрохотал металл. Мои ноги стали ватными, а пульс неожиданно ускорился.

Он все сделал правильно. Он не набросился на меня. Не попросил расписаться на лице или на члене. Просто выговорился и пошел дальше своей дорогой. Он завязал и незаслуженно приписал мне бремя своего восстановления.

Но мое восстановление было таким хрупким. Что, если тот, кого вы приняли за лекарство, сам оказался все еще больным? Я пожелал вернуть тот оптимизм, что был у меня здесь в первые дни. Мою стальную решимость.

К тому времени, как я добрался до «Блаш», моя кожа стала липкой. Я чувствовал, как замирало мое сердце. Мой мозг твердил: паническая атака. Мое тело просто кричало. Каждая клеточка моей кожи посылала в мой мозг тысячу сигналов в секунду. *Бежать. Сражаться. Убраться отсюда к черту.*

Здесь нечего было бояться. Не из-за чего было паниковать. Но затем я подкину в голове изображение той татуировки, как лопата подкидывает могильную грязь. И мой живот скрутит. Это ощущалось, как резкое падение температуры.

Снаружи не холодно, сказал я самому себе. Даже преувеличив, нельзя было сказать, что там холодно. Я посмотрел на улицу и вообразил палящее солнце, сияющее в зеркалах автомобилей, белый свет, согревающий фасады зданий. Но мой мозг выл от холода. Мои руки покрылись мурашками от ненастоящего холода.

Я знал, что чем чаще я провоцирую превращение, тем большая вероятность того, что оно произойдет случайно. Я играл в эту игру вот уже несколько недель.

Нет.

Я позвонил Изабел. Мои пальцы дрожали уже настолько, что мне сложно было попадать по кнопкам.

Ее голос был еще одной холодной вещью в этом белоснежном дне.

— Калпеп...

— Магазин пустой?

— Коул, это не...

— Он пустой? — она должна была сказать «да», потому что я уже был здесь, мое лицо отражалось в черном зеркале на двери, а рука уже держалась за дверную ручку. Мне нужно было зажать голову между колен, подышать в чертов бумажный пакет, закрыться в комнате, достаточно далекой от облаков и всего мира. Мне нужно было убраться с улицы.

— Ага. Эй, что...

— Прости, — сказал я и повесил трубку. Я швырнул свой телефон, кошелек и ключи в горшок с растением возле двери.

Это не происходит.

Но оно происходило.

В ту секунду, когда я толчком открыл дверь в «Блаш», в ту секунду, когда воздух из кондиционера поразил мою уже и без того холодную кожу, все уже было кончено.

Изабел стояла между стендами с одеждой, уставившись на меня. Ее лицо выглядело каким-то странным, как будто я не мог его рассмотреть.

Мой желудок скрутило. Кожа натянулась. Дыхание сбилось. Я не мог сказать ей, что происходит. Но ей и не нужно было объяснять.

Она прикрыла глаза всего на миг. Затем открыла их. Она сказала:

— Нет. Коул, я не могу...
Но я уже был волком.

ИЗАБЕЛ •

И вот так просто это произошло.

Вот как следует разбираться с катастрофой:

1. Изолируйте худшую часть проблемы.
2. Найдите решение.
3. Избавьтесь от малейшего шума.

Катастрофа была таковой: Коул Сен-Клер, будучи волком посреди Санта-Моники, ворвался ко мне на работу, где я занималась поручениями Сьерры для ее частного показа сегодня вечером. Это было бы ужасно и в любое другое время, но сейчас это означало, что волк стоял перед магазином, освещенным тысячей свечей.

Изолируйте худшую часть проблемы.

Коул Сен-Клер.

Найдите решение.

Этого было достаточно, чтобы я захотела опустить руки.

Он был здесь, воплощая все, чего я боялась. Это не был монстр. Просто это не был Коул.

Это был каждый волк, которого я оставила в Миннесоте. Каждое стремительное, полное горя воспоминание, что ринулось в мое сознание. Каждая слезинка, которую я не проронила с тех пор, как переехала.

Волк не двигался. Его уши медленно повернулись ко мне и обратно к уличному шуму. Его прекрасная шерсть встала торчком с дикой подозрительностью. Как и раньше, глаза все еще принадлежали Коулу — сверкающе зеленые и насыщенные. Но все, что делало его Коулом, из них исчезло, а вместо этого были инстинкты и образы.

Он был готов к нападению, но здесь было некуда идти.

Я никогда не должна была позволять ему вернуться в мою жизнь.

Чудо творений Сьерры состояло в том, что он не выглядел здесь ни к месту до тех пор, пока не двигался. Он выглядел чучелом, которое как будто и было здесь и задумано. В свое время я повидала множество чучел. Спасибо, папочка.

Это привело мой мозг в движение.

Думай, Изабел.

Я осмотрелась: волк, куча одежды, свечи.

Изолируйте худшую часть проблемы.

Свечи пока не были проблемой. Разоблачение пока не было проблемой. Это были всего лишь возможности.

Проблемой был волк. И подумав об этом, я уже знала ответ. Я достаточно разбиралась в науке, чтобы знать, что в такую погоду его тело должно быть человеческим. В Миннесоте волки превращались зимой, но этот магазинчик был лишь временной зимой. Я понятия не имела, почему именно сейчас кондиционированный воздух заставил его превратиться, но видела, как он на него подействовал прямо у меня на глазах.

Найдите решение.

Я бросила взгляд на стену напротив, где был расположен термостат.

Тепло.

Я посмотрела на часы на стене. Пятнадцать минут до того, как Сьерра предположительно придет сюда, чтобы начать расставлять шампанское. Мое сердце колотилось.

Черт тебе поберу, Коул, черт тебя поберу...

Я сделала шаг, просто чтобы посмотреть, что произойдет.

Голова волка дернулась вслед движению. В этом не было никакой открытой агрессии, но вся его поза все еще казалась неожиданно опасной. Я увидела плечные мышцы под мехом. Его лапы напряглись, и я услышала тонкий, едва слышимый звук царапающих по бетону когтей. Я увидела смертельно белый клык, когда он тихо приподнял, а затем опустил губу.

Предупреждение.

В волчьем облики Коул не знал меня. Он не остановится, не разорвав мне глотку. Но ничего не изменится, даже если я тоже буду представлять угрозу.

Я отвела от него взгляд. Зрительный контакт будет только лишь восприниматься как вызов. Я сделала еще один шаг. И еще один. Я не подходила к нему ближе. Никакой угрозы.

Волк быстро и ловко повернулся, оставив отпечаток носа на внутренней стороне стеклянной двери прежде, чем развернуться обратно. Припав к полу, он осторожно продвигался вглубь магазина.

Пока он не добрался сюда... я должна разобраться с термостатом. Я включила отопление и поставила его на максимальную мощность.

В другой части магазина волк неожиданной уловил свое отражение в одном из декоративных зеркал, приставленных к стенам. Он удивленно отпрыгнул назад.

Бедром он задел один из столов. Три высокие свечи стояли на небольшом его возвышении над стендом с темно-серыми топами с тканевыми рукавами под водоросли.

В отражении зеркала я увидела колебание горящих свечей.

Я затаила дыхание.

Свечи пошатнулись.

На один короткий миг, когда одна свеча упала и потухла, я подумала, что все обойдется. А затем упали еще две. Одна из них укатилась в сторону и зашипела. Третья подожгла водоросли.

Черт, Сьерра...

Отражение разгорающегося пламени привлекло внимание волка. Он еще ниже припал к полу и попятился подальше, но здесь все еще было некуда деться. Он попытался выглядеть смело и агрессивно, но этот мир был маленьким, незнакомым и горящим, и он не мог отсюда выбраться.

Здесь становилось жарко. *Давай, Коул. Ну же.*

От горящего стенда начали исходить неровные облака густого дыма. Через две секунды сработает пожарная сигнализация.

Все, что мне было нужно, это чтобы заявились пожарники и вызвали копов, чтобы те застрелили этого волка.

Изолируйте худшую часть проблемы.

Я прикинула свои шансы. Я схватила со стены куртку из веганской кожи и набросила ее поверх горящего стенда. Я ударила по пламени. Понятия не имею, из чего сделана веганская кожа, но она расплавилась.

Пока я снова и снова била по пламени, волк пятился от меня обратно ко входу в

магазин. Его глаза наблюдали за мной. Убеждаясь, что я не представляю угрозу. Или за огнем, убеждаясь, что он не представляет угрозу. В любом случае, он не успел вовремя заметить стенд у входа. Он наступил прямо на него. Этот был уставлен низкими широкими свечами, которые не должны были упасть. Но он врезался прямо в них. Я услышала запах паленого меха.

Над головой включилась пожарная сигнализация. Громкий, чистый и продолжительный звук.

И его перемкнуло.

Волк набросился на стол напротив, разбрасывая все свечи на своем пути. Повсюду я видела разгорающееся пламя. Стенды с рубашками, стеллажи с леггинсами. Кучка одежды Коула. Даже растения Сьерры сдались: сначала загорелись сухие листья, а затем и остальные позволили огню жадно себя поглотить. Все это место было сродни бомбе.

Я бросилась к прилавку и схватила свою бутылку с водой. Я вылила ее содержимое на край стенда. Какое же бесполезное действие. Кладовка... есть ли там что-то более значительное? Когда пожарники были намерены сюда явиться? Я что, просто выпустила волка на улицу?

Я не соображала. Пожарная сигнализация кричала, чтобы я убиралась отсюда.

Коул забился в угол, опустив уши и дрожа.

— Неужели этой жары может быть недостаточно для тебя? — прорычала я.

Но жары было достаточно. Потому что он задрожал в превращении. Сейчас его лапы превратились в пальцы, цепляющиеся за стену и царапающие бетон, а его голова согнулась, вздрагивая, и затем он превратился в Коула, парня, монстра. Голый и человечный, свернувшийся в клубок в углу.

Мне стало больно. Моему сердцу было ужасно больно, когда я видела его, чуяла запах волка, наблюдала, как все вокруг рушится.

Его глаза были широко раскрыты. В них отражались языки пламени.

— Боже, — сказал он.

Пламя не подбиралось ближе из-за бетонного пола и стен. Единственным, что здесь мог поглотить огонь, было все, что сотворила Сьерра, и все, что вырастила я.

Вдалеке я услышала сирены. Огонь. Полиция. Камеры. Доказательство.

— Ты не можешь здесь оставаться, — сказала я ему яростнее, чем могла себе представить, хоть до сих пор точно не понимала, на что именно я была так зла. Я поспешно скинула свои ботинки и стянула из-под туники леггинсы. Я бросила их в него. — Надень это. Убирайся. Выйди через черный ход.

Окна перед магазином неожиданно перекрыл темно-красный цвет пожарной машины.

— Но...

Мой желудок скрутило от понимания, что все разрушено. Через пять минут должна была приехать Сьерра. Все ощущалось нереальным. Или же только это и было реальным, а все остальное — нет и никогда не было.

Я закричала:

— *Убирайся из моей жизни!*

Коул качнул головой, как будто *он* был зол, а затем натянул мои любимые леггинсы. Входная дверь открылась, впуская пожарника в костюме.

— Ты здесь одна? — крикнул пожарник.

Я посмотрела в угол. Коула там не было.

Когда что-то загорается, можно сказать «Все охватили языки пламени» или «Все сгорело дотла». Или одновременно и то, и другое. Повсюду.

Все было просто разрушено.

Я сказала:

— Да.

КОУЛ •

Вот, что тебе не рассказывают о том, какого быть оборотнем.

Тебе не говорят, что тебе придется убегать из горящего здания в слишком тесных леггинсах с принтом радужных черепов, чтобы избежать привлечения к ответственности за поджег. Тебе не говорят, что добежав до машины, ты вспомнишь, что швырнул свои ключи в горшок с растением перед тем самым зданием, что только что поджег, и что тебе придется вернуться к месту преступления с такой осмотрительностью, которую только может иметь на три четверти взрослый человек в очень блестящих леггинсах, до того, как личные вещи будут обнаружены кем-то, кто назовет их «доказательства».

Тебе не говорят, что когда ты будешь со всей грацией и достоинством стоять на коленях в поисках ключей, то разорвешь по шву блестящие леггинсы от самой лодыжки прямым к тому месту, что тебе дал Бог.

Тебе бы наверняка сказали, что пребывать на публике голышом — незаконно, если бы ты спросил.

Но тебе не говорят, как тяжело убегать от копов, когда ты только что побывал двумя видами животных в быстрой последовательности, а затем бежал до машины и обратно.

Тебе не говорят, что этот парень с длинными волосами попытается дать тебе свой номер телефона, когда ты будешь бежать сломя голову обратно на парковку самыми окольными путями, чтобы не привести копов к твоему мустангу, который, как теперь тебе кажется, лучше бы сгорел в последнем созданном тобой пожаре.

Тебе не говорят, как много людей начнут фотографировать на три четверти голого Коула Сен-Клера, бегающего по Санта-Монике.

Тебе не говорят, какими горячими становятся черные сидения на солнце, а ты сидишь на них без одежды или почти без нее.

Тебе не говорят, как даже несмотря на то, что ты не вспомнишь ничего из того, что случилось, пока ты был волком, ты будешь помнить взгляд на лице твоей уже-бывшей-девушки до этого и сразу после до конца своих дней.

Тебе не говорят ничего. Хотя нет, это не так.

Тебе говорят: *«Давай, будь волком. Ты искал что-то целую вечность, и это, парень, именно то, что тебе нужно».*

КОУЛ •

ƒ live: *Сегодня с нами молодой Коул Сен-Клер, бывший солист Наркотики. Он был на нашем шоу пять недель тому назад, сразу после того, как заключил контракт с Бейби Норс из SharpT33th.com. Мне послышался коллективный вздох? Не беспокойтесь, он, кажись, выжил. Ты как раз закончил с альбомом, так?*

коул сен-клер: *Ага.*

ƒ live: *Как ты оценишь этот опыт по шкале от одного до десяти?*

коул сен-клер: *Где-то между Ф и гидрой.*

ƒ live: *Такую математику я и ожидал от рок-звезд. До того, как мы вышли в эфир, ты сказал мне, что вам осталось записать всего одну песню. Что потом?*

коул сен-клер: *Это ты мне скажи.*

ƒ live: *Ты кажешься таким уставшим от жизни. Как тебе Л.А.? Останешься у нас?*

коул сен-клер: *Я люблю Л.А., но я все испортил. Не думаю, что это сработает.*

ƒ live: *Ты испортил гораздо меньше всего, чем большинство из нас ожидало.*

коул сен-клер: *Ну что могу сказать, я изменился. Мы слушаем отрывок этого трека сейчас?*

ƒ live: *Вы, жители Восточного Побережья, вечно спешите.*

коул сен-клер: *Не думаю, что я на самом деле житель Восточного Побережья. Я...как там? Временно без места жительства.*

ƒ live: *Л.А. все еще хочет тебя, парень.*

коул сен-клер: *Если бы только это было правдой, Мартин.*

ИЗАБЕЛ •

Я знала, что в скором времени мне придется вернуть Виртуального Коула Коулу. Из календаря и радио я узнала, что он практически закончил альбом, и в скором времени закончится и шоу. Потом он покинет Лос-Анджелес.

А затем и меня.

Только все было не так. Я покончила с этим первой.

Может, я просто оставлю его телефон у ворот дома.

И тогда с этим и в самом деле будет по-настоящему покончено. Никаких неоднозначных концовок.

Единственная проблема заключалась в том, как сильно я по нему скучала.

Это никогда не пройдет. Легче никогда не станет. Я продолжала думать, что если загружу себя делами — закончить этот курс, подать заявления в колледжи, строить планы на будущее — то смогу отвлечься, перестану скучать по нему хотя бы на одну минуту в день.

Но все в этом проклятом городе напоминало мне о нем. Через несколько дней после пожара мне позвонила Сьерра:

— Сладкая? Мне так жаль, что я накричала на тебя.

В ее защиту уточним, что она обнаружила меня стоящей среды дымящихся остатков ее бизнеса.

— Думаю, крик был приемлем.

— Не на тебя, дорогая. Теперь я это понимаю. Мне так жаль, что я обвинила тебя.

Также, оказалось, что ей жаль, что ее оштрафовали за то, что она приказала своему работнику нарушить правила пожарной безопасности, зажигая все эти свечи при отсутствии огнетушителей. Оказалось, что она надеется, что я не предъявлю ей иск.

— Как скоро ты снова откроешь магазин? — спросила я. Я не хотела искать новую работу. Я хотела вернуться назад к нормальной жизни.

— Вся осенняя коллекция уничтожена, — сказала Сьерра. — Мне придется начинать все с нуля. Не знаю, сконцентрировала ли теперь там энергия. Я не знаю. Мне придется принять несколько жестких решений.

— Мне так жаль, — сказала я. Удивительно было слышать это из своих уст. А еще удивительнее было то, что я на самом деле это подразумевала.

— Ох, у меня была черная полоса. Так что это к лучшему! Все мои старые идеи пропали, и возникла новая Сьерра! Давай приходи на следующую вечеринку. Мне все еще жаль, что накричала. Больше не буду. Ах! Мне надо бежать. Ну все, давай, дорогая.

Я повесила трубку. Мысли о ее вечеринке заставили меня подумать о Марке, что заставило меня подумать о Коуле.

Я скучала по нему. Я скучала по нему все время.

Единственное, что делало все немного лучше, это фойе в Доме Разрушения. Моя мать уже убрала все фотографии с помолвки и свадьбы, которые там висели. Ее с отцом фотографии были заменены на наши с ней, на которых мы выглядели идентично и по-сестрински. Или просто на нее, ухмыляющуюся в камеру с дипломом медицинской школы в руках. Только вот она должна была лучше подумать над последней фотографией. Потому

что, хоть лица отца на ней и не было, технически, он все-таки на ней присутствовал. Эта ее ухмылка была направлена на него, пока он делал этот снимок.

Хотя, для меня это было и не важно. Потому что все, что мне было нужно, это огромное напоминание, что 50 % браков в Америке заканчиваются разводом, а остальные уже на пути к этому.

Я перестану любить Коула. Это был просто факт. Эта стена была доказательством того, что однажды мне станет плевать.

Я закрыла глаза. Не полностью. Если я сомкну веки, это нарушит поверхностное натяжение, и тогда эти слезы сбегут.

— Изабел, тебе тоже стоит пойти, — скала София мне в спину.

Мои глаза широко распахнулись, как будто они вот-вот выпадут. Я не повернулась.

— Тоже? С кем?

— Со мной и с папой, — сказала она. — Мы собираемся...

— Нет, я занята, — я чувствовала, что она все еще стоит там, так что добавила, — Спасибо, что спросила.

Она не сдвинулась с места. Мне не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что она собирала всю свою смелость, чтобы сказать что-то. Я хотела сказать ей, чтобы она просто выплюнула это, но у меня совершенно не осталось сил на грубость.

— Ты не занята, — смело сказала София. — Я наблюдала. Что-то не так. Тебе не... тебе не обязательно говорить об этом, но я думаю, тебе стоит пойти с нами.

Я не могла поверить, что так плохо скрывала свои чувства. И что каким-то образом потеряла остатки своей колочести, чтобы заставить Софию пожалеть, что пригасила меня.

— Скажи да, — сказала София. — Я не буду тебя доставать.

— Ты *уже* меня достаешь! — вспыхнула я. Она не выглядела пристыженной, хоть и сложила руки перед собой.

— На улице так хорошо, — добавила она. — Я возьму свою эрху. Мы собираемся посидеть на пляже.

Она опустила руки, а затем взяла одну мою. Ее пальцы были очень мягкими и теплыми, как будто у нее вообще не было костей. Какого черта? Конечно же, это не заставит меня почувствовать себя еще хуже. Когда София легонько потянула меня, я не сопротивлялась. По крайней мере, до тех пор, пока мы не дошли до двери.

— Подожди, мои ботинки, — я также подразумевала *мои волосы. И лицо. И одежду. И сердце*. На самом деле, так много всего нужно было привести в порядок прежде, чем я покину дом.

— Мы собираемся на *пляж*, — сказала София. Она отпустила мою руку и схватила пару шлепок моей матери из кучи обуви у стены. Она всунула их мне и пошла взять свою эрху.

Невероятно, но все закончилось тем, что я везла ее на пляж в шлепках, спортивных штанах и танк-топе с прической, как у бомжа. Я остановилась на краю парковки, где кучка парней с лоснящейся кожей играли в волейбол. Мой дядя (бывший дядя?) Пауло уже был там, все еще одетый в свою форму работника скорой помощи, что ужасно напомнило мне о копах в эпизоде про басиста в шоу Коула. Он взлохматил волосы Софии, как ребенку (она ослепительно улыбнулась) и закинул руку ей на плечо.

— Я собирался принести кексы. Но затем я подумал, что нет. София все равно сделает что-то, из-за чего все, что бы ты не принес, будет казаться дерьмом! Так что вместо этого я взял бухло!

Конечно, на самом деле он подразумевал бухло, а просто местное пиво в бутылках, которые снаружи были влажными из-за конденсации. София была польщена, потому что она, конечно же, испекла идеальные кексы. Я была впечатлена тем, как хорошо Пауло знает свою дочь.

Им было так весело вместе, что я почувствовала себя третьей лишней, когда помогала нести вещи к пустому участку пляжа. София расстелила покрывало, а ее отец бросил на него кучу журналов «сделай-сам», которые он собрал для нее. Я правда хотела разглядеть в этом какой-то расчет, как будто он делает все это только в качестве компенсации за то, что бросил их с Лорен, но не смогла. Потому что он был просто явно переработавшим и переутомленным работником скорой, который искренне рад уделить время тому, чтобы увидеться со своей дочерью, которую очень хорошо знал.

Был всего один человек, который знал меня так хорошо.

Станет лучше, когда он покинет город. Когда я не буду знать, где именно он находится. Мне нужно было избавиться от Виртуального Коула. Я подброшу его сегодня вечером. Я знала, что он собирался в студию, чтобы закончить альбом. Я оставлю его у него в машине.

Я не могла позволить глубоко задумываться об этом.

София и ее отец болтали, обильно жестикулируя своими руками, а потом София достала свою эрху и заиграла. Это было слышно на весь пляж, но всем было плевать. Это был Л.А. Чего они только не слышали.

Я откинулась на локти, закрыв глаза, моя голова чесалась, потому что волосы разметались по песку позади меня. Мои босые ноги лежали на песке, и я зарылась в него пальцами.

В моих мыслях Коул все еще продолжал класть свою голову мне на плечо на кладбище. Продолжал становиться волком. Продолжал выстраивать что-то и сжигать это дотла.

Просто думай об учебе, Изабел. Вот, что я сказала себе. Получить степень. Стать врачом. Это и есть жизнь.

Я подумала, через какое время мой отец придет меня навестить и отвезет на пляж перед тем, как вернуться к своей жизни в Сан-Диего.

София перестала играть.

Мой дядя спросил:

— Хочешь поговорить об этом?

Потому что я плакала. Я села, согнула ноги в коленях и прижимала их все ближе, пока не уткнулась в них, плача.

Жизнь — *дерьмо*.

София положила свою руку мне на спину, что обычно я бы не позволила, но у меня не было сил протестовать.

— Станет легче, — сказал Пауло.

Но я это *знала*. Это и было хуже всего. Хуже всего было то, что в конце концов вы забываете о людях, которых любили. И умерших, и воспитавших вас, и тех, с кем вы хотели бы проводить завершение дня.

Еще до уроков СПМ я узнала, что тело производит три типа слез, и каждый из них имеет уникальный химический состав. Один из них вырабатывался регулярно, чтобы поддерживать глаза влажными. Другой пробуждался, когда какой-то мусор попадал в глаз, чтобы увлажнить его и избавиться от незваного гостя. А третий был для тех случаев, когда внутри вас обосновывается грусть. Слезы вымывают из тела химикаты, производимые депрессией.

Вы выплакиваете свою грусть.

Так что я знала, что есть научное объяснение, почему я чувствую себя лучше, когда поплачу.

Но это не отменяло тот факт, что я почувствовала себя немного лучше.

Наконец, я немного приподняла свою голову, чтобы лечь щекой на колено. Я спросила своего дядю:

— Ты все еще любишь тетю Лорен?

Я ожидала, что София сожмет руку на моей спине, но этого не случилось.

Пауло сделал печальное лицо.

— Она мне нравится. Она милая женщина.

— Так что же случилось?

Он подумал над этим. Я подумала о том, что мое лицо наверняка выглядит как поле боя. София собрала мои волосы в конский хвост, а затем распустила их обратно.

Наконец, он сказал:

— Думаю, мы не были друзьями. Это была просто любовь. Безрассудная страсть. Так что, на самом деле, мы ничего не делали вместе, если это не было свидание. Нам нужен был повод. А спустя время мы оба перестали его находить. У нас были другие друзья. Мы не отделились. Мы просто никогда и не были вместе. Это была неудавшаяся дружба.

Я подумала о нас с Коулом. Были ли мы друзьями? Или это была просто безрассудная страсть?

Я почувствовала, как София положила голову мне на спину и вздохнула. Она, должно быть, выглядела грустной, потому что ее отец тоже выглядел грустным. Он сказал:

— Выходи замуж только за своего лучшего друга, София. Это мой отцовский совет.

Я сказала:

— Я думала, ты собирался отпугивать ее парней дробовиком. Я думала *это* и есть отцовский совет.

— Может быть, если речь идет о *твоем* отце, — сказал Пауло. — Он расстреливает множество вещей и радость тоже.

Мы оба с ним остро, удивленно и виновато рассмеялись. Я села, сбросив с себя Софию, и повернулась так, чтобы упираться своими плечами в ее. Я протянула руку за пивом. Впервые за всю неделю я не чувствовала себя дерьмово. Я буду в порядке. Я переживу это.

Я подумала о возвращении Виртуального Коула сегодня вечером. О вариантах: отдать его Коулу лично в руки или оставить его у него в машине.

Затем я подумала о третьем варианте.

Я достала Виртуального Коула и свой телефон. Проверила, есть ли там номер телефона Бейби.

— Мне нужно позвонить. Не возражаете? — я указала на Виртуального Коула. — Он вообще-то принадлежит Бейби. Я собираюсь вернуть его сегодня вечером.

Когда я встала, София попыталась погладить мое плечо прежде, чем осознала, что я не позволю это теперь, когда уже не плачу. Она стукнула горлышком бутылки своего пива по моей. Мы узнавали друг друга лучше.

Набрав Бейби, я подумала, что действительно это делаю.

Это и есть жизнь. Вот она такая. Это происходило.

КОУЛ •

Последний трек занял вечность, и я знал, что для телевиденья это довольно дерьмово. Я оставил его напоследок, потому что это было сложнее всего — я не был хорош в том, чтобы растягивать что-то прекрасное. Недостаток слов легко было спрятать за взрывными барабанами и закрученным темпом. Люди простят что угодно, если под это можно танцевать.

Но «Любовники (Убийцы)» не была танцевальной мелодией. Она должна была стать финалом, последней в альбоме, последним звуком в ушах слушателя. Я не мог смухлевать.

Мы провели семь часов записывая ее. Думаю, что Лейла, что Джереми хотели меня убить, но были достаточно умны, чтобы не говорить это вслух. Я заставил Лейлу записать ее барабанную партию в девятый — десятый? может, и десятый — раз. Я сидел в большой звукозаписывающей комнате на виниловом диване с наушниками на голове, слушая, как Лейла играет на установке в звукоизолированной будке. Джереми выглядел спящим на противоположном конце дивана.

В другой стороне бездушной студии Ти и Джоан, казалось, тоже надеялись на сон. До сих пор, это был не самый захватывающий эпизод. Я все еще ждал, что Бейби начнет возмущаться, но она тоже казалась уставшей от этой игры.

Лейла снова начала прокладывать путь через песню. В отличии от нас всех, она совершенствовалась с течением времени, как будто открывала другую версию себя. Если она стала делать это настолько лучше, после десятого раза, я непременно должен заставить ее сыграть еще три-четыре раза и посмотреть, что произойдет. Было немного стыдно, что мне потребовалось целых шесть недель, чтобы научиться с ней работать, а сейчас это вроде как был уже конец.

Конец.

Большая часть моего мозга оставалась в мустанге снаружи. Прежде, чем прийти сюда, я упаковал все, что привез из Миннесоты, обратно в коробки и сложил их на небольшое заднее сидение. Сегодня я ночевал у Джереми, а утром занимался чем-то вроде подведения итогов с Бейби и парочкой журналистов из нескольких журналов. А затем...

Я даже не знаю.

Я не хотел возвращаться в Миннесоту. Но я не мог здесь оставаться. Я видел ее везде и во всем. Может, однажды я смогу вернуться обратно, но не сейчас, не так. Я не мог проводить каждый день, глядя на Лос-Анджелес, но не чувствуя его внутри себя.

Я положил голову на руки, слушая. Не было ни единой причины на то, чтобы заставлять Лейлу перезаписывать ее барабанную партию. Она была хорошей. Поработать требовалось над моим вокалом. Я звучал как под анестезией.

Стоя, я провел ребром ладони по горлу, обращаясь к звукорежиссеру в микшерной комнате. Я попытался запомнить его имя, но у меня не получилось, а теперь, в самом конце этой игры, казалось бессмысленным пытаться сделать это снова.

— Нормально. Хорошо. Но я должен вернуться туда.

Все, кроме Джереми, испустили коллективный вздох. Он просто сказал:

— В конце концов, это должно будет закончиться, Коул.

— Это закончится, когда я так скажу.

Я прошел в небольшую стеклянную звукоизолированную будку.

Там я снова натянул наушники, и пока звукорежиссер настраивал оборудование и готовился записать очередную вокальную дорожку, я попытался придумать, как бы мне усовершенствовать то, что вышло с предыдущей попытки. Может, в этот раз мне стоит просто добавить еще один слой созвучия голосов.

Или, может быть, я должен перестать звучать так, как будто мне разбили сердце.

Я заерзал. Я прекрасно знал, что камеры могут видеть меня через стены кабинки. Это была золотая клетка.

— Ладно, — сказал звукорежиссер. — Ты молодец. Иди и сделай это.

Я услышал теперь уже бесконечно знакомые звуки синтезатора, которыми начиналась «Любовники (Убийцы)», удары Лейлы по барабанам и затем молниеносную и короткую басовую партию Джереми. Мой голос запел мне в уши, тот Коул был уставшим, его сердце было разбито, а сам он скучал по дому, который пока еще не покинул, но вот-вот собирался это сделать. Я продолжал ждать, когда какая-то часть песни начнет умолять меня добавить еще один слой, но ничего особо не выделялось.

Я закрыл глаза и просто прислушался к своей несчастной спетой исповеди.

Я не хотел уходить.

Я был в наушниках, так что скорее почувствовал, чем услышал, как открылась дверь. В кабинку ворвался поток кондиционированного воздуха.

Я открыл глаза.

Изабел стояла на пороге, холодная и элегантная, как пистолет.

Через стекло я увидел позади нее направленные на нас камеры и Бейби, стоящую возле двойных дверей, открытых в ночи. Несколько сотен человек, собравшихся на стоянке, вытянули шеи, чтобы увидеть происходящее внутри.

Я не понимал.

Изабел ступила в кабинку. Подойдя, она сняла наушники и аккуратно положила их на табуретку рядом со мной. По ее лицу я не мог понять, что было у нее на уме.

Улыбка Бейби была такой огромной, а объективы камер так открыто были направлены на Изабел, из чего я понял, что, невероятно, но она, должно быть, согласилась сниматься. Согласилась участвовать в шоу Коула Сен-Клера. Десятки лиц толпой приближались к двери, пытаясь получше разглядеть, что происходит внутри. Они выглядели так, как будто это было... задумано.

— Изабел, — начал я. Но я не знал, что происходит. так что не мог закончить предложение.

— Та-даам, — сказала Изабел. Большой микрофон рядом со мной уловил ее голос, и он раздался в наушниках, что лежали на табуретке. Ее лицо угрожало улыбкой. Настоящей.

— Калпепер, может, мне не нравится «та-даам», — сказал я, несмотря на то, что в мире не существовало ничего, что нравилось бы мне больше.

Она знала это, так что просто плотно сомкнула свои руки вокруг меня. Это был первый раз, когда она обняла меня прежде, чем я ее. Первый раз, когда я почувствовал, что она обнимает меня так, как будто хочет этого больше всего на свете.

Достаточно громко, чтобы микрофон снова уловил это, она сказала:

— Останься.

Но я *оставался*. Это она всегда была той, кто уходит.

— Откуда мне знать, что ты тоже останешься?

Она прошептала мне в ухо:

— Я люблю тебя.

Она положила голову мне на плечо, а я прижался к ней, и мы просто обнимали друг друга. Хоть раз что-то было значимым. Я подумал о каждом мгновении стоя на краю, реальном или нет, в поисках чего-то реального или нет, никогда не находя то, что мне было нужно.

Я почувствовал это сейчас. Вот, что мне было нужно.

Сердце переполнял солнечный свет.

Я не хотел думать о камерах, но теперь, когда я снова мог дышать, это было сложно. И сложно было не осознавать, что Изабел создала идеальный финальный эпизод этого шоу, потому что она была чертовски гениальна и знала меня. Эта толпа, должно быть, сейчас умирает внутри.

Я почувствовал, как Изабел дрожит, и у меня ушло мгновение на то, чтобы понять, что она беззвучно и уничтожающе смеется.

— Хорошо, — прошептала она мне в ключицу. — Просто сделай это. Я знаю, что это у тебя на уме, так что просто сделай это.

Она подняла голову. Я посмотрел на нее. Достаточно громко для того, чтобы микрофон смог это уловить, она спросила:

— Зачем ты вообще приехал сюда, Коул?

Я коснулся ее подбородка. Это место, это прекрасное место, эта девушка, эта прекрасная девушка, эта музыка, эта жизнь.

— Я приехал сюда ради тебя.

И ее рот изогнулся, потому что она знала, что эти слова не становятся менее реальными от того, что я говорю их перед толпой.

А затем у нас был идеальный поцелуй. Людями в студии овладело абсолютное безумие.

Я знал, как сделать все правильно, когда был просто Коулом Сен-Клером.

Но вместе мы сделали это лучше.

КОУЛ •

ƒ live: *Сегодня с нами молодой Коул Сен-Клер, вокалист Наркотики, и он дает свое первое интервью после выхода альбома «Сердечный (Приступ)». Коул, большинство групп едут в тур после выхода альбома. Вместо этого ты открыл студию звукозаписи. Давай поговорим об этом. Вообще-то, позволь мне копнуть глубже. С тех пор, как ты переехал в Л.А., ты пережил съемки в ТВ-шоу, записал два чертовски горячих альбома, открыл студию звукозаписи, продюсировал чрезвычайно успешный дебютный альбом Скилфилд и в цифровом формате выпускал новую песню каждый месяц этого года, а кульминацией этого всего стал «Сердечный (Приступ)». До сих пор ты отказывался от предложений всех крупный лейблов. Пожалуйста, скажи мне, что ты также наконец завел собаку.*

коул сен-клер: *Никаких собак. Но мы решили оставить Лейлу в качестве нашего барабаника, а она довольно волосатая.*

ƒ live: *Ты считаешь себя лейблом? Вот что происходит?*

коул сен-клер: *Воу, воу, Мартин. Держи свои штаны при себе. «Лейбл» звучит очень похоже на обязательство. А это больше похоже на то, как иногда друзья приходят в студию и склеивают что-то в кучу.*

ƒ live: *Друзья вроде Скилфилд?*

коул сен-клер: *Ага.*

ƒ live: *Та штука, которую вы с ними «склеили в кучу» была продана в количестве более, чем миллион экземпляров.*

коул сен-клер: *Ага, ну, они клевые друзья.*

ƒ live: *Ставлю на то, что... Что это за шум?*

коул сен-клер: *Лос-Анджелес. Леон, можешь заставить этих людей двигаться? Мартин, ты, возможно, помнишь моего бесстрашного водителя. Скажи привет.*

леон: *Привет.*

ƒ live: *Леон! Куда ты везешь нашего бесстрашного героя сегодня? Записать очередной инди-хит? Захватить Бродвей?*

леон: *Могу я ему сказать?*

ƒ live: *Сказать мне что? Это Коул кричит? Что он сказал?*

леон: *Он сказал: «Теперь мне больше не нужно работать!». Его девушка сегодня выпускается из медицинской школы.*

ƒ live: *Подожди... это Изабел, да? Девушка из шоу. Передай трубку обратно Коулу.*

коул сен-клер: *Конечно же, это девушка из шоу. Кто же еще? Поздравь меня. Я всегда хотел встречаться с доктором.*

ƒ live: *Поздравляю. После т...*

коул сен-клер: *Ты знаешь, что — да. Ага, я собираюсь выйти из машины прямо здесь.*

ƒ live: *Подожди! Где ты? Ты на автостраде?*

коул сен-клер: *Да. Ты знаешь, Мартин, это я и собираюсь сделать. Я выпрыгну прямо здесь. Ты должен продолжить и включить ту песню, что я отправил тебе, а я перезвоню, чтобы узнать, как она понравилась миру.*

ƒ live: *Смотри по сторонам, Коул! Смотри по сторонам!*

коул сен-клер: *Как и всегда. Ладно, я выхожу. Леон, ты со мной?*

live: *Он идет?*

live: *Коул?*

live: *Леон? Есть кто-нибудь в машине? Ладно.*

live: *Леди и джентльмены, это был Коул Сен-Клер из Наркотики.*

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мэгги Стивотер

Первый автор в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», написавшая романы «Дрожь» «Превращение» и «Вечность». Ее роман «Скорпионьи бои» был удостоен Премии Принтза, а первые две книги из трилогии «Вороновый Круг» — «Воронята» и «Похитители Грез» — получили прекрасные отзывы и упоминания в бесчисленных списках лучших книг года. Также она автор книг «Прощальная Песнь. Ложь Королевы Фей» и «Баллада. Осенние Пляски Фей» Проживает в Вирджинии со своим мужем и двумя детьми. Вы можете посетить ее веб-сайт по адресу www.maggiestiefvater.com.

notes

Вайфареры — это очки в роговой или пластмассовой оправе, выпущенные фирмой Bausch & Lomb под своим брендом Ray Ban в 1952.

В английском языке слова «зубы» (teeth) и «тройки» (threeeth) созвучны.

Сленг: замороженный сливочный десерт (йогурт) (от «frozen yoghurt»).

Танк-топ — самая обычная трикотажная майка. Особое значение танк-топ приобрел сегодня, когда в одежде популярна многослойность.

Тонзиллэктомия — удаления миндалин.

Янки-узурпатор — имеется в виду «пришедший завоевать». Прозвище американцев — уроженцев и жителей Новой Англии (северо-восточных штатов США).

Гипоталамус (hypothalamus) — отдел промежуточного мозга, которому принадлежит ведущая роль в регуляции многих функций организма, и прежде всего постоянства внутренней среды.

Аббревиатура ПВХ — это сокращение от названия синтетического материала поливинилхлорида. Из этого материала изготавливаются пластиковые трубы, которые используются для водоснабжения.

Соус винегрет (фр. Vinaigrette, Sauce vinaigrette, от фр. vinaigre — уксус) — салатная заправка, основными ингредиентами которой являются уксус и растительное масло.

Айоли — соус из чеснока и оливкового масла, очень популярный на северном побережье Средиземноморья — от Испании до Италии.

Эрху — старинный китайский струнный смычковый инструмент, оригинальная двуструнная скрипка с металлическими струнами.

Культурная апроприация — усвоение или незаконное заимствование изображений, ритуалов, эстетических стандартов и норм поведения, свойственных одной культуре или субкультуре представителями другой культуры.

Сет-лист — рукописный или напечатанный перечень музыкальных произведений (композиций, песен и пр.), заявляемый исполнителем на определённый концерт; в широком смысле — сама программа выступления.

Фанк — это немного более энергичное направление соул музыки, зародившееся в начале 70-х и плавно перетекшее в диско.

Игра слов. Бейби в переводе с английского означает «ребенок», а в сленге — «детка».

Эйч-Би-Оу (НВО) — американский телевизионный канал.

Crate & Barrel — крупная американская сеть магазинов товаров для дома, мебели, аксессуаров и др., принадлежит германской Otto Group.

Фалафель — блюдо, представляющее собой жареные во фритюре шарики из измельченного нута (или бобов), иногда с добавлением фасоли, приправленные пряностями.

Краут-рок (нем. Krautrock) — направление экспериментальной и психоделической рок-музыки, возникшее в конце 1960-х — начале 1970-х годов в Западной Германии.

Rite Aid (произносится Райт Эйд) — американская компания, крупнейшая аптечная сеть на Восточном побережье США и третья по обороту во всей стране.

+18 °C

PSA — это бренд камер наблюдения.

Таргет — супермаркет в США.

Френология — одна из первых псевдонаук в современном понимании, основным положением которой является связь психики человека и строения поверхности его черепа.

Перкуссия — ряд ударных инструментов, не входящих в состав классической ударной установки.

Off the Wall (рус. Чуждый условностям) — пятый студийный альбом Майкла Джексона, и первый, принёсший музыканту всемирную известность.

Образ Лэсси был создан англо-американским писателем Эриком Найтом. В рассказе у йоркширского мальчика есть исключительно красивая и преданная колли, но когда у семьи возникают финансовые проблемы, родители продают собаку состоятельному дворянину. И мальчик и собака тоскуют друг по другу. Тоска Лэсси усиливается, когда новый хозяин увозит её за сотни миль в своё поместье в Шотландию. Однако инстинкт колли вынуждает её убежать. В книге прослеживаются отчаянные усилия Лэесси вернуться к мальчику, которого она любит.

Ехо-парк — густонаселенный район Лос-Анджелеса с более чем 40 тысячами жителей.

Спойлер в автомобиле — это элемент (или набор элементов), изменяющий аэродинамические свойства кузова автомобиля, перенаправляя воздушные потоки.

Эрху — старинный китайский струнный смычковый инструмент, оригинальная двуструнная скрипка с металлическими струнами.

Korg — японская частная компания, производитель электромузыкальных инструментов, аксессуаров для них и оборудования для студий звукозаписи.

Эскалада — люксовый внедорожник.

Сансет-стрип — часть бульвара Сансет, идущая через Западный Голливуд, является центром ночной жизни Лос-Анджелеса. Здесь находится множество ресторанов, рок-клубов и ночных клубов.

Премия Святого Христофора (англ. Christopher Award) — награда, присуждаемая в области литературы, кинематографа и телевидения.

Квартальная вечеринка — вечеринка, на которую обычно приглашают местные музыкальные группы.

Вест-Адамс — район Лос-Анджелеса.

Сиракьюс, Сиракузы (англ. Syracuse) — город в США, в центральной части американского штата Нью-Йорк.

Стар (англ. Star) — в переводе с английского означает звезда.

Пачули — вид кустарниковых тропических растений из рода Погостемон (*Pogostemon*) семейства Яснотковые.

Неоспорин (Neosporin ®) — лекарственное средство в виде мази выпускаемое американской фармацевтической компанией Johnson&Johnson.

Шугэйзинг (англ. shoegazing, или Шугэйз, shoegaze) — один из жанров альтернативного рока (инди-рока), зародившийся в конце 1980-х.